

ÆÓÐÍ ÀË «ËÅÕÀÈÌ »

Í Î Æ Ð Æ Æ

2003

ÕÅØÀÀÍ

5764

N 11(139)

Более того: слово «безмуна» можно перевести и как «с верой» – то есть с верой в Б-га. Казалось бы, где Б-г и где бизнес? Что такое – бизнес с верой в Б-га? Но как раз здесь заложена очень важная мысль. Бизнес – это деловые взаимоотношения между людьми, поэтому он, естественно, подчиняется человеческим законам. Если бизнесмен украл, смошенничал, обманул – то есть нарушил правила, – его судят человеческим судом и сажают в тюрьму. А если он не совершил преступления, если просто, что называется, воспользовался ситуацией? Например, продал товар по более дорогой цене, сыграв на неосведомленности покупателя (скажем, с помощью рекламы)? Или купил за бесценок, опять же благодаря неосведомленности продавца о ходе дел на рынке или его безвыходному положению? А вот еще одна простейшая ситуация, с которой сталкивался каждый: если кассир вдруг ошибся «в нашу пользу», вернем мы ему деньги или нет?

По меркам обычного закона все это – не правонарушения. Судить за них не будут. Наоборот – скажут: «повезло». Но человек, который ведет дела «безмуна», всегда помнит, что Г-сподь видит его поступки и за любое такое «везение», за любую нечестность придется дорого заплатить. Верующий человек знает, что Б-г все равно даст ему столько, сколько нужно, не больше и не меньше. Деньги, которых не должно было быть, все равно быстро уйдут.

Тот, кто ведет дела только по человеческому закону, может позабыть о честности: закон не нарушен, а дальше с него и взятки гладки. Ведущий дела «безмуна», с верой в Б-га, видит в Б-ге своего партнера по бизнесу. С одной стороны, это придает ему уверенности в себе: если мой бизнес процветает, думает он, то с помощью Всевышнего. Да и тратить деньги гораздо приятнее и спокойнее для души, если знаешь, что они заработаны праведно. С другой стороны, вера заставляет предъявлять к себе требования, подчас превышающие требования человеческого закона. Ведь если у тебя такой необыкновенный, такой уважаемый партнер, его никак нельзя обманывать!

В старые времена вести дела «безмуна» было проще. Люди жили в небольших городах и селах, все друг друга знали, и доверие стоило дороже нечаянной прибыли. Если кто-то хотя бы раз несправедно нажился за чужой счет, даже не нарушив закона, – об этом все узнавали, и этот человек переставал быть «амин», губил свою репутацию. А с дурной репутацией оставалось только закрывать дело и уезжать – туда, где тебя еще не знают. Сейчас, к сожалению, подавляющее большинство людей известно нам не лично, а через посредников – газету, радио, телевидение... Можем ли мы доверять журналистам, сплошь и рядом создающим ложные репутации или, наоборот, безосновательно разрушающим репутацию политиков, крупных бизнесменов? Но именно потому, что заслужить безупречную репутацию – дело очень сложное, оно так важно – и для самого человека, и для Б-га.

Вот Г-сподь и поставил вопрос о честности в делах первым среди трех вопросов, поставил даже перед вопросом об изучении Торы. Бизнес – возможно, одно из главных нравственных испытаний человека. Деньги или житейские блага человек может добыть пусть не слишком честным способом, но не подвергаясь опасности судебного преследования. Оставаясь законопослушным членом общества. Соблазн велик. Человек может и Тору учить каждый день, а в деловой жизни отступать от ее законов. Но тот, кто этот соблазн преодолел, кто даже в бизнесе неразлучен с Б-гом, тот явно живет с Ним во всех остальных сферах своей жизни.

Главный раввин России Берл Лазар

Δαάε Ι άί αόαι -Ι άί αε Οί άάδιί

ÇÀ ÁÓÊÂÎ É ÇÀÊÎ Î Á

Áάάái éá

«Íío:áíey íoúía» («Íéðéé íáíéñ») íðéíááéáεάδ é óái éíéáí, í éíóíðíó í ú çáái ðáíúεά: αí íái áíáέíñí éó íðí:áíóú Ðáçáí éάεάίε εç íáííá íéú óáé èçú:áíey: «Í áíñáé áέéαίάí, ííéóáí íá ííáíáé íá áά í áíóá?» («Íío:áíey íoúía», 2:5 Çááíí é ááéáí óéóáóú íðéáíýóññ íí èçáái èç «Íío:áíey íoúía». Í. - Éάδúáééí: «Áάάó»/ «Çíáíéá», 2001.) Ðáçáí íá áíáíðééíñí íái íííáéðáóíí: «Áíéúεά éí óúáíóáá - áíéúεά çááíò» (óái αά 2:8)?

«Íío:áíey íoúía» - éíéá, áááíí ñóááóý íá íðííóí óðéááóú áάýóúí óðáéóáóíí Úáéí óá, á íðáóáíðéáóáññ á íáí çí íéíóú áάéíéíéé áεçíé é áάééíéíá í úóéáíey. Éáí εç éíéá ýóíé íðéáíýó óéóáóú íí áñýéíí ó ííáíá, é í ú ííðíé íðííóí íá á ñéáó íðéíííéóú íðéóáá çáéí ñóáíáíú óá ééé éíúá «éðúéáóúá» áúðáεáíey. Úáééá íáiðéí áð: «Íáéí áάáó áέá:áδ çá ñáíé áóáíé» ééé «Áñýéíí ó:áéíááéó- áά: αñ é áñýéíé ááúé - ááí áíóí» (óái αά 2:2,3).

Íí é íðí:éóáá íáíáεáú «Íío:áíey íoúía» ííéííñóúç, í ú áóáíí ííóíí áíçáóáúáóúññ é íéí ñííáá é ñííáá Ííóíí ó:óí çá áíáεíáé íðííóíðíé óðáç ýóíá óðáéóáóá éðíçóññ í ííáá óííééá é ðáçííáðáçíúá óðíáíé ñí úñéá. Í áááóíí íá «Íío:áíey íoúía» íáíéñáíú ñíóíé óíí íá éíí í áí óáðéáá! Éáé ñéαáíí á íáí íí óðáéóáóá «Éέñóáé é íáάééñóúááé ýóó éíéá, éáí áñ - á íáé... ñóááé é ñíáé ñ í íáç, é íá ðáññóááéññ ñí íáç, éáí íáó áéý óáý íé:áñ éó:óá...» (óái αά 5:26).

É éí áííí á ðúñéá ýóíé óðááéóéé íáíéñáíá éíéá, éíóíðç í ú íá:éíáíí íóáééííáóúí - «Çá áóέáíé Çáéííá». Ýóí - ñáíðíéé ýñíá, ñíñóááéáííúó íá íñííáá ñóáóáé, çáí áóíé, áúñéαçíááíéé Εçάááε:ñéíá Ðúá - ðááé Ι άί αόαι - Ι άί αε Οί άάδιί

Éáεááý εç óáíðéááíýóé áεááíé ýóíé éíéá ñíñááíóí:áíá íá éáéíí -óí áúñéαçíááíéé εç óðáéóáóá «Íío:áíey íoúía». É ííýñíáíey Ðááá ááçò óáéáóú íóáíéóú é íñçíáóú ñéíéú áíááó ñí úñéáí é ýóíó óáéí óáε:áíééé óáéñó.

«Íío:áíey íoúía» - íáéí εç óðáéóáóíá Í éóíú, ñíñóááéáííé á Νάýóíé çáí éá ðááéé Éάáíé á-Í íñé á éíí óá áóíðíá áéá í áεáé ýóú.

Νáí í ñéíáí «Í éóíá» íçíá:ááó «εçú:áíéá» ééé «íáçíð». Í éóíá Éάáúí á-Í íñé áúéá íáðáíé íéññ áííé éíáéóééáóéáé çáéííá Οíðú. Í á íðíóýáéíéé óðéááóé íýóé ííéíéáíéé - íó Í íóá áí ðááéé Éάáúí - ááñí éíðíóí çáéííá Οíðú é óáí íðéíóéííá íá ñíííáá éíóíðú ííé áúáíáýóññ εç Í éññ áííé Οíðú (Í ýóééíéáéý Í íóá), í áάááááééíñí óíóí, íó ó:éóáéý é ó:áíééá

Íá ýóíé óáíé íðáíí ñóáíííñóé áíáíðéóññ óεá á íáðáíé áεááí «Íío:áíéé íoúía». Ðáááé Éάááí áúíáéá áðáíóíáý ñáúíáá ñóáóú íñéááóáéáí íá:áéá í:áááííá íðíóáíñá ðáññýíéý áάáéíéíá íáðíáá, íðíóáíñá ðáçáðíáéáíéý áá íá íááíéúεά, íóíðááíúá áóá íó áðáá íáúéíú. É éí áííí á óó ííóó íí íñçíáé íáíáóíáéí íñóú çáíéñáóú óíóíá ó:áíéá, áááú «Οíðá íá ñáíáí áúéá çááúóá Εçάééáí ».

Νéááúóó íðεçíáóú Éάááí á-Í íñé áéðóóçíí ñí ðááééññ ñí íñóááéáííé çáá:áé, óáé ÷óí éάεάíá ñéíáí, éάεάíá íðáéíáεáíéá Í éóíú áí áñóééí á ñáý í ííéáíóáí çáéííá Úáé, íáiðéí áð éééçñóðáóé é éάεάíí ó εç éíí í áíóéðáíí úó çáéííá ííáíáðáíú á Í éóíá ñóíéú óúáóáéííí, ÷óí íá éó íñí íáí í áéíí áíááíóé íáíéíéúéí áðáéó çáéííá

Í éóíá ñíñóíéó εç 63 óðáéóáóíá íðé:áí 37 εç íéó ðáçíáðáíú é íðíéíí áíóéðíááíú á Ááí íóá Óðáéóáó «Íáíéñ» («Íóóú»), ééé «Íéðééé íáíéñ» («Áéááí íoúía»), óéíðáíéáóééññ á ðáñíéýçí:ííé óðááéóéé ííá íáçáíé éáí «Íío:áíey íoúía», - óðéááóú ááýóúé íí ñ:áó

Á ó-áíεá íí-òε òðáò ááεíá «Îεοίó» áíáεεçεðíááεε, íáííεááεε ε εííí áí εðíááεε íáííεíεíε ííεíεáíεε íáεεðí óðáòíá ε ó-áí úá. Áíεúεεííóáí æεεí á Áááεείíá εíòíðúε áúε óáí òðíí εç-áíεý Ñíðú. Ëíòíεεíááíεá ε εííí áí òáðεε ε Îεοίá - Ááí íðá («Ú-áíεá») áúεε íáíεíáíú á íýòíí ááεá íáεáε ýòú

Βάííí Áεε ε Βάáείίε. Áí áíòá Ááí íðá ε Îεοίá íáðáçðò Óáεí óá - εòíáεç-áíεý Ñíðú íá íðíòýæáíεε æεçíε ÷áóúðáò ááíýðεíá ííεíεáíεε.

«Îíó-áíεý íòóíá» íðεε÷áðòííý íò áíáò òðáεóáðíá Îεοίú ðíεεáεúíúí ε íάíεíòáá-í ε. Îíòáεúí úá 62 òðáεóáðá Îεοίú í ðááíεííáðò, ÷òí íεάáòó ε ÷áí íá íεάáòó ááεáóú ááðáð.

Ýòε òðáεóáðó, á ÷áíòííñòε, íáíòááéýðò, εáε εí áííí íáεéíí ííεεòúííý, εáε εç-áóúí Ñíðú, ÷òí í íáéíí íðείεí áóúí á íεúá, á ÷òí - íáò, εáε ííáúðεáóúí áðáεííí-áóáíεá, εáε áííðε εáεάí ááðú, εáε ííáεðááóúí Νóóáí óó ε íðáçáí εεε, εáε ííáάíááóúí í áðò áíú, íáεáçíááóúí çá í ðáíò áíεάíεý, áííðε ááεá..

«Îíó-áíεý íòóíá», íáíáεí æá, íííðááí óí-áí ú íá íá çáείíá (áεί), á íá òíí, ÷òí íá εáðεóá íáçúáááóííý εεðíεί í ε-óðáíá-áεί - «í ðááúááðύáá í áá íòðíεíε çáεííá».

Ëáε ýòí íííεί áóúí? Íá íáí íí íðííòíí óðíáíá εíòíεεíááíεý ýòíε òðáçú - ðá-ú εάúò í òíí, ÷òí áúθίáεò çá íðááεú í είεíá áεúúúò òðááíááíεε çáείíá «Îíó-áíεý íòóíá» íá íðííòí ðáíòíεεíáíáðò òðááíááíεý, óíòάííáεάíúá òíε εεε εííε çáííááúð, - ííε óááðæááðò íí ðáááεáí í çð ýòε-áíεçð íεíòáí á

Óáε, á Ñíðá í íáεéí íáεóε çáíðááíáεá ííεíðáéýòúí áεεάéíáí, íáíáεí çáείíú Ñíðú íá áíáíýò í íáíáíááεί ííðε óéúááóúííý áεεάéíáí ó εεε çáíðíááóúííý í íεí íðε áíòðá-á Îáεáò òáí, á «Îíó-áíεýò íòóíá» íεáçáíí: «Î ðείεí áε εάεάíáí í áúðáεάíεáí íðεάáðεεάííñòε íá εεóá» (òáí æá 1:15).

Îíεάáíí ááεá çáείíá òíò, εòí áíáíðεò: «Β ááð ááíýðεíó íá ááεá í εéííðáéý, ííýòíí ó íúí í íε ááááð æεòú», áíòú-áείááε, íεááçðύεε íóóáí íðáááí ííñε. Íí á «Îíó-áíεýò íòóíá» íεáçáíí íáíεíεúεí είíá «Íá óííáíáεýεííý íεóóáí, εíòíðúá íεóεáò íάíáí ó óíçýεíó òíεúεí ðááε áíçí ááðáεάáíεý» (òáí æá 1:3).

Óíò, εòí áíçááðæεάááóúí íò íðε-εíáíεý çεá áεεάéíáí á óòðíí ε áá-áðíí ÷εðááò íí áεάáá εç Ñíðú, áááò ááí úíε íá áεááí òáíðε òáεúú ííñú ε ííáεðáááð çáííááε, - òíò áúííείý áó áéáó Çáείíá

Íí òíò, εòí íεάáò «Îíó-áíεýí íòóíá», íá ááááð áíáíεúíòάíááóúííý òíεúεí ííá-εíáíεáí íáíááí ííáááíáéý òðááíááíεýí çáííáááε Ñíðú. Íáò, íí ðááíí íçááíòεòííý òáí, ÷òíáú ε áíá á áí æεçíε - áíáóíεε íáεεε, æáεάίεý, ÷áííðáá, íáí á íòóú ááí εε-ííñòε íðáεε, á íáíð í-áðááú íððáεάíεáí òíá íáðáçá í εðá, εíòíðúε çáááí Ñíðíε εáε «÷áððáε áíýáóúáá í εðíçááíεý».

Ëεáóúεε ííεάáíí «Îíó-áíεýí íòóíá» áóááò íá òíεúεí ááááóúí óáíεó - ááí úíε íá áεάáí òáíðε òáεúú ííñú, íí òáεíε ÷áéíááε ááεííðáεò áεúú í íòάíáð çááíòεòúííý í áááí ýεáá. Á çíá-εò - íá íáííεáç ááí ííñòðεðíááóúíεðáíáí ε áεεάéíáí á, íí ííεíòεíá - εðáεòú áεεάéíáí.

Ýòíò òðáεóáðò ó-εò íá íðííòí íáááíε-áíεííó íεάáíááéçð òíòí áεúúíε íòíðíá çáííáááε. Íáíáíθò - íí ó-εò áíóðáí íáí ó ííñòεááéçð íáíáóíáεí ííñε áúííείáíεý ýòεð çáííáááε áéý æεçíε ííεάáíí Á-áεάíòááííí ó íεάíá Ó-εò áεάáí íí ó - ííñòεááéçð íòε, εíòíðíá íí áááí áíáí εçí áí ýáð íáí í áíóðáí íáá «ý» ÷áéíááεá.

Ííýòíí ó «Îíó-áíεý íòóíá» í-áíú áεεçεε áíýείí ó óáíεάç íóóú, íáí á-ááí úε εí ε, ýòí εí áííí òíò íóóú εíòíðúí εάóò íííεάííááóáεε óáíεάíεíáí ó-áíεý.

Íí áááí ε óáíεάεçí ááááò íáíá εíòεíííá íá-áεí íá á 1734 áíá, εíááá ðáááε Ëíñðýε Áááε-Óáí-Óíá íí íááε óáíεάíεíá ááεááíεá Óáíεάíí ýáéýáóúííý áíýεεε, ÷úá ííáááí εá íòðíεòííý íá εðááε ε Óáíðóò ε ÷úá ááεε÷áεóáá æáεάíεá - εíííείεòú Ááí áíεçð.

Ī ŷyōŷi ō-ōi i ū ē i ŷæāi ōōāādeāāōū ÷ōi iādāiŷi ōāŷēāiŷi āūē iōāiōāō ŷāō Aādāiŷi, ŷ ēiōiōiŷi Nāi A-āāiōāi ē iōiōiēā Eōāyō (A1:8) ŷēāāē: «Aādāiŷi, āiōēpāēāōēē Ī āiŷ».

B. Ōāōāāō

Ōōiēi āŷ ŷāŷi

A-ā āāāē ē Ōiōā ŷāŷi ŷi iōi-ŷi ŷi ē ōŷi ē

Талмуд в трактате Сангедрин (90a) подтверждает истину: Весь Израиль имеет долю в Мире Грядущем. Ибо сказано:

«И народ твой, все праведники, ветвь насаждения Моего, дело рук Моих для прославления, навеки унаследуют страну...»

Ишаяу, 60:21

Обычно принято читать «Поучения отцов» по Субботам, во второй половине дня, по главам. Чтение начинается с Шабоса после Пейсаха и продолжается вплоть до Шабоса накануне Рош а-Шона. Таким образом, все шесть глав «Поучений отцов» прочитывают за этот период несколько раз.

Каждую недельную главу предваряют цитированной здесь мишной из Сангедрина, а после чтения главы произносят мишну из трактата Макойс.

Моше получил Тору на Синае и передал ее Иеошуа, Иеошуа – старейшинам, старейшины – пророкам, а пророки передали ее мужам Великого Собрания.

Поучения отцов, 1:1

Можно ли помыслить еврея без Торы?

Можно ли быть евреем, не соблюдая букву и дух законов Торы каждое мгновение жизни?

Говорить о евреях как о «народе» или о «нации» не совсем верно, потому что под этими понятиями подразумевается некое единство расового, культурного или исторического опыта. Однако как раз этого-то евреям и не дано. Достаточно известные источники зафиксировали факты, свидетельствующие о том, что многие евреи приняли иудаизм уже в сознательном возрасте или они являются детьми тех, кто обратился к вере. С другой стороны, на протяжении поколений немалое число еврейских общин почти не имели контактов с единоверцами.

Дарованное нам на веки вечные право на страну Израиль принадлежит всем евреям. Но, как известно из истории, бо́льшую часть последних 4000 лет подавляющее большинство евреев жили вне Израиля и даже ни разу не ступали на Святую Землю.

Евреями нас делают лишь исключительно довлеющие над нами узы. Мы являемся евреями постольку, поскольку Всемогущий избрал нас «из всех народов... царством священнослужителей и народом святым», – сказано в Торе (Шмойс, 19:5,6). Мы – евреи лишь постольку, поскольку Всемогущий избрал нас для исполнения цели, заложенной Им в творении. Ибо: мы избраны жить, соотнося наши жизни – с Его волей.

Мы избранны построить человеческое общество – и жизнь во всем мире – так, чтобы все было адекватным отражением Его Бжественности и совершенства.

Ī īaēī ēē īò dā-ūyū īò āāāēīō āā?

Суть этих уз, хартия верности, связующая нас – Тора.

Тора, поистине, – помысел Бга о реальности, поведанный человеку.

Тора – это чертеж, задающий построение совершенного мира именно таким, каким он видится Создателю. Тора повествует о том, какая именно жизнь в мире угодна Творцу.

Принимая все это, мы, казалось бы, соглашаемся с фактом: суть нашего еврейства – «религия», которую мы исповедуем. Мы – евреи именно потому, что храним приверженность верованиям и установлениям, заданным Торой.

Однако сама Тора свидетельствует, что все обстоит иначе. Тора объявляет (Ваикро, 16:16), что Бг «находится у них среди их нечистоты». И что Его связь с Израилем пребывает независимо от праведности или неправедности поступков и деяний избранного народа.

В связи с этим Талмуд (Сангедрин, 44а) разъясняет: «Еврей, даже если он отступился и согрешил, остается евреем». Согласно закону Торы «еврейство» человека не определяется ни его образом жизни, ни его самоидентификацией. Ибо известно: человек может не осознавать себя евреем, но, тем не менее, – быть им. И, с другой стороны, он может считать себя евреем, соблюдать все предписания Торы – и все же не быть евреем.

Закон Торы – Алоха – определяет следующие критерии, по которым идентифицируются те, чьи души стояли под горой Синай и были включены в число избранных Бга. Итак: по Алохе еврей – это тот, кто рожден от матери-еврейки, или тот, кто перешел в иудаизм с соблюдением всех алохических правил. Иными словами, «еврейство» человека определяется существованием связи между ним и Творцом, а отнюдь не осознанием этой связи или ее воплощением в образе жизни. Евреем человека делает не соблюдение им заповедей, а причастность тому, что стоит за этими заповедями.

Вдумаемся в вышеприведенную формулу: «Еврей, даже если он отступился и согрешил, остается евреем».

Очевидно, формула эта утверждает, что еврей, даже несмотря на совершенное им прегрешение или нарушение Закона, – не перестает быть евреем. Но у этих слов есть и иной, глубинный смысл: именно в нарушении заповеди раскрывается еврейство человека.

Так, например, если нееврей в Пейсах ест хомец, дрожжевой хлеб, то для него в этом нет никакого греха; если в пасхальный Сейдер он будет есть мацу, то в его сознании это никак не будет связано с какими-либо духовными или нравственными категориями.

Для еврея же заповеди, устанавливающие ритуалы Пейсаха, являются действительным воплощением тех уз, что связывают его с Бгом. И именно через соблюдение заповедей он и приходит к осознанию этих уз – для того, чтобы затем строить свою жизнь в соответствии с ними. И если еврей, упаси Бг, нарушает заповеди, вот тогда-то он и преступает незримую, но вполне ощущаемую им границу. Ибо, поступая таким

образом, еврей обязан осознавать и чувствовать: это действие направлено против всего того, что определяет его внутреннее «я». Тем самым даже сам факт отступничества от заповедей для еврея оказывается столь же важным в уяснении природы его отношений с Бгом, как и соблюдение этих же заповедей. Следовательно, само отступничество еврея оказывается для него же первого явственным «доказательством от противного» факта, что между ним и Творцом существует особая связь.

В самом деле, на иврите слово «мицва» – «заповедь» – означает и «предписание», и «единение». И важно то, что связь, существующую между двумя этими значениями слова, можно истолковать на разных уровнях. Так, с точки зрения совершаемых нами поступков, эта связь с Бгом осуществляется на уровне исполнения заповедей. На глубинном же уровне мы неразрывно связаны с Ним. И притом – связаны благодаря именно тому, что Он избрал нас выполнять Его заповеди.

Очевидно, что два этих уровня – лишь различные выражения одной и той же истины. А именно: соблюдение нами заповедей – не что иное, как повседневное проявление внутренних уз, соединяющих Бга и Его народ избранный – Израиль.

Qaiñü aññ áeò íá ñáýçñü èõ í añ óç

Это следующим образом поясняет фундаментальный кабалистический трактат – Зогар (ч. III, 73а).

Áñü õðñéñõáññíüá óç, íáñõðñáíüá áðñá íõ áðñá: Áñ Òñðá è Èçðáeéü è èáæeáý èç ýòeõ ñññíñðáe èì ááð íáñéñéñéí òðñáíáe, ñeðñüòü è ýáeáííüá Áñü ñeðñüòüe aññáeò Áñ è ýáeáííüe Áñ aññáeò. Óáe æá è Òñðá èì ááð ñáñe ñeðñüòüe è ñáñe ýáeáííüe aññáeòü, è òí æá íõíñeòñý è Èçðáeéç, ó èí òíðñá - ñáñe ñeðñüòüe è ñáñe ýáeáííüe aññáeòü.

Продолжая эту мысль, Зогар далее говорит о том, каким образом Тора выполняет роль уз, связующих Бга и народ Израйля. А именно: Тора едина с ее Бжественным Автором, евреи же связаны с Торой благодаря тому, что они постигают Учение Торы и соблюдают его. Но что такое «скрытые» и «явленные» аспекты Бга, Торы и Израйля? И как они сочетаются с узами, соединяющими нас с Бгом через Тору? Зогар дает нам понять, что эти три рода связей

соединены на двух уровнях: и на уровне «скрытого», и на уровне «явленного». Каждая из трех «связующих нитей» наделена глубинно присущим ей, но не явно открыто, и тем, что совершенно явственно.

«Явленный» аспект Бга мы постигаем, познавая Его реальность, манифестированную через существование сотворенного Им мира. «Скрытый» же Его аспект – сама непознаваемая сущность Бга.

Точно так же у всякого еврея его «еврейство» проявлено и манифестировано в его поведении и в поступках. Но есть и сокровитое, сущностное ядро его личности. О Торе мы уже говорили выше: и буквальный, и скрытый уровни Торы – оба они служат узами, связующими Бга и Израйль.

На «скрытом» плане душа еврея связана с самой сутью Бга. Тора же является олицетворением этих уз. Даже если жизнь еврея, как она реализуется в его поступках и осознании их, упаси Бг, уклоняется от того, что волею Всемогущего предписано откровением Торы, – еврей все равно не перестает быть евреем. Каковы бы ни были внешние проявления его личности, те глубинные внутренние узы, которые определяют сущность еврея, пребывают неизменными.

Однако чтобы эта связь еврея и Бга проявилась во всей своей полноте, а жизнь человека протекала в гармонии с его внутренней сущностью, необходима внешняя, проявленная реализация уз, существующих между иудеем и Бгом. Достигается это путем изучения Торы и соблюдения заповедей.

וְזָכַרְתָּ אֶת-יוֹם שַׁבָּת

В цитированных словах книги Зогар есть еще один глубинный смысл: говорится о тройственности уз, неотрывных друг от друга. В оригинале в этой фразе было использовано арамейское слово, буквально означающее «узлы».

Нет ли здесь некоей небрежности в словоупотреблении? Если Тора связует Бга и Израиль, тогда у нас есть три сущности: Бг, Тора и Израиль. И есть две соединяющих их связи: Израиль связан с Торой, а Тора связана со Всемогущим. Так о какой же третьей связи, о каком третьем «узле» может идти речь? Здесь мы должны вернуться к определению «скрытого» и «явленного» аспектов той связи, что существует между Бгом и Израилем.

В Мидраше Танна Двей Элиёу Раба (гл. 14) сказано:

«אֵלֹהִים יָצַר אֶת-יִשְׂרָאֵל וְאֵת-הַתּוֹרָה וְאֵת-הַשַּׁבָּת וְאֵת-הַמִּצְוֹת וְאֵת-הַלְּבוּשׁ וְאֵת-הַמַּעֲשֵׂה וְאֵת-הַמַּשְׁכָּן וְאֵת-הַמִּזְבֵּחַ וְאֵת-הַכֹּהֵן וְאֵת-הַלְוִיִּם וְאֵת-הַיִּשְׂרָאֵלִים וְאֵת-הַתּוֹרָה וְאֵת-הַשַּׁבָּת וְאֵת-הַמִּצְוֹת וְאֵת-הַלְּבוּשׁ וְאֵת-הַמַּעֲשֵׂה וְאֵת-הַמַּשְׁכָּן וְאֵת-הַמִּזְבֵּחַ וְאֵת-הַכֹּהֵן וְאֵת-הַלְוִיִּם וְאֵת-הַיִּשְׂרָאֵלִים»

Таким образом, Бг сотворил мир с целью, чтобы Израиль исполнил тот план, который Бг положил в основу творения и явил в словах Торы. Представления об «Израиле» и «Торе» предшествовали в «сознании» Творца представлению о «мире». Здесь, однако, уместен вопрос: которое из двух представлений – о Торе или об Израиле – глубже было укоренено в «сознании» Творца?

Призван ли Израиль к существованию ради того, чтобы исполнялась Тора? Или Тора явлена во имя того, чтобы послужить Израилю в выполнении его задачи и стать выражением уз, существующих между Бгом и Израилем? Если сама Тора говорит, что она обращена к Израилю, то это подразумевает одно: идея «Израиля» предшествовала идее «Торы». Это означает, что связь Бга с Израилем существует – как замысел – прежде Торы: Тора явлена для того, чтобы служить реализации этой связи. И тогда Израиль является «мостиком» между Торой и Бгом. Ибо ясно: существование Торы как вместилища Б-жественной мудрости и воли является следствием существования Израиля и его связи с Бгом. То есть мы действительно должны говорить о тройственной связи, соединяющей Бга, Израиль и Тору.

На уровне явленного Тора служит связью между Бгом и Израилем: Тора причастна Бгу, а Израиль причастен Торе. При этом задействованы оба уровня, обе

степени причастности, о которых уже говорилось. А именно: степень причастности, достигаемая исполнением заповедей, и другая степень причастности, определенная самим существованием заповедей.

Но на глубинном – на сущностном – уровне присутствует еще одна связь Это – непосредственная связь между Бгом и Его народом. Это – связь, предшествующая самой идее Торы. И с этой точки зрения причастность Израиля Торе и соединяет Тору со Всемогушим. Во имя Своего избранного народа Бг выражает Свое бесконечное и выше любых определений бытие как «Бжественную волю» и «Бжественную мудрость».

На этом уровне еврей нуждается в Торе, чтобы обрести единение с Бгом. А Тора нуждается в еврейском народе, ибо только тогда в Бге пробудится желание выразить Себя в Торе.

Но заметим: Тора бесконечно важна для установления связи евреев и Бга. Сущность еврея, глубочайшим образом укорененная в сущности Бга, неотъемлема от своего Источника и эта сущность есть одно целое с Ним. Но эта сущность «нисходит» в мир дольний, становясь частью тварного существования. Нисходит, при этом обретая свою «отдельность»: сперва – в виде неповторимой человеческой души, а потом – в качестве живого человека.

И поэтому Всемогуший дал евреям Тору.

Через посредство Торы еврей соприкасается со своей собственной глубинной сущностью. И через посредство Торы еврей обретает единство с Создавшим его.

Это – единство, воплощенное в реальности повседневного бытия.

Í à: àëí, ì ðááò áíò áîþ ù áá í à: àëó

«Поучения отцов» – талмудический свод, в котором систематизирована еврейская этика. Начинается он следующим утверждением: «Моше получил Тору на Синае и передал ее» всем последующим поколениям евреев. Тем самым говорится: еврейский Закон и еврейский образ жизни во всей их полноте восходят к Торе и к тому моменту, когда на Синае Бг сообщил Тору Моше.

Однако, изучая «Поучения отцов» (мы читаем этот свод по Субботам почти все лето, главу за главой), мы не начинаем с начала, с получения Торы на горе Синай. Чтение каждой главы мы предваряем словами:

«Ááíí Èçðáëéú èì ááò áíëþ á Í èðá Áðÿáòùáì », èáí «Íáðíá òáíé, áíá ì ðáááíí èëé, í ááíéé óí áíëááòþ ñò ðáíó», èçáðáíú ìé Ááíí è ñëáçáíí Èì : ìé áíòú «ááò áíí í áíñæááí èÿ Í íááí, ááëí ðé Í íëó áëÿ ì ðíñæááí èÿ».

Потому каждый еврей – независимо ни от деяний его, ни от его духовных заслуг! – связан нерушимыми узами с Создавшим его.

Í ÿò ù ñò óí áí áé áí ññí æ ááí èÿ é Óí ðá

Моше получил Тору на Синае, передал ее Иешуа, Иешуа – старейшинам, старейшины пророкам, а пророки передали ее мужам Великого Собрания.

Поучения отцов, 1:1

Казалось бы, «Поучения отцов» говорят в этом стихе о непрерывной цепи передачи Торы на протяжении двадцати трех поколений: начиная от дарования Торы на горе Синай и до момента создания самого трактата.

Тора и законы, определяющие правила истолкования, приложения и расширительного применения изложенных в ней истин («Устная Тора»), из поколения в поколение передавались от учителя к ученику. От Моше это знание было передано Иеошуа, от Иеошуа – Пинхосу и членам Совета 70 Старейшин, основанного Моше, затем от Пинхоса – Элиёу и так далее.

Так, в предисловии, написанном Маймонидом к Мишне Тора, сказано о сорока поколениях, на протяжении жизни которых традиция передавалась от Моше к Раши и далее – к другим раввинам, создававшим и редактировавшим Талмуд.

Тора пребывает открытой для всякого, кто готов погрузиться в ее изучение и желает постигнуть ее глубины.

Однако в каждом поколении есть лишь несколько (порой – только один) знатоков Торы, пользующихся безоговорочным авторитетом. И именно цепь этой их преемственности восходит к Откровению на горе Синай.

В приведенной нами мишне первые двадцать три поколения этой цепи представлены как пять этапов передачи учения. Вот эти этапы: Моше, Иеошуа, Старейшины, Пророки и Члены Великого Собрания.

Но, вникнув в сокровенное значение сказанного, мы обнаружим: речь идет о пяти основополагающих качествах, необходимых каждому, кто приступает к изучению Торы.

«I fəá - Ni éðáí éá

Моше, конечно же, знал себе цену. Он знал, что из всех людей, живших на земле, Бг избрал именно его. Избрал, чтобы через него сообщить Свою мудрость и волю людям.

Но при том сказано в Торе:

«Моше был скромнейшим из всех людей, что на земле».

Бемидбар, 12:3

Именно потому, что Моше знал, сколь он отмечен Бгом, как знал и о том, сколь велики его заслуги, он и являет пример совершеннейшего смирения. Ибо Моше твердо верил в истину: все, достигнутое человеком, даровано ему от Бга. И Моше мог бы сказать:

«Будь другому дано то, чего удостоен я, он бы добился намного большего».

Изучать Тору – это значит максимально задействовать свой разум. Однако в этом таится определенная опасность: осознание сил собственного разума часто оборачивается завышенной самооценкой.

И потому, приступая к изучению мудрости Бга, надо помнить пример Моше: наш разум – дар свыше. И его – так же, как и скромность, и смирение, – следует максимально использовать. Использовать по максимуму, но никогда при этом не забывая ни об Источнике этого дара, ни о том, во имя чего он нам дан.

«Eáíθá» - Nöceáí èá

Тора следующими словами характеризует Иешуа:

«À ïöæèðæü è ó:áíèé áá, Eáíθá áéí Í óí, íèéíáá í á áúóíæè èç.øàðð».

Øí íéñ 33:11

Горячая вера, упорство и стойкость – черты, присущие характеру Иешуа. Именно эти качества и сделали его достойным унаследовать роль вождя своего народа после смерти Моше. И стать вторым звеном в цепи

преемственности Торы, передающейся от учителя к ученику.

Но и одаренный самым светлым разумом и чистым сердцем не постигнет Торы, если только не отдаст этому постижению дни упорных трудов и ночи тяжких размышлений. Ибо сам этот пророк сказал о Торе:

«...размышляй о ней днем и ночью... тогда удачлив будешь на пути твоём и преуспеешь».

Иешуа, 1:8

«Nòððæøéí ú» - «Í íèá:áí í úñèèýí è»

Ивритское слово зокейн, «старейшины», связано с корнем кана, «покупать», «приобретать». Исходя из этого Талмуд дает определение:

«Старейшины» – «те, кто приобрел мудрость».

Кидушин, 32а

Мудрыми сказано:

«Если кто-то утверждает, что ему не пришлось тяжело трудиться и все же он приобрел глубокие познания, не верь ему».

Мегила, 6б

Сказано также в другом трактате Талмуда:

«Тора постигнута лишь тем, кто убился над ее изучением».

«Ī dīdēē» – «Ī ānī, ī ī ī ī ī ūūp īnīōā»

Тора – мудрость и воля Бга. Постигнуть Тору – означает: познать бесконечность Бжественного разума, непознаваемого по определению.

Потому Тора должна быть дарована нам, о чем мы и говорим, читая благословение, предшествующее всякому обращению к Торе:

«...āēānīēīāī ōū, Āā Āīnīēūū ūē īāō, āāōīāāōēē īāī ōīōō».

Сидур

Лишь потому, что Бг пожелал, чтобы человеческий разум осознал Его бытие и ради этого стер границу, которую Он положил между конечным и бесконечным, – лишь потому мы и способны понять хоть слово в Торе.

И потому изучение Торы совершенно отлично от иных занятий.

Если овладение прочими знаниями зависит исключительно от интеллектуальных способностей, то при изучении Торы сущностное значение приобретают духовные и моральные качества ученика. Ибо всякий, приобщившийся мудрости Торы, оказывается «пророком», – избранным Бгом и осененным отсветом Бжественной истины.

«Ī ōēē Āāēēēīāī māāīēy» – Āīīēīūāī ēā ā dāāēūū īnōū

«Великое собрание» – совет 120 мудрецов, ставший во главе еврейского народа и направлявший его жизнь, когда евреи в IV веке до нашей эры вернулись в Святую Землю из Вавилонского плена.

В вавилонском пленении, продолжавшемся 70 лет, выросли три поколения евреев. Однако жизнь на чужбине, под угрозой ассимиляции не могла не наложить отпечатка на состояние еврейского народа. Поэтому понятно – по возвращении в Страну Израиля евреи столкнулись с множеством проблем.

Члены Великого Собрания должны были найти в Торе ответы на злободневные вопросы, стоявшие перед евреями, только начинавшими приходить в себя после разрушительного воздействия исторических событий. И тогда Мудрецы Великого Собрания отредактировали молитвенные тексты, а также восстановили правильный порядок Бгослужения.

На их примере мы видим, сколь важен в подходе к Торе еще один принцип, о котором никогда нельзя забывать. Принцип этот таков: изучение Торы не может ограничиваться лишь теоретической стороной. Самые глубокие положения Торы должны быть непременно реализованы на практике. И обязательно должны быть воплощены в повседневной жизни.

Ἰσθιαία ἐστὶν ἡ Τόρα

Делайте ограду вокруг Торы.

Почтения отцов, 1:1

Тора – живой текст, она предполагает что ее положения применимы к любому обществу, к жизни любого поколения.

Но, поскольку жизнь каждого поколения отличается свойственным лишь ему своеобразием, постольку истолкование Торы и применение ее на практике Всесильный доверил мудрецам и знатокам Писания.

На это прямо указано в самой Торе – в завершающей ее Книге:

«Если неясен будет тебе закон... приди к кознам, левитам и к судье, который будет в те дни... и точно делай все, как они укажут тебе. По учению, которое они укажут тебе, и по закону, который они скажут тебе, поступай. Не уклоняйся от слова, которое они скажут тебе, ни вправо, ни влево».

Дворим, 17:8-11

Эта «адаптация» Торы к обстоятельствам предполагает также и возведение вокруг нее «охранительной ограды».

Духовные вожди поколения не могут не чувствовать «слабые места» вверенной их попечению общины. И поэтому естественно, что духовные вожди поколения стараются соответствующим образом укрепить тот порядок жизни, который следует духу и букве Торы.

Так, Тора запрещает по Субботам переносить предметы из зоны частного владения в зону общего владения. Иначе говоря – Тора запрещает выносить что-либо из жилища на улицу.

И вот для того, чтобы еврей нечаянно не нарушил Субботу, комментаторы Торы настаивают на неукоснительном соблюдении заповеди Шабоса: в этот день не должно переносить что бы то ни было.

Раввинами установлено множество правил и обычаев, необходимых для обязательного исполнения верующими иудеями.

Например, правило о том, что следует читать благословение перед каждой трапезой. И правило о том, что молоко можно пить не раньше, чем пройдет определенное время после того, как человек ел мясо. И установление о том, что следует молиться три раза в день. И правило о необходимости мыть руки перед едой – перед каждым приемом пищи.

Раввинами также введено празднование Хануки и Пурима...

По сути, весьма значительная часть того, что мы называем «иудаизмом», берет свое начало в раввинистической практике.

Заметим: «охранительная ограда» всегда очерчивает площадь значительно большую, чем та сущность, которую эта ограда призвана защитить. Таким же образом и установления раввинов распространяют действие Торы на те области жизни, которые не подпадают под строгое действие формулировок закона.

В Торе все «включая то, что еще лишь назначено открыть постигающему полноту учения» (Иерусалимский Талмуд, Пеа, 2:4), – слово Бга и Его одного. Но это вовсе не исключает возможности соучастия человека в развитии сказанного в Торе. Тора и сама говорит об этом:

«не на Небесах она».

Дворим, 30:12

Тора рождена от «брака двух разумов» – разума Бга и разума человека.

Бытует мнение, что премудрость великого множества толкователей сделала иудаизм «излишне сложным». Часто можно услышать: многие из раввинистических установлений, может быть, и нужны для «охраны» Торы, но, увы, – эти установления отдалили Тору от тех евреев, которые не очень ревностно стремятся блюсти каждую букву Писания.

Однако это совсем не так. Одно из самых «притягательных» свойств Торы состоит в том, что она безбрежно широка. По сути, нет такой области жизни, которая не была бы ею охвачена. Поистине так – ибо любая область человеческого опыта, любой уровень постижения мира не остались за пределами Торы.

И мистик, и философ, и психолог будут утверждать, что Тора говорит их языком – языком мистики, философии, психологии.

Ищет ли человек свои корни, желая прилепиться к традиции, или взывает новизны и выхода за пределы обычного, нуждается ли он в обретении непререкаемых нравственных истин, или стремится к духовному росту – он несомненно найдет именно в Торе такие заповеди, которые послужат ему в этом опорой.

И даже если он не готов впустить в свою жизнь учение Торы во всей полноте, тем не менее, именно в Торе он найдет глубину мысли или правила, которые увлекут его, станут пищей для души. А это пробудит желание вникать в Тору и все глубже постигать ее.

Поэтому с приходом в жизнь каждого нового поколения и на всем протяжении его существования в нашем мире ситуация, в сущности, повторяется. А именно: чем дальше простираются границы Торы, чем большую площадь «огораживает» возведенная вокруг Торы охранительная ограда – тем доступнее становится Тора для самых разных людей.

Ááñëpòíäýðááëüüîñòü

Ìèðñòíèè ïà òðáòîññííááíëýð - ïà Õñðá (áá èpó:áíèè), ïà ñëóëáíèè (Áá) è ïà áñáðüð

ááëáð.

Ī ū:āi ēy ūōōā:1:2

Истина – абсолютна, иначе она не является таковой.

Но человек – существо ограниченное, живущее в мире, которому положены пределы.

А из этого следует, что полнота истины для человека недостижима: вследствие своей ограниченности он может претендовать только на обладание относительной истиной. Это происходит хотя бы потому, что весь его опыт, все его знания – истинны лишь в пределах его восприятия и в параметрах той реальности, которая ему открыта.

Тогда, однако, следует задать вопрос: не означает ли это, что и человеческое познание, и человеческое деяние, по самой сути своей, далеки как от объективности, так и от истины? А поэтому и цена их – весьма невелика?

Разве истина может быть – относительной?!

Уже в самом этом словосочетании – надо признать – заложено логическое противоречие.

Āāū āi ōāāāi ūē ūōīē

У того поколения евреев, которое впервые осознало себя единым народом, было два великих вождя: Моше, Наш Учитель, и Аарон, Первосвященник. Им обоим выпала особая роль в этом процессе самоидентификации евреев как народа единого.

И, если мы вдумаемся, то обнаружим парадокс: перед каждым из них стояли задачи едва ли не противоположные.

Моше и Аарон – олицетворение двух потоков энергии, текущих в противоположных направлениях. И притом, вместе формирующих те узы, что связывают Бга и народ Израиля – именно эти узы лежат в основе нашей национальной идентичности.

Мидраш напоминает о том, что на горе Синай мы заключили завет с Бгом, приняв Тору и согласившись жить в соответствии с «Бжественным планом, лежащим в основе Творения» (Брейшис Раба, 1:2). Так мы стали «царством священнослужителей и народом святым» (Шмойс, 19:5-6). Так мы и стали избранным народом. Народом, которому от Бга суждено сыграть центральную роль в преодолении разрыва между Творцом – и сотворенным Им, между бесконечным – и конечным, между беспредельным – и тем, чему положены пределы.

В Торе узы между Бгом и Израилем сравниваются с брачными узлами, которые соединяют мужа и жену, а события на горе Синай – с церемонией обручения, когда Бжественный Жених берет Израиль как невесту.

Сравним это с другими библейскими текстами, например: «Выходите и поглядите, дочери Сиона, на царя Шломо, на венец, которым венчала его мать его в день его свадьбы и в день радости сердца его» (Шир а-Ширим, 3:11). Или: «Иди и возгласи в слух Иерушалаима, говоря: так сказал Г-сподь: Я помню о благосклонности ко Мне в юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестою, (как) шла ты за Мною по пустыне, по земле незасеянной» (Ирмияу, 2:2).

В книге Зогар рабби Шимон пользуется метафорой о заключении брака именно для того, чтобы пояснить роль Моше и Аарона. Во время церемонии бракосочетания жених и невеста подходят к свадебному балдахину (хупе) в сопровождении дружек (на иврите их называют шошвинин). Шошвинин должны помочь вступающим в брак дойти до балдахина и совершить обряд бракосочетания.

Зогар (I, 266a) поясняет: когда Бг обручается с Израилем, Моше выступает в качестве «шошвин Царя» – того, кто подводит к свадебному балдахину Всемогущего.

А Аарон, в свою очередь, становится в ходе этого процесса «шошвин Царицы», помогая народу Израиля соединиться с Бгом.

Моше, научая нас Торе, является тем, через кого «мудрость и воля Бга» достигают сознания человека.

Роль Аарона, исполняющего обязанности Первосвященника, – иная: он призван направлять каждого на путях служения Бгу.

Тора делает Бга достижимым для нас: через нее сущность Создателя становится доступной человеческому разуму.

Служение же человека Бгу путем совершения приношений – корбанойс и посредством вознесения молитвы – это проявления нашего стремления стать больше, чем мы есть. А значит – подняться над уровнем нашего существования для того, чтобы приблизиться к Творцу.

Èñò è í à è áéàáñ æ áéàò àéüí îñò ü

Á Øì í èñ Ðàáá (5:10) î áðàò üÿò ñéàçáí î:

Î í óá - áñí èñ ùááò «Èñò è í ó».

Ááðñí - áñí èñ ùááò «Û ááðñí ù».

В Талмуде Бава Басра (74a) о Моше написано: «Моше истинен и Тора истинна». Ибо Бг бесконечен, вездесущ и всемогущ. Иными словами, абсолют пребывает абсолютом – и ничем иным. Тора – выражение Его абсолютной истины, и Моше – учитель, наставляющий в этой истине мир.

Аарон же предстает наставником не всего мира, но – каждого отдельного человека. Ибо Аарон имеет дело с конечными, непредсказуемыми, несовершенными индивидуальностями. Как сказано в «Поучениях отцов» (1:12), Аарон «любит мир и добивается мира, любит людей и приближает их к Торе».

Во имя того чтобы поддержать каждого в его поисках истины, Аарон с каждым говорит на его языке.

Сумма всех этих качеств пророка определяется одним словом – «благожелательность». То есть это – и способность принять во внимание те границы, внутри которых пребывает сознание каждого человека. Это – и способность учесть степень развития данного человека. И еще это – дар: увидеть ситуацию другого в свете того, что будет наиболее благоприятно для него, чтобы говорить с ним, опираясь на его собственные представления о мире.

Таким образом, и Моше, и Аарон, олицетворяющие: один – откровение Торы, а другой – людское служение Бгу, играют равно необходимые роли в процессе бракосочетания Бга и избранного Им народа.

Бг через Тору снисходит к Своему Творению, являя ему Бжественную истину в форме, доступной для человеческого постижения.

Человек же в своем служении Творцу стремится выйти за границы своей субъективной реальности и прикоснуться к той всеохватной истине, которая проникает все сущее в мире. Где же точка соприкосновения этих двух подходов? Где и как в данности своего личного опыта человек может прикоснуться к истине?

Как и где происходит перетекание абсолюта в сосуды относительных понятий?

Как истина может быть адаптирована для каждого из нас – и при этом пребывать абсолютной истиной?

№178

В десятой главе книги Торы – Ваикро рассказывается о разногласиях между Моше и Аароном по поводу одного из законов и о том, как Моше признал правоту Аарона.

Их спор возник в первый день нисана 2449 года от сотворения мира (1312 год до н. э.). В этот день был освящен Шатер Откровения. Собственно, сам обряд освящения начался неделей раньше, но первые семь дней были отданы церемониям, связанным с возведением Аарона и его сыновей в сан священнослужителей. И лишь на восьмой день Аарон обрел всю полноту священства, присущую сану Первосвященника, а Шхина (Бжественное присутствие) сошла на Шатер Откровения.

Но при этом произошла трагедия. Сыновья Аарона, Надав и Авигу, взяли «каждый свой совок, и положили в них огня, и возложили на него смесь благовоний, и воскурили перед Бгом огонь чуждый, какого Он не велел им. И вышел огонь от Бга, и пожрал их, и умерли они перед Бгом» (Ваикро, 10:1,2).

Однако же несмотря на это Бг велел не прерывать обряд освящения Шатра Откровения...

Важно отметить, что в первый день оплакивания умерших по иудейской традиции родственникам запрещено вкушать жертвенное мясо от корбаноис. Со смертью сыновей Аарон обретал статус скорбящего. Но невзирая на это, Аарону было велено Всевышним принять участие в жертвоприношении, связанном с освящением Шатра Откровения.

И Аарон исполнил это повеление.

В этот же день приносилась и другая жертва, не связанная с освящением Скинии. Жертва эта – козел, жертва для очищения от грехов. А это жертвоприношение совершается первого числа каждого месяца. И вот именно вторая жертва и послужила поводом для разногласий между Моше и Аароном.

В день тот Моше обнаружил, что мясо козла, принесенного в грехоочистительную жертву, было сожжено, а не съедено священнослужителями, как положено. И он поинтересовался: почему совершено такое отступление от обряда, установленного по слову Бга?

Аарон же ответил, что таково было его решение. И пояснил: ибо существует разница между кодшей шоо, жертвой, которая приносится по велению Бга лишь однажды в ознаменование чего-либо, и кодшей доройс, жертвой, приносимой регулярно, совершение которой вменено в обязанность всем евреям из поколения в поколение.

И, как следовало из слов Аарона, сказанное Бгом в отношении жертвы освящения Шатра Откровения не распространялось на ежемесячную грехоочистительную жертву. Та подпадала под действие обычных законов, согласно которым скорбящий об умершем не имел права есть жертвенное мясо.

Как сказано в Ваикро (10:16-20), Моше выслушал доводы Аарона, и согласился с ними, признав, что указанное различие ускользнуло от него и что Аарон-Первосвященник был прав.

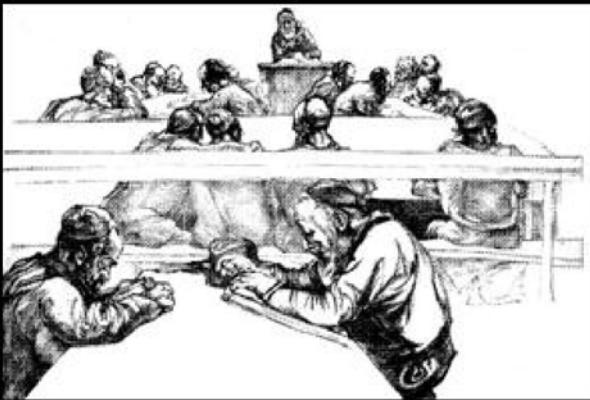
Ī īnō īyī nō āi ē ī adāi āi ū

Между тем, важно, что это различие во взглядах Моше и Аарона отражает их функциональные роли, связанные с понятиями «истины» и «благожелательности».

Впрочем, как выше говорилось: истина связана с категорией постоянства. Как только истина начинает зависеть от обстоятельств, она тут же перестает быть истиной – и является лишь ее подобием, имитацией.

Моше, несущий ответственность за передачу Торы, не видит оснований для различения кодшей шоо и кодшей доройс. А именно: между тем, что присуще лишь данному моменту, и тем, что составляет регулярную практику служения Бгу. Ибо то, что истинно, – пребывает истинным всегда. И притом – независимо от обстоятельств.

Аарон же, несущий ответственность за «невесту», за соблюдение своих обязательств народом, вступающим в брак с Бгом, видит в служении Бгу принесение в жертву того, чем человек обладает. Аарон понимает, что возможности каждого человека

зависят от данного – конкретного – момента. А потому и тот максимум, который можно требовать от человека в лучшие часы его жизни, отличается от требований, налагаемых на нас изо дня в день.

Именно в этом и заключается противоречие в подходах Моше и Аарона.

Моше – вестник абсолюта, выражающий неизменность Бжественной реальности.

У Аарона же – иная задача: привести невесту (еврейский народ) к свадебному балдахину. Действительно, Аарон имеет дело с «тем, что есть». То есть с людьми, которым свойственна ограниченность, с теми, чей духовный дар, возможно, весьма скуден. Аарон обращается к каждому человеку, подталкивая его к тому, чтобы он познавал Бга своим несовершенным разумом и любил Его своим несовершенным сердцем.

Но мы видим: Моше соглашается с Аароном! Абсолютная истина признает правомерность «относительной истины» этого мира во всей ее неполноте.

Что же произошло в тот день? Как можно разрешить это, казалось бы, вовсе неразрешимое противоречие? «Господь Бг есть истина», – говорит пророк Ирмияу (10:10): лишь Бг абсолютен. Все, что не есть Он, – относительно и обладает лишь той степенью реальности, которую Он дарует этой сущности.

Однако важно и иное: вся субъективная реальность сотворена Им, и, вызвав ее к бытию, Он наделил ее существование правомерностью и истинностью.

Поэтому, открывая относительные «истины», явленные в Его творении, мы должны помнить главное: все эти относительные истины – лишь выражение Его всеобъемлющей истины, реализованной в одном из многих «миров» Творения.

Иными словами, отдавая свое «всё», целиком посвящая себя служению Бгу, человек достигает абсолютной реализации собственной личности.

А само существование «истины», «постоянства» или «абсолюта» в субъективном мире личности возможно лишь постольку, поскольку этот «мир» был сотворен Бгом, наделившим Творение толикой Своей истины.

Так личная истина человека соприкасается с истиной Б-га.

«חַיְיבֵי עֵינֵינוּ»

В «Тании» рабби Шнеур-Залман из Ляд говорит о ежедневной борьбе человека за «очищение» своего «я».

Согласно «Тании» есть три рода людей: «совершенные» (цадики), «склонные ко греху» (роша) и «люди середины» (бейнони).

«Склонные ко греху» ведут себя неподобающе: они неспособны управлять своими инстинктами и потому раз за разом впадают во грех, а поэтому и их поведение – саморазрушительно.

«Совершенные» не только безупречны в своих деяниях, но они безупречны и по самой своей природе, безупречны внутренне. Совершенный человек достиг высочайшей степени осознания того, что благо – желанно, а зло – разрушительно, и потому всякое поползновение ко злу изгнано из его сердца. Такому человеку отвратительна одна лишь мысль о чем-то неподобающем.

«Люди середины» занимают срединное положение между цадиком и роша. Разрушительные порывы свойственны сердцу «человека середины» в той же мере, как всякому, живущему в мире, и эти порывы столь же сильны. Однако он не дает этим порывам воли. Тем самым человек середины склонен ко злу в той же мере, как и грешник. Вместе с тем, в своих поступках такой человек стремится к поведению цадика. Он контролирует свои мысли, свои высказывания и поступки, не позволяя злу, обитающему внутри него, прорваться наружу. Это достигается на путях особой тренировки разума и сердца – на путях молитвы. Молясь, он прибегает к помощи дара, данного людям: способности подчинить сердце разуму.

Природа и психика человека устроены таким образом, что долгое и упорное изучение чего-либо и размышление над этим изменяют сам строй его чувств. И если человек разумом принимает желанность чего-либо, то тогда он действительно начинает желать именно этого. И если он действительно постиг, сколь низко то или иное его деяние, то тогда со временем оно будет вызывать у него отвращение. Причем – независимо от того, сколь часто он прежде совершал такой проступок.

Поэтому бейнони размышляет над величием Бга и размышляет над тем, что все сущее берет в Нем свой исток. Постепенно человек начинает осознавать, что всякое деяние, приближающее его к Бгу, приближает его и к собственной сущности и истоку жизни, в то время как деяние, уводящее его от Бга, оборачивается разрушением собственной личности и обесценивает его существование.

Так в бейнони постепенно вызревает желание творить благо, а, соответственно, – и избегать всякого зла.

Ему, «человеку середины», не хватает твердости и упорства цадика, добившегося коренного изменения своей природы. Однако «человек середины» добивается контроля над своими склонностями и научается управлять своими поступками.

Поскольку бейнони не добился изменения природы своей собственной личности, постольку и эффект от его молитв носит лишь временный характер и раз от раза бывает иным. Когда он погружен в размышления о Бжественном во время молитвы – тогда он пребывает в точке своего максимума приближенности ко Всевышнему. Но в течение дня, когда он погружен в дела мира, погрязшего в суете и соблазнах, этот эффект постепенно слабеет. И в такие моменты бейнони пребывает в состоянии неустанного борения, взывая к «памяти» молитвы, чтобы преодолеть коренящееся в нем зло.

Тем самым, говорит в тринадцатой главе «Тании» рабби Шнеур-Залман, с точки зрения цадика молитва бейнони не есть истинная молитва. Любовь цадика к Бгу – несомненна и истинна, она не подвержена каким-либо переменам.

Ситуация «человека середины» иная: он страдает от побуждений своего сердца, то возносящих его ввысь, то низвергающих в бездну. Но в рамках личной реальности бейнони, в той мере, в какой он отдает себя молитве, эти молитвы – истинны. И это – истина его усилия. Ибо абсолютная истина Бга отзывается эхом во множестве «миров» Его творения, поясняет рабби Шнеур-Залман.

Мы привели лишь один пример того, как и где движение вверх – движение Аарона, ведущего Израиль-невесту, и движение Моше, сопровождающего Жениха, нисходящего к Своему народу, встречаются и сливаются воедино.

Вот и каждый человек так же рьяно должен стремиться к истине, следуя наставлениям Торы и в полной мере используя данные ему дары и возможности. И не нужно беспокоиться об относительности природы данного каждому из нас понимания, как и по поводу субъективности наших переживаний! Ибо если человек вкладывает максимум усилий в постижение истины, то тогда свершится желаемое: «Моше» согласится с тем, что соответствующая «истина Аарона» причастна Абсолютной Истине.

Как сказано Псалмопевцем (85:11): «Милость и истина встретились...»

Ėpáíáíè ñò ðàõ

Ėñò í èõà á ÷ àò ù ðá ñò óí áí è

Не уподобляйся слугам, которые служат своему хозяину только ради вознаграждения; будь как те, кто служит хозяину не ради вознаграждения... Да будет на вас страх Бжый.

Поучения отцов, 1:3

Люби Бга, Всесильного твоего.

Дворим, 6:5

Бга, Всесильного твоего, бойся.

Дворим, 6:13

Любовь побуждает нас приблизиться к кому-либо или к чему-либо внешнему, установить с ним отношения, слиться с ним. Иначе говоря – выйти за пределы собственного бытия. Любовь – тот импульс, который толкает «я» нарушить свою автономность, излиться вовне.

Страх – противоположность любви. Бояться – это означает: сжаться, замкнуться в себе, почувствовать себя маленьким и ничтожным перед лицом ужасающей реальности. Пугающий нас объект заставляет наше «я» сжаться, собраться в жалкий комочек.

Любовь и страх – две основные силы, управляющие сердцем человека. Собственно, все эмоции – это либо стремление нашего «я» распространиться, либо, наоборот – стремление сжаться. Какая-то конкретная эмоция – это только сочетание одного и другого импульсов.

Чувства – лишь «расширение» или «сжатие» нашего я. Тем самым объясняется, что страх и любовь образуют два полюса нашего внутреннего мира, между которыми пролегают тысячи оттенков иных эмоций.

Áàà èðùèà, òò ðùáàðùèà í àñ ò çàì èè

Движение по жизненному пути требует от человека координации действий и эмоций. С одной стороны, в «Поучениях отцов» (1:17) нам сказано: «главное – деяния».

Но с другой стороны, мудрецы в книге «Тания» (гл. 38) напоминают: «действие, в направлении которого не развернуто наше сердце, подобно телу, лишенному души».

Человек может обладать самым утонченным строем чувств, однако же ясно: пока эти чувства не вылились в конкретные дела, не может быть и речи о каком-либо свершении или достижении.

Точно так же и поступок, в который не вложено чувство, остается чисто механическим действием. В самом деле: нечто – совершено, этим был достигнут какой-то эффект, однако человек остался равнодушен, и сделанное ни на йоту не изменило его.

Кабалист рабби Хаим Виталь в своем труде «Шаар а-Иехудим» (гл. 11) говорил, что любовь и страх – «два крыла, без которых нам не оторваться от земли» (см. также «Тания», гл. 40). Разве птица, лишенная крыльев, может взлететь, как бы крепко ни было ее тело?

Точно так же и поступок, совершенный не по зову любви и вне памяти о страхе Бжьем, остается приземленным. И поступающий таким образом не может вырваться из темницы суетности, придавленный тяготением насущных забот. В этом случае есть сам факт поступка, но он никак не затрагивает человека.

Вот так же тело не способно вознестись горе, это – удел духа. Если бы то же самое деяние исходило от сердца, оно дало бы совершившему его много больше. А так – поступок был проявлением физического «я», а не «я» внутреннего.

Попытки человека подняться над данным ему уровнем – все они по большей части обречены на неудачу, если в них нет любви и страха. Ибо – именно любовь заставляет нас выйти за пределы «я», а страх ведет к внутреннему самоотвержению.

Присутствие в сознании лишь одной из этих эмоций оборачивается тем, что никакая новая высота не может быть достигнута человеком. Ведь известно: птица с одним крылом неспособна летать.

Ááíééá, òòááóáý ááááíííé

Однако следует помнить, что и любовь, и страх обладают высшим и низшим аспектами своего проявления. А тем самым, мы имеем дело уже не с двумя, а с четырьмя элементами, определяющими наши взаимоотношения с Бгом.

Низший аспект «страха» – эмоция, наиболее полно отвечающая значению обозначающего ее слова. Действительно – это страх перед существом или перед силой, способной причинить нам вред.

Но у «страха» есть и иной, высший аспект, соответствующий тому чувству, которое мы испытываем в присутствии чего-то или кого-то, кто несравненно более велик, нежели мы сами. Язык передает это чувство иным, более точным словом – «трепет». Трепет связан с переживанием собственной нашей малости и ничтожности перед лицом чего-либо великого. Подобное чувство трепета вытекает из осознания нашего несоответствия тому великому, чему мы предстоим.

Любовь, в свою очередь, включает в себя два рода любви. В самом деле – одна из них насквозь эгоистична, а другая – проникнута альтруизмом.

Низший уровень любви – это тяготение к чему-либо или к кому-либо: в основу ее заложен импульс к соединению с чем-то, обещающим нашему «я» некое обогащение, своего рода «прибыток».

Высшая же любовь имеет в своей основе иную мотивацию – желание слиться с объектом любви.

При этой мотивации объект любви воспринимается совершенно бескорыстно, даже наоборот: любящий рад потерять свое «я» и раствориться в этом объекте.

Говоря об этой высшей любви, мыслители хасидизма предлагают следующую иллюстрацию.

Представьте себе небольшой огонек рядом с огромным пылающим костром. Маленький огонек обязательно будет тянуться к костру – стремиться к тому, чтобы быть поглощенным большим пламенем. Насколько пламя стремится к самореализации своей огненной природы, настолько же оно радо пожертвовать своей отдельностью и раствориться в большом пламени.

Нечто подобное присуще и душе человека. Недаром о человеческой душе в «Книге Притч» царя Шломо – Мишлей (20:27) сказано: *«Душа человека – светильник Г-сподень»...*

В человеке присутствует «животная» душа, каждое движение которой направлено на самосохранение и самореализацию на материальном уровне. Эту черту нашей природы мы разделяем со всеми иными живыми созданиями. Но при этом в нас

заложено и иное, высшее начало – душа, которая представляет собою поистине «светильник Г-спода».

Эта душа – от Бга. И само ее «я» превыше всего жаждет отбросить тождество самому себе и раствориться в том Источнике, из которого она берет начало.

Çai Tããü

Человек обязан служить Создателю, и именно таким образом люди реализуют свое жизненное предназначение, исполняя мицвойс – Бжественные заповеди Торы. По сути, исполнение заповеди – вне зависимости от мотивации – имеет оправдание в самом себе. Ибо тем самым Бжественная воля проявляется в мире, а наше физическое бытие оказывается вовлеченным в осуществление Бжественного желания, за счет чего человек очищается и возвышается.

Так осуществляется высшая цель, заложенная Бгом в творение: являясь инструментом Его воли, наш мир превращается в средство для выражения Его всеобъемлющей реальности.

Однако человека, просто бездумно исполняющего заповеди, можно уподобить той самой птице, которая не летает. В результате поступков такого человека изменяется лишь окружающий мир, но отнюдь не он сам.

На самом деле, заповедь оказывает благотворное воздействие только на того, кто исполняет ее не как нечто внешнее по отношению к своему «я», а только на того, для кого соблюдение мицвойс стало органичной частью личности.

Бг желает возвысить ум и сердце человека в той же мере, в какой Он желает возвысить этот физический мир.

Так, заповедь о благотворительности является тем средством, благодаря которому обычная монетка изменяет свою сущностную природу и уже в этот момент служит высокой цели. Заповедь об изготовлении тфилин меняет самую сущность двух полосок кожи, а заповедь о цицис – делает то же самое с шерстью.

Но точно так же и любовь, и страх Бжий, столь необходимые для исполнения заповедей, возвышают дух человека. Они открывают перед людьми поистине чудодейственную возможность: преодолеть ограниченность «я» и тем самым припасть к высшей реальности трансцендентного.

Но душу человека нельзя объять каким-либо одним единственным из всех возможных определений. Ибо всегда необходимо помнить о необычайном многообразии элементов, образующих наше «я». И по тому, насколько наши эмоции задействованы в исполнении заповедей, настолько же в этом процессе должны присутствовать и «низший страх», и «низшая любовь», и «высшая любовь», и «высший страх». Причем, они должны присутствовать именно в этом порядке. Ибо каждый из названных нами эмоциональных комплексов соответствует определенному аспекту человеческой души.

Í iã:éí áí eá è èçì áí áí eá õí ää ääæáí eý

Как уже сказано выше, у человека две души: душа «животная» и душа «Бжественная».

«Животная» душа – сущность физической жизни: в ее сердцевине заложено стремление к самореализации и к самообогащению.

«Бжественная» душа – престол всего духовного и трансцендентного, что есть в человеке. А связанное с нею «я» диаметрально противоположно тому, что мы обычно вкладываем в это слово. И это «я» тяготеет к своему Бжественному источнику, стремясь раствориться во всеобъемлющей реальности Бга.

В своем изначальном, наиболее «замутненном» состоянии, «животная» душа слепа ко всему, кроме собственного существования и выживания. В ней отсутствует даже та малая толика причастности трансцендентному, которая необходима, чтобы прозревать возможность иного, более высокого состояния бытия – возможность причастности большему благу. «Животная» душа желает лишь вкушать от тех наслаждений, которые существуют здесь и сейчас. Действительно – ее влечет только то, что способно ублажить «я» в его текущем, ограниченном состоянии.

На этом уровне душа неспособна к любви. Она «увязла» в болоте «я». И представление о том, чтобы тянуться к чему-то вовне (даже если это, в конечном итоге, сопряжено с ее же благом), ей совершенно чуждо.

Единственное, что способно затронуть такую душу, – это угроза ее благополучию. Поэтому, если у нее есть какие-то чувства, сопряженные со служением Создателю, то разве лишь одно – чувство страха. Причем, страха самого примитивного, ибо понятно – она боится наказания со стороны сущности куда более могущественной.

Достигая этого уровня «страха Бжия», «животная» душа делает первый шаг в направлении подчинения и очищения «я». Она узнает важную истину: хотя, возможно, ей желанно иное, однако она должна тянуться к тому, что больше, чем она. И лишь теперь, обретя контроль над своими побуждениями, она может направить их в иную сторону, постепенно возвышаясь до «любви к Б-гу».

Épáíáí «æèáíòí íé» äóè è Ááá á Úíðá íí èíáíà ñèèòí :

«...è èpáèè Ááá, Áíííèèíí íáá òáíáá... èáí Íí æèçíú òáíý»

(Ááíðèí, 30:20).

«Животная» душа любит лишь собственную жизнь. Осознав, что «Он жизнь твоя», что Бг является истоком всего сущего, и Им одним оно живо, – то же самое «я», алкавшее удовольствий, теперь алкает припасть к Всесильному. Ибо теперь этому «я» ведомо, что только таким поступком оно обретет максимальное совершенство и благо.

Так «я» даже готово принести в жертву данное ему сейчас материальное выражение его «самости» – готово пожертвовать даже этим во имя обретения более высокого статуса. Вне всякого сомнения, это – любовь низшего типа. Ибо это – любовь, мотивированная исключительно эгоизмом. Однако она – уже гигантский скачок по направлению к трансцендентности для того эгоистичного животного, что таится в человеке.

Ī áíüá ÷áí íàò

Все же именно человек обладает потенциалом трансцендентного, намного превышающим все возможности его животного, эгоцентричного «я».

Пестуя и реализуя во внешних проявлениях то, что желанно его Бжественной душе, человек может причаститься «высшей любви», для которой характерно самоотвержение во имя близости к Бгу.

Вспомним – это любовь маленького огонька к пламени большого костра.

Тем не менее, даже эта высшая любовь окрашена личностными интересами, пусть интересы эти и нельзя назвать грубыми. Ибо этот род любви направлен на удовлетворение «я», присущего душе «Бжественной». Пусть это «я» и отлично от других, оно все-таки остается эгоистичным. Пусть цель, к которой это «я» стремится, – его растворение в Бге.

Однако же вдумаясь, – разве не именно к этому и зовет «Бжественную» душу сама ее природа? То есть вполне объясняется то обстоятельство, что побудительным мотивом и здесь выступает эгоистическое желание.

Но каково желание Бга? Что, если Ему желанно не растворение души в экстатическом слиянии с Источником всего сущего, но сохранение душою и своей «самости», и своего контакта с материальным миром? Ведь тело, «животная» душа и «Бжественная» душа – лишь все вместе и образуют то сущностное единство, имя которому – «человек».

Если даже «животная» душа должна развиваться во что-то большее, чем она пребывала изначально, и преодолеть ограниченность своей природы, то в еще большей мере это относится к душе «Бжественной». Она должна пройти путь от инстинктивной «высшей любви» к истинному самозабвению в «высшем страхе». Она должна познать, как достичь равновесия между стремлением слиться с Бжественным и трепетом самоумаления, отбрасывающим ее назад, к себе самой. А тем самым – и к исполнению ее миссии в этом мире.

Фактически, чем ближе «Бжественная» душа подходит к тому, чтобы быть поглощенной любовью, тем сильнее в ней трепет. Ибо по мере приближения к Бжественной истине растет и понимание того, сколь жалки все духовные притязания в свете единственно истинного пути приближения к Бгу.

А это – путь исполнения Его воли.

Ñòáíáé èáñò í èöü áññíæááí èÿ

Интересующая нас мишна из «Поучений отцов», приведенная в начале этой главы, затрагивает все четыре описанные нами уровня любви и страха. Вспомним, что в ней говорится:

«Не уподобляйся слугам, которые служат своему хозяину только ради вознаграждения; будь как те, кто служит хозяину не ради вознаграждения... Да будет на вас страх Бжгий».

На первый взгляд, здесь сведены вместе два не связанных между собой момента: один – это бескорыстное служение Бгу и другой – страх Бжий.

Первое утверждение – о бескорыстности служения Бгу – столь очевидно, что вряд ли оно нуждается в комментариях и повторении.

Однако мудрецы позаботились о том, чтобы сказанное ими вмещало сразу несколько уровней смысла, скрытых и завуалированных буквальным значением слов. И, вспомнив об этом, мы увидим: данная мишна на глубинном уровне говорит о четырех основных побуждениях, движущих душой человека. А вернее, побуждениями, движущими обеими его душами.

Первое побуждение: «Не уподобляйся слугам». Это – отсылка к изначально соприствующему в душе человека «низшему страху», отмечающему отправную точку в нашем духовном странствии. Итак: следует освободиться от самого гнетущего рабства – от безусловного подчинения самым низменным сторонам человеческой природы.

Второе побуждение: «...которые служат своему хозяину только ради вознаграждения». Понятно – здесь речь идет об уже преобразенной «животной» душе. Ее «я» становится движущая сила «низшей любви» к Создателю, едва только душа осознает, что нет большего вознаграждения, чем слияние с Бгом.

Третье побуждение: «Будь как те, кто служит хозяину не ради вознаграждения». Ясно – эти слова указывают как на природу «Бжественной» души, так и на некий опыт, связанный с «высшей», самозабвенной любовью, таящейся в этой душе.

И, наконец, четвертое побуждение вытекает из слов: «Да будет на вас страх Бжий». Следует осознать – эти слова прямо указывают на достижение состояния самозабвения, на радость служения Ему во имя Него, а не ради себя.

Истинный «страх Бжий» подскажет нам, что в конечном итоге равно важны все четыре уровня. Они вместе и составляют четыре ступени лестницы восхождения, ведущей к трансцендентному, – к слиянию с Бгом.

Но когда вы стоите на верхней ступени, предыдущие уже не так важны для вас. На этом уровне человек уже пребывает в состоянии самозабвения, исполняя Его волю.

Именно с этого уровня уже вполне явственно различима взыскуемая истина. А именно: для предыдущих ступеней не столь важно, что их функцией было помогать нам на шаг подняться к совершенству, сколько то, что каждая из этих ступеней соотнесена с соответствующими элементами человеческой личности.

И каждая ступень восхождения играет одинаково важную роль в исполнении Бжественного плана, начертанного Всемогущим для всего, что Им сотворено.

ÈÌ ĀĪĀ Ā-ĀĀ Ā ÑĀBŪĀĪĪĪĪ Ī ĒÑĀĪÈÈ

ĀĪĀ ĀĀŌ ŌĀĪĀĒĪĪĪĪ:

Несколько лет назад в московском журнале «Наука и религия» была опубликована статья доктора философских наук И.А. Кривелева «В новейшем истолковании». Статья фактически была рецензией на иерусалимское издание Торы с русским переводом и избранными комментариями из классических еврейских источников, в работе над которым мне выпала честь принимать участие. Речь в рецензии шла о первом выпуске Пятикнижия, включавшем первые 11 глав книги Бытия – Брейшис, автором перевода и составителем которого я являлся.

«Надо отдать должное [составителю], – пишет в своей рецензии доктор И. Кривелев, – он достаточно активен в перефразировке библейского текста и не ограничивается наследством средневековых комментаторов, а прилагает здесь и собственные усилия. Показательна в этом отношении та манипуляция, которой он подверг библейское слово “Элоким”...».

Слово «Элоким» фигурирует уже в первой фразе Ветхого Завета и потом повторяется много раз. Оно, – утверждает далее доктор Кривелев, – «обозначает “боги” – от единственного числа “элока” – бог. Для понимания всей истории иудаизма факт наличия этого термина в Ветхом Завете имеет очень большое значение. Он показывает, что на протяжении длительного исторического периода эта религия базировалась на вере в то, что мир создан и управляется не одним богом, а целой их группой. Как же расправляется [составитель] с таким конфузным для строго монотеистического иудаизма фактом? При помощи элементарной фальсификации...»

О каком «факте» говорит доктор Кривелев? В XIX веке некоторыми библейскими критиками была выдвинута теория, согласно которой иудаизм возник и развился на почве политеизма, то есть многобожия. В наше время эта гипотеза не нашла ни единого подтверждения в свете новейших исторических и археологических открытий и по-прежнему остается в высшей степени спекулятивной и необоснованной гипотезой.

Современный ученый, археолог или историк, с восхищением смотрит на историю иудаизма. Каким непонятным образом сумели древние евреи, Сыны Израилевы, пойти «против течения»? И – отличиться от других народов своей верой, провозгласив его Единого, бестелесного Б-га, Создателя и Властелина вселенной, и господство устава справедливости и нравственности? Сегодня любая религия, считающая себя монотеистической, неизбежно своими истоками уходит в иудаизм. Монотеизм иудейской религии был в античном мире явлением уникальным и беспрецедентным.

С этим фактом материалистам трудно было мириться. Им казалось, если удастся подвергнуть сомнению, что евреи еще в древности были монотеистами, то есть доказать, будто бы корни Библии уходят в политеизм, тогда они сумеют дискредитировать библейское Учение. Эту цель и преследовала так называемая «Высшая библейская критика», главный тезис которой сводился к тому, что иудаизм в древности был в сущности политеистической религией. Однако, разумеется, все это были сплошные спекуляции, не подтвержденные фактами.

Но какую же «элементарную фальсификацию» обнаружил в моих переводах доктор Кривелев? Вот что он пишет.

«В древнееврейском тексте выпуска [главы Торы] сказано “Элохим”. А в сопровождающем его русском переводе автор заменяет это слово написанным древнееврейскими буквами неизвестно откуда взявшимся “Элоким”, которое он тут же переводит как “Всемогущий”. Получается довольно почтенный и внушительный смысл: Всемогущий создал небо и землю, а за ними и все остальное, включая и человека!»

Замечу следующее: каждый еврейский ребенок, получающий религиозное воспитание, знает с яслей, что имя Б-га ввиду его святости нельзя называть всуе. Ребенок знает также, что имя Б-га можно повторять во время молитвы, произнося благословение или читая Тору, но в разговорной речи или в письменном тексте, его заменяют созвучным словом «Элоким». Так поступил и я, составляя комментарии. Если же доктору Кривелеву это неизвестно, то он, по-видимому, не имеет элементарных знаний по иудаизму. (В своей статье он также перепутал имя комментатора Раши, назвав его рабби Шоломом Ицхаки вместо Шломо Ицхаки.) В таком случае возникает серьезный вопрос: в его ли компетенции писать критические статьи по проблемам, касающимся Торы?

Однако вернемся к вопросу о множественности имени «Элоким» и его переводе «Всемогущий».

Заметим, прежде всего, что как имя Элоким не представляет собой множественного числа. Оно постоянно согласуется с глаголами и прилагательными в текстах Священного Писания в единственном числе.

Кстати, ответы на «открытия» библейских критиков содержатся уже в Талмуде. Однажды один из римлян задал еврейским мудрецам провокационный вопрос: «Сколько богов создало мир?» (Он имел в виду, что имя Элоким – во множественном числе.) «Ответ

всем, кто пытается извращать Писание, – говорит Талмуд, – дан на месте в Писании. Не сказано: “Элоким создали”, сказано: “Элоким создал” – в единственном числе».

Поясним эту деталь подробнее. Возьмем для примера название города на западе Украины – Черновцы. Это название, безусловно, обладает формой множественного числа (считается, что оно образовано от словосочетания «черные овцы»). Оно склоняется во множественном числе, сочетается с глаголами и прилагательными во множественном числе. Но никому же не придет в голову утверждать, что, поскольку имя города является формой множественного числа, то речь идет о множестве городов, каждый из которых является «черновцом».

Однако все-таки, почему имя Б-га является формой множественного числа? Ведь не случайно же это?! Для подробного объяснения нам потребовалось бы обратиться к учению кабалы, что невозможно сделать в одной короткой статье. Остановимся поэтому только на грамматической стороне вопроса. В Священном Писании слово «элоким» часто употребляется также в значении «судьи», или «власть имущие». В кодексе иудейского Закона сказано, что под именем Бга «Элоким» подразумевается Б-г, Обладающий силой и могуществом. Отсюда и мой перевод этого имени – «Всесильный» или «Всемогущий». Всякий, кто владеет древнееврейским языком, знает, что слова Адон (господин) и Ба'ал (хозяин) употребляются во множественном числе (Адоним и Баалим) даже тогда, когда речь идет об одном человеке. Это объясняется тем, что понятия «власти», «господства» или «превосходства» ассоциируются с понятием множественности.

Обратим внимание, что и во многих современных западных языках множественное число выражает почтение, уважение. По-русски существует обращение на «вы», а по-немецки уважительное обращение – «Sie» – третье лицо множественного числа. Это, между прочим, имеет также параллель и в древнееврейском языке: обращение к царю в Библии обязательно в третьем лице.

Таким образом, «элементарная фальсификация», о которой говорит доктор Кривелев, была допущена не мною в переводах, а скорее библейскими критиками. Они – то ли по невежеству, то ли сознательно – полностью игнорировали данные гебраистики с целью продвинуть свои ничем не обоснованные теории.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ

ÈÑÒÎ ÐÈ×ÁÑÈÎÁ ÑÎÁÛÒÈÁ

Î ðëáá ñ ðóèèáèùù ñèèòî ïîðòèè ñáááúè áèèáááèèè èáááè Èèèèè Èíáá
Î áóááá

Ранее раввин Мецгер в сопровождении президента Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваева и главного раввина России Берла Лазара побывал в Киеве, где присутствовал на торжественном приеме по случаю вступления в должность главного раввина Украины Азриэла Хайкина.

Как сообщила пресс-служба главного раввина России, основная цель визита р. Йоны Мецгера – укрепление сотрудничества между еврейскими общинами России и Израиля, а также расширение связей между двумя странами, прежде всего в духовной и гуманитарной сферах.

Это – первый в истории визит в Москву главного ашкеназского раввина Израиля, а также и первая зарубежная поездка раввина Мецгера после его инаугурации.

Подобный уровень взаимоотношений свидетельствует об изменении акцентов в восприятии израильским религиозным сообществом еврейской общины России – самой динамично развивающейся в сегодняшнем мире.

Ранее центрами еврейского мира считались США, Франция и некоторые другие страны Запада. Поэтому именно в них после избрания и наносили свои первые визиты главные раввины Израиля.

Сегодня ситуация уже явно изменилась, что, по мнению главы пресс-службы ФЕОР Боруха Горина, «указывает на признание нашей работы по возрождению еврейской общины на постсоветском пространстве».

В российской столице главный ашкеназский раввин Израиля встретился с главой Совета муфтиев России Равилем Гайнутдином.

Встреча состоялась в резиденции верховного муфтия при Большой соборной мечети в Москве. В ходе беседы стороны заявили о необходимости совместной борьбы с терроризмом. Муфтий Гайнутдин подчеркнул, что «абсолютное большинство мусульман России отвергает террор Аль-Каиды, Хизболлы и других экстремистских организаций, прикрывающихся лозунгами ислама».

Раввин Мецгер предложил созвать форум еврейских и мусульманских религиозных авторитетов в Москве, Иерусалиме или в любой другой столице мира, чтобы на нем громко и недвусмысленно обозначить взаимное стремление решать политические проблемы исключительно мирным путем, на основе компромисса и осудить террор как явление, противное самим основам веры в единого Б-га.

Муфтий Равиль Гайнутдин принял это предложение и, в свою очередь, пообещал в ходе предстоящей встречи с Владимиром Путиным просить российского президента поддержать эту инициативу.

В программу визита главного ашкеназского раввина Израиля были включены встречи с мэром Москвы Юрием Лужковым и спикером Государственной Думы Геннадием Селезевым.

Раввин Йона Мецгер посетил также еврейские религиозные школы Москвы – «Хедер Менахем» и «Ахей Тмимим», месивту и ешиву, благотворительный центр «Хесед Эзра». Он встретился с раввинами, работающими в общинах разных городов России.

Главный ашкеназский раввин Израиля посетил также и Еврейский женский институт «Махон Хая-Мушка», в котором учатся девушки из разных городов России и ближнего зарубежья и выступил перед студентками и преподавателями. На встрече присутствовали главный раввин России Берл Лазар, ректор института раввин Бекерман, директор благотворительного фонда «Ор Авнер» раввин Мондшайн, исполнительный директор ФЕО СНГ и стран Балтии раввин Беркович, а также другие гости.

В приветственном обращении к студенткам и преподавателям махона раввин Мецгер отметил высокий уровень еврейского образования в институте и пожелал студенткам успехов в новом учебном году. Высокий гость особо подчеркнул важность возвращения евреев к традициям своих предков.

Центральным событием визита главного ашкеназского раввина Израиля Йоны Мецгера в Москву стала встреча с представителями еврейской общественности в Московском еврейском общинном центре в Марьиной роще. В этой встрече принимали участие главный раввин России Берл Лазар, президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев, посол Государства Израиль в России Аркадий Мил-Ман, генеральный директор Еврейского агентства России Карол Унгар и глава московского отделения «Джойнта» Йорам Аберджил.

Раввин Берл Лазар отметил в своей речи особую важность визита главного ашкеназского раввина Израиля для подтверждения высокого статуса российской еврейской общины.

По впечатлению раввина Лазара, его коллега раввин Мецгер был поражен тем, что в стране, где еще несколько десятилетий назад всерьез шла речь об уничтожении еврейской традиции, евреи ныне чувствуют себя как дома.

– Сейчас никто не гонит российских евреев из страны, они сами могут выбирать, где им жить и учить Тору, – подчеркнул раввин Берл Лазар.

Главный раввин России также отметил, что свобода принесла российским евреям не только радость. Но вместе с тем свобода еще и «налагает на нас большую ответственность».

Выступая на встрече, раввин Йона Мецгер рассказал эпизод из жизни одного почтенного еврея. Тот, выполняя обещание, данное в юности знаменитому раввину Хофец Хаиму, отказался пусть даже формально назваться неевреем, когда рассматривалась его кандидатура на пост президента Оксфордского университета. А как известно, Оксфорд – такое учебное заведение, в котором эту должность, согласно старинному уставу, может занимать только христианин.

– Я, первый главный раввин Израиля, пришедший в это здание, признателен вам за то, что вы гордитесь своим еврейством и не стесняетесь его, – сказал раввин Мецгер. – И только одно вызывает во мне беспокойство: я беспокоюсь за следующее поколение. Поэтому я прошу вас: передавайте свое еврейство вашим детям и внукам. Приводите их в это здание и научите их гордиться своим еврейством! Только тогда мы сможем возродить преемственность традиции иудаизма, которая была заложена нашими предками тысячелетия назад.

Главный ашкеназский раввин Израиля в ходе своего выступления был рад сообщить собравшимся две приятные новости.

Одна из них прямо касалась российской еврейской общины. А именно: мэр Москвы Юрий Лужков в результате переговоров с раввином Мецгером согласился выделить здание для будущего еврейского музея. И музей этот станет первым в Восточной Европе, в котором, по словам раввина, будет представлена история евреев «со дня сотворения мира». Реконструкцию здания обещал финансировать известный меценат и филантроп, президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев.

Вторая новость затрагивала проблемы украинского еврейства. Дело в том, что до сегодняшнего дня в уцелевшем здании старинной одесской синагоги размещается Государственный архив Украины. Однако для одесских евреев эта синагога имеет особое значение. Весной 1841 года выходцы из города Броды – «бродские» евреи Одессы –

открыли свою синагогу, которую с тех пор одесситы и называют Бродской. Со временем строение обветшало, и в 1863 году на средства общины по проекту архитектора Ф. Коловича построили величественное здание новой Бродской синагоги. Однако в 1925 году коммунистические власти синагогу закрыли, а в ее перестроенном помещении разместили архив...

Вот уже несколько лет одесская еврейская община добивается возвращения здания своей синагоги. И ныне – наконец-то! – вопрос этот уже близок к разрешению: в результате переговоров мэра города Руслана Боделана с раввином Мецгером и почетными гостями из Москвы власти распорядились вернуть Бродскую синагогу еврейской общине.

Выступивший на встрече в МЕОЦ посол Государства Израиль в России Аркадий Мил-Ман отметил историческое значение состоявшегося визита раввина Йоны Мецгера.

יְיָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

עֵי דֵי דֵי אֱוֵיִי לֵוֹ אֱאִי דֵי דֵי אֵ

אַנְוֹדָא אֶעָאִי וֹוֹ דַאֶאֶעִי אֶאֶעָאֶעֶב עֶדִי נְנֵעֶ

יְיָ יְיָ יֵאִי דֵי דֵי יְאֵי אֶאֶעֶב עֶעֶי לֵא אֶנֶוֹ דַא-אֶ אֶעָאִי לֵא אֶעָאִי אֶעָאִי דַאֶאֶעִי אֶעָאֶעֶב עֶיִי לֵוֹ אֶאֶעָאִי אֶ אֶעָאִי לֵא דַאֶאֶעִי אֶ דִיִי נְעֶ אֶאֶעָאֶ אֶעָאִי, - אֶעָאִי יְאֵי דֵי אֶאֶ אֶאֶעָאֶעֶב עֶ דַאֶאֶעִי לֵוֹ יֵאִי דֵי דֵי אֶעָאֶעֶב עֶ דִיִי נְעֶ.

Среди прочих проблем раввина Мецгера интересовали причины снижения темпов репатриации российских евреев в Израиль.

Раввин Берл Лазар объяснил своему коллеге, что в этом нет теперь ничего необычного. Массовая алия начала 1990-х годов в значительной степени была бегством из бывшего СССР. Однако сейчас положение евреев в России достаточно стабилизировалось. Евреи больше уже не бегут от хаоса и неустроенности – сегодня в Израиль едет тот, кто действительно хочет там жить.

Раввин Мецгер рассказал о своих впечатлениях в ходе визита в Россию. И в частности, о том, что на него произвело сильное впечатление развитие еврейской общины Москвы. Раввин Мецгер, по его словам, убедился в том, что это – община, которая смогла не только возродить синагоги и открыть общинные центры, не только создать

полноценную систему образования – от детских садов до институтов и университетов! – но и построить впечатляющую структуру социальной поддержки малообеспеченных.

Как подчеркнул израильский раввин, в эту структуру, в частности, включены: «хеседы», помогающие нуждающимся, еврейский детский дом, больница, где люди могут получить квалифицированную недорогую – и даже бесплатную для незащищенных слоев населения – медицинскую помощь, и многое другое.

Высокий гость поинтересовался также и тем, ощущается ли сегодня в России давление на еврейскую общину со стороны властей. Учитывая известное обстоятельство, что еще полтора десятилетия назад в стране сохранялся государственный антисемитизм, этот вопрос представляется с его стороны вполне закономерным.

Вместо прямого ответа раввин Берл Лазар предложил раввину Йоне Мецгеру спросить об этом у самих присутствующих на встрече евреев...

Все они отвечали высокому гостю, что быть евреем в нынешней России – почетно.

יְיָ אֱלֹהֵינוּ

עִיּוֹתֵינוּ אֵינֶם אֶלֶּלֵינוּ אֲנִי הוֹדֵא

ΑΔΑΕΝΕΕΘ ΑΒΘΑΕΑΕ Ι ΔΕΙΒΕ Ι ΔΑΨΕΑΑΙ Ο ΟΕΔΑΕΙ Υ

*Α Εθιι ο μπρογυεανι ανοδα:α ι δερεαιι οα θεδαειυ Εαιτεαα Εο:ι υ η αααι υι ασεαι αγρεει
δααειιι Ερδαεεγ Ειιτε Ι αβαδιι, αααι υι δααειιι Βριηε Ααδετι Εαααδι ε αααι υι δααειιι
θεδαειυ Ααδεγειι Οαεεει υι. Αι ανοδα:α ι δειγυ ο:ανοεα αααα Οααααοεε αααειεεθ Γαιει ΝΙ Α Εααε
Εαααα*

Президент Леонид Кучма и главные раввины Израиля, России и Украины совместно обсудили некоторые вопросы развития еврейской общины Украины.

В ходе встречи главный раввин Израиля Йона Мецгер особо подчеркнул, что украинские евреи высоко ценят сотрудничество с украинским государством и личное содействие президента Украины в обеспечении достойных условий существования еврейской общины в этой стране.

Президент Леонид Кучма поздравил раввина Йону Мецгера с избранием его на пост главного ашкеназского раввина Израиля.

Йона Мецгер, в свою очередь, представил президенту Леониду Кучме новоизбранного главного раввина Украины Азриэла Хайкина.

Президент ФЕО СНГ Леви Леваев рассказал президенту об образовательных проектах благотворительного фонда «Ор Авнер» и о деятельности еврейских общин в Украине.

Главный раввин России Берл Лазар в ходе встречи выразил надежду на укрепление связей между братскими еврейскими диаспорами России и Украины.

Ι ι αοαδεααι

ει οι δι αοειιιιυο ααιι οηοα

В своем выступлении раввин Черкасс Дов Аксельрод отметил, что эта открывающаяся синагога – уже третье еврейское учреждение в городе. Действительно, многие горожане знают, что за восемь месяцев его работы открыты детский сад и школа.

Раввин Дов Аксельрод в коротком интервью корреспонденту «Лехаима» рассказал о том, что особенно взволновало его:

– Многие евреи, пришедшие на открытие синагоги, признались мне, что это действительно знаменательное событие, по их словам, буквально сняло пелену с их глаз. И что именно благодаря этому важному событию впервые в жизни они наконец-то почувствовали себя настоящими евреями.

י. זעזי אי

ПРАЗДНИК В МАЛАХОВКЕ

א פּעראַראַן פּראַדעסיאָן ייִדישן קהילה אין מאַלאַחאָבאָ וועגן אַ פּאַראַדעס אַיִנזאַט צו ייִדישן לעבן 120 יאָר ייִדישע באַיאַן ייִדן און אַיִנזאַט פֿאַר אַ סדר.

Сегодня малаховская община во главе с раввином Мойше Тамариным и председателем Михаилом Глимчером насчитывает около 250 евреев.

В этой церемонии, чрезвычайно знаменательной для жителей Малаховки, некогда весьма густо населенной евреями, приняли участие главный раввин России Берл Лазар, директор фонда «Ор Авнер» раввин Давид Мондшайн, почетные гости из Москвы и ряда других городов.

Торжественная церемония началась с освященного многими веками традиционного написания последних букв в передаваемом прихожанам свитке Торы.

Отреставрированный сойфером Элияу Баром свиток был дописан главным раввином России Берлом Лазаром, членом главного раввината России Залманом Каном и раввином Самары Шломо Дайчем в помещении правления малаховской общины.

Затем процессия во главе с раввином Мойше Тамариным, держащим в руках свиток, проследовала по улицам городка в синагогу.

Здесь к собравшимся обратился главный раввин России Берл Лазар. Он призвал жителей Малаховки:

– Приходите в синагогу на молитвы и на встречу Субботы, отдавайте детей в воскресную школу, где они будут изучать еврейские предметы и получают представление о традициях и вере своего народа.

Раввин Берл Лазар поблагодарил главу Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваева за помощь в реставрации свитка Торы.

Главный раввин России также обратился со словами благодарности в адрес внука малаховского раввина советского времени Й. Батурашвили – раввина Меира Канельского, который подарил для переданного общине свитка Торы искусно изготовленные ручки и красивую корону из серебра.

№ xadiue

ŃĂŃŃĚB ĘĬĬĐĂĘĬĂŌĘĬĬĬĬĂĬ ŃĬĂĂŌĂ ĂĘĐĂ Ă ĘĂĐŌŃĂĘĘĬ Ă

ŃĬ ĂĬŬ ĬŃĬĂĂĬĘŬ ŬŌĬĘ ĬŌĂĬĘĘŌĘĘ ĬĬĂĬĂĬĂĂ ĬĂĬĘĘ ĬŌĘĘŃĬĂŬŌ ĐĂĂĘŬŌĬĬ – ĘĂĂĂĬĂ ĬĬĘŌĂĘĂ

В Иерусалиме недавно завершила свою работу очередная сессия Координационного совета Всемирного конгресса русскоязычного еврейства.

Представитель еврейской общины Швеции, принятой на прошедшей сессии в состав ВКРЕ, Зинаида Шварц в своем выступлении сказала:

– Мы надеемся, что с помощью Конгресса нам удастся осуществлять программы, помогающие членам нашей общины более успешно интегрироваться в жизнь страны. Особенно это касается пожилых иммигрантов. Но основная наша цель – это помощь Израилю. Нам необходимо оперативно получать информацию о происходящих в Израиле событиях, чтобы противостоять тенденциозному освещению фактов, которое часто предлагает наша пресса. Все публикации, касающиеся событий арабо-израильского конфликта, начинаются словами: «как сообщают палестинские источники». Пока мы успеваем дать опровержение, эти факты уже никого больше не интересуют. Мы рассчитываем с помощью Конгресса наладить своевременный информационный обмен.

Отдельной темой в работе Координационного совета стала деятельность ВКРЕ, направленная на помощь пострадавшим от террора. Члены делегации США Григорий Тополянский и Инна Аролович представили участникам заседания 18-летнюю Надежду Беренштейн.

Эта девушка только что вернулась после лечения, которое она проходила в одной из клиник Кливленда. Она пострадала два года назад во время взрыва в Тель-Авиве в дискотеке «Дельфинариум».

Надежда подробно рассказала членам Координационного совета о нелегкой судьбе жертв террора. Она поблагодарила ВКРЕ, русскоязычные организации Америки и русскоязычных врачей Кливленда за их деятельное участие в ее судьбе.

Российская делегация посетила семью Людмилы Лакир, тяжело раненной в результате теракта, совершенного 11 июня 2003 года. Делегаты из России передали Людмиле пожертвования, собранные в ходе известной акции ВКРЕ «Спешите делать добро!», проведенной летом этого года в Москве.

Члены Координационного совета обсудили и приняли положения, регламентирующие работу Комитета в поддержку Израиля, а также положения о порядке деятельности новообразованного Общественного совета. В Общественный совет вошли члены кнесета, присутствовавшие на заседании.

В конце заседания его участники приняли текст поздравления еврейского народа с новым, 5764 годом.

Отчет о работе дирекции за минувший 5763 (2002/2003) год представил исполнительный директор ВКРЕ Валерий Энгель. Он заявил о том, что на отчетном этапе задачей исполнительной дирекции и руководства ВКРЕ в целом явились структуризация деятельности этой организации и начало реализации проектов, принятых к исполнению в декабре 2002 года – на прошлом заседании Координационного совета. Были созданы и начали работать четыре офиса ВКРЕ – в Москве, Иерусалиме, Нью-Йорке и Берлине.

Основным направлением деятельности Конгресса стала реализация проектов в поддержку Израиля в его борьбе с международным терроризмом. При ВКРЕ создана международная организация «Врачи против террора», объединившая медиков из России, Израиля, США, Германии, Чехии и ряда других стран. Эта организация уже сейчас пользуется достаточно большим авторитетом в медицинской среде. Так, одним из свидетельств тому стало недавнее заявление врачей московской клиники ЦЭЛТ, направленное ими в адрес ВКРЕ, с просьбой оформить вступление в ряды антитеррористического движения всего коллектива.

Под патронажем ВКРЕ прошла серия выставок под девизом «Дети против террора». Выставки эти вызвали широкий резонанс в СМИ. Как подчеркнул Валерий

Энгель, такие выставки оказались «первым прорывом в западных СМИ, когда газеты дали объективную информацию об арабском терроре в Израиле».

Летом 2003 года московский офис ВКРЕ провел крупномасштабную кампанию по сбору средств в помощь пострадавшим от терроризма. Были собраны десятки тысяч долларов, распределенные затем среди семей пострадавших от арабского террора в Израиле и от теракта в Каспийске 9 мая 2002 года.

Руководство ВКРЕ инициировало и другие акции в поддержку Израиля, а также меры в направлении интеграции русскоязычных евреев в мировую еврейскую семью на основе равноправного взаимодействия. Речь идет, в частности, о программе распространения еврейской литературы на русском языке и о создании «Семейной библиотеки русскоязычного еврейства». В рамках этой программы было профинансировано издание книг для распределения среди русскоязычных еврейских общин стран Европы.

В этом же контексте происходит и активная борьба ВКРЕ с миссионерством. Так, например, только за последние полгода удалось предотвратить проведение акций миссионерской секты «Евреи за Иисуса» и миссии «Слушай, Израиль!» в России, Украине и Белоруссии, в частности в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе, Днепропетровске, Минске и ряде других городов. Подобные же акции проводились деятелями Всемирного конгресса русскоязычного еврейства и в США.

С самого момента своего создания ВКРЕ принимает активное участие и в борьбе против проявлений антисемитизма в странах бывшего СССР. В частности, важную роль сыграл Конгресс в деле официального запрещения властями деятельности так называемой Национально-державной партии России. Организуя отпор разжиганию этой партией юдофобии, ВКРЕ обратился напрямую к президенту России Владимиру Путину, а затем сумел добиться рассмотрения дела против НДПР Генеральной прокуратурой РФ, что и привело в результате к отмене регистрации антисемитской партии.

В. Энгель подчеркнул, что существенную роль в реализации планов Конгресса стало играть созданное в марте 2003 года информационное Агентство еврейских новостей (АЕН).

В конце доклада исполнительный директор ВКРЕ остановился на ряде проблем, которые предстоит решить Конгрессу.

Речь идет прежде всего о расширении взаимодействия с международными еврейскими организациями и фондами, а также с представителями еврейского истеблишмента в странах проживания диаспоры.

Во исполнение этих целей уже в ближайшее время планируется провести несколько семинаров для сотрудников исполнительной дирекции.

В. Ойежидэ, Н. Ойежидэ

ЊÒÀĬ ÖÈВ ĬÀСĬÀ×ĂĬ ÈВ - АЕÈСĬ Ŭ

На Белорусском вокзале в Москве недавно состоялась всероссийская межконфессиональная акция против употребления наркотиков.

Эта акция проведена под девизом «Поезд в будущее. Станция назначения – жизнь».

В акции приняли участие немало официальных лиц, в числе которых оказались полномочный представитель президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе Георгий Полтавченко, главный раввин России Берл Лазар, первый заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Русской православной церкви архиепископ Калужский Климент, представитель совета муфтиев России муфтий Равиль Хазрат.

С ходе проведения акции с Белорусского вокзала в Смоленск отправился агитационный поезд, пассажирами которого стали врачи, учителя, журналисты, спортсмены, популярные артисты – всего 176 человек.

В Смоленске они проводили тренинги и семинары для школьников и их родителей, студентов вузов и педагогов.

Главный раввин России Берл Лазар так прокомментировал это событие:

– К сожалению, проблема наркотиков касается всей молодежи. Это – болезнь, которой общество заражено изнутри. Мы не можем здесь отделять евреев от неевреев. Участие в этой акции – наша обязанность. Мы хотим добра молодежи. Дело не в том, чтобы запретить наркотики, а в том, что необходимо показать всем воочию, как употребление наркотиков уничтожает человеческую жизнь.

Выступая на церемонии завершения акции, раввин Берл Лазар призвал всех присутствующих, а особенно подростков, рассказать своим друзьям обо всем, что они узнали в ходе ее. Свою речь раввин закончил добрым напутствием:

– Живите без наркотиков – и ваша жизнь будет счастливой.

À. Ááñæéíáá

ÄÄÍ Ü Î ÒÊÐÛÒÛÕ ÄÄÁÐÄÉ

Ä Î ñæáæéíáá ääæééíáá íáæéíáá öáíòðä ä Î äðéíé éíáá íðíæä Äáíü íòéðíòüõ ääðäé.

С утра и до позднего вечера сотни гостей познакомились с многочисленными программами, которые организованы в МЕОЦ, посещали открытые занятия в кружках, беседовали с руководителями отделов.

Каждый смог найти себе занятие по вкусу. Так, одни заинтересовались художественным творчеством – от живописи и золотого шитья до хореографии. Других привлекли спортивные секции. Третьи захотели изучать еврейскую традицию или принять личное участие в различных благотворительных программах...

Посетители МЕОЦ осмотрели выставку керамики с росписью на еврейские темы – замечательные работы художника Андрея Турова – и ознакомились с экспозицией познавательного батика Галины Дубинской «Дороги Израиля».

Пока взрослые занимались своими делами, малыши с удовольствием прыгали на батуте, установленном прямо на улице, участвовали в детской театрализованной программе и под руководством мастеров из Израиля изготавливали шофары из настоящих рогов. Закончился день концертной программой с участием известных московских артистов.

Открыл свои двери для интересующихся его деятельностью и благотворительный фонд «Эзра». В клубе «Радость общения» для подопечных фонда и гостей состоялся День именинника. На этом празднике побывали около двухсот человек. В подарок все виновники торжества получили книги.

А затем в их честь состоялся концерт. Открылся он еврейскими песнями в исполнении Давида Карпенко. Программу продолжила скрипачка Ирина Озерная. Подопечный фонда Борис Бочаров поздравил всех именинниц с днем рождения и исполнил песню «Какая женщина». Приятным финалом праздника стало сладкое застолье.

Н. Египтская

РАВВИН ОШЕР КРИЧЕВСКИЙ:

Пока в Омске остается хоть один еврей, я отсюда не уеду.

Da'at I'ot Edet: a'are'et d'are'et al 1978 a'ot a' d'otaa Aajd-O'aaa a' E'pda'ea Al 13 ea' o'-e'et' a' da'ada' i'ot'i - i'na' aad-i' e'ot' - a' ae'aa a' E'ad'na'ee' a' A' 1996 a'ao' i' d'at'e'ee' i'ada'at'aa' ea' a' I'up-E'tde'a' a' ca'ot' i' d'at'ia'aa'ee' a' ae'aa' A'ot' i'p' A'ed'aa', i'at' i'ada'at' a' i'f' a'ia' e' i' d'at'e'ee' i'at' a' i'ao'-at' ea' A' 1999-2000 a'aa' no'ae'ed'ia'ee' a' A'ad'ee' a' i'f' na'ae'ee' i'ee' i' d'at'aa' i' a' i'fa'at'ia'ee' da'aa'ee' i'aa' ca'ee' i'ee' i'ao'-at' ea' a' O'ae'u' A'ae'aa' a' 2001 a'ao' A' i'at' o'ya'aa' o'ia' ae' a'aa' a'ue' i'aa'ia'-at' ae'aa' i'ui' da'aa'ee' i'f' i' i'na' e' I' i' i'ee' i'ae'aa'ee'. A'at' a'o', ei' a'ao' a'f'-u'

– Уважаемый раввин Ошер, как же это вы решились приехать из теплых краев в далекий, холодный сибирский город?

– Я исповедую идеи Хабада, которые сформулировал Любавичский Ребе. Главная из них– развивать еврейские традиции везде, где живут евреи. Получив весьма основательное религиозное образование, я начал искать место, где мог бы найти достойное применение своим знаниям. Мой старший брат к тому времени уже работал раввином в Уфе, так что это у нас «семейный вирус». Мне предложили на выбор поехать в Сочи или в Омск. Я выбрал Омск, причем только потому, что здесь живет вдвое больше евреев, чем в Сочи. К тому же мне рассказывали, что сибиряки очень хорошие, приветливые люди, и я рад, что это вполне подтвердилось.

Слушая рассказы моих родителей, я считал, что в Сибири очень страшно! Ну а на самом деле здесь я осмотрелся– и все оказалось гораздо лучше, чем представлялось издалека. Конечно, здесь зимой очень холодно, особенно по сравнению с Израилем. Но я быстро узнал известную многим северянам истину, что сибиряк– вовсе не тот, кто не мерзнет, а тот, кто тепло одевается. Я эту истину скорехонько и основательно усвоил. Вот с той поры и стараюсь хорошо одеваться, а поэтому холода для меня уже не проблема.

– Надо признать, однако, и то, что ведь уже в Омске вам пришлось осваивать не только сибирский климат, но еще и русский язык. Как вы с этим справились?

– Мои родители уехали из Советского Союза в Израиль в 1971 году; папа– москвич, а мама родом из Баку. Они не жаловали советский режим, поэтому меня и десятерых моих братьев и сестер русскому языку не учили. При советской власти мой прадед отсидел двадцать лет в тюрьме за свои религиозные убеждения. Как известно, в те годы евреям было очень трудно сохранять свою веру, потому что тоталитарное атеистическое государство было против любой религии вообще, а иудаизма коммунисты просто не переносили.

Как бы то ни было, но, будучи уже здесь, в Омске, за два года я тем не менее освоил русский язык. Однако же, как видите, говорю пока еще с довольно сильным «ивритским» акцентом. Многие помогали мне осваиваться в новой среде. Знаете, важно для меня и то, что в Омске люди оказались вообще очень доброжелательными, и в немалой мере еще и поэтому незнание языка отнюдь не помешало налаживанию необходимых контактов.

– Что для вас явилось главной проблемой в Омске в так называемый «период адаптации»?

– Конечно, оказавшись так далеко от родного дома, я скучаю по своей семье. Но есть ведь и телефон, и Интернет, благодаря которым можно поддерживать связь с близкими...

Самая большая проблема– обеспечить кошерное питание. Ведь в Омске пока что– увы!– почти ничего нельзя купить из кошерных продуктов. Поэтому молоко мне присылают из Израиля, куриное и говяжье мясо– аж из Москвы...

Законы кашрута– это, без сомнения, один из способов сохранения еврейского народа. Я уверен в том, что со временем и в омских магазинах, несомненно, появятся специальные отделы, где можно будет свободно купить разнообразные кошерные продукты. Если на них будет спрос, то непременно– рано или поздно– появится и предложение.

– Вы немало повидали, жили в Нью-Йорке, Берлине, Буэнос-Айресе... По сравнению с этими мировыми центрами Омск выглядит, наверно, не очень привлекательно?

– Недостатки есть везде, но я отношусь к ним довольно спокойно. Ведь надо же понимать, что и в развитых странах тоже все не за один день появилось!

Следует также понимать и то, что у местных властей Омска просто на все не хватает средств. И все же, однако, чувствуется, что этот город развивается, даже и на моих глазах он меняется.

Я побывал уже во многих российских городах. И вы поверьте мне на слово: Омск на их фоне выглядит, право же, совсем неплохо! Этот город приспособлен для вполне нормальной жизни. Ведь Омск – город очень зеленый, и притом здесь еще и красивая архитектура у многих старых зданий. Впрочем, и у некоторых из новых современных строений архитектура тоже неплоха.

– Наверняка вы ехали в Омск с идеями и планами по обустройству общины. Какие-то из них уже удалось воплотить в жизнь?

– Признаюсь, пока еще я многого так и не достиг – по крайней мере из того, что загодя планировал. Главная моя мечта – это чтобы действительно удалось объединить всех омских евреев в одну дружную семью.

В Омске же сегодня действуют три еврейские организации: религиозная община, общественное объединение «Шалом – XXI век» и представительство Еврейского агентства в России. Вот я и хочу, чтобы все мы работали вместе – на благо омичей...

Наша община собирает религиозных людей, организует бесплатную столовую для пожилых евреев, воскресную школу для детей. Община наша помогает решать не только религиозные, но и любые другие вопросы, и притом не только евреям. Например, недавно мы передали полученное из Израиля детское питание городским домам ребенка.

«Шалом – XXI век» организует работу хеседа: занимается благотворительностью, оказывает помощь малоимущим. А омское представительство Еврейского агентства в России ведает вопросами репатриации евреев. Но по большому счету ясно, что все мы делаем одно дело. И поэтому – если нам всем действительно удастся наконец объединить усилия, то вот тогда мы многого сможем добиться.

В последние два года в Омске работал детский летний лагерь «Ган Исроэл», выходит ежемесячная газета «Ахдут» («Единство»), которая призвана стать трибуной омских евреев. К еврейским праздникам обычно приурочены концертные вечера, работают молодежный и женский клубы, в воскресной школе дети обучаются еврейским традициям, языку и компьютерной грамотности. Начал работать еврейский детский сад. Есть планы по открытию средней школы, компьютерного класса и библиотеки. Но на это пока у нас не хватает ни средств, ни помещений.

– А не откроете ли вы секрет, если расскажете, на какие средства существует омская религиозная община?

– Большая часть средств пока поступает к нам из Москвы... Однако отрадно то, что уже и некоторые омские евреи тоже помогают общине собственными деньгами.

Причем важным со всех точек зрения фактом представляется то, что помогают общине своими средствами не только люди состоятельные, но даже и некоторые старики с недавних пор жертвуют по 100 рублей из своих весьма небольших пенсий...

Пожертвования же вообще, как известно, играют очень большую роль в еврейской традиции. И я искренне радуюсь тому, что эта добрая, благотворная традиция и у нас, в Омске, не прерывается.

– Собираетесь ли вы по примеру многих других еврейских общин строить в Омске общинный центр?

– Начну ответ на ваш вопрос с того, что здание омской синагоги было построено около полутора веков назад. При советской власти его, к сожалению, экспроприровали и использовали под другие цели, однако в начале 90-х годов вернули общине.

Мы не смогли найти в городе помещение, подходящее для открытия в нем общинного центра. И поэтому пока ограничились тем, что выкупили у городских властей участок земли, расположенный очень удобно для его использования в дальнейшем – он как раз напротив синагоги.

Так что ответ один: как только у нас появятся средства, мы тут же незамедлительно приступим к строительству здания столь необходимого евреям-омичам общинного центра.

– Как раввин вы несете евреям религиозное учение иудаизма. Считаете ли вы это дело своим главным предназначением?

– Иудаизм отвергает идею миссионерства. Мы никому не навязываем свою веру, нет! Но тем не менее мы привлекаем людей к осознанию своих корней и делаем это с помощью наших национальных культурных традиций. Поистине так: ведь религия – это и есть наша культура.

Моя задача как раввина действующего – всемерно постараться создать условия для того, чтобы желающие соблюдать еврейские традиции смогли это делать...

Нет вообще неверующих евреев – есть нерелигиозные. Многие просто не знают, что они – евреи. Ну, скажем, не знают хотя бы потому, что по российским законам национальность определяется по отцу, а по законам еврейским – по матери. В советское время немало людей старались не афишировать свою принадлежность к еврейству, и по этой причине тоже слишком многие евреи ассимилировались.

Талмуд учит, что в рождении ребенка участвуют отец, мать и Б-г. Если ты веришь в Б-га, лишь когда это тебе выгодно, тогда уж извини, но это вовсе никакая не вера, а лишь математический расчет. Обычно о Б-ге вспоминают, когда плохо. Так, к примеру, к нам приходит много писем из колоний от осужденных...

Главное, люди должны знать о том, что они всегда могут обратиться за помощью в синагогу – и получить ее. Моя цель – помогать евреям, где бы они ни жили. Пока в Омске остается хоть один еврей, я отсюда не уеду.

– Часто ли вы сталкиваетесь в городе с антисемитизмом?

– В синагоге несколько раз разбивали окна, иногда появляются антисемитские надписи на заборах, но это мелочи. Омск в этом отношении– достаточно спокойный город, особенно по сравнению с другими российскими регионами европейской части страны...

В том, что в Омске нет вопиющих проявлений антисемитизма,– определено заслуга и местной власти. Я неоднократно встречался с нашим вице-губернатором, известным юристом и политиком Алексеем Казанником, курирующим религиозные вопросы, и он всегда старается помочь, когда это нужно.

– А как складываются ваши отношения с представителями других конфессий?

– На межконфессиональной конференции я общался с представителем православной церкви отцом Феодосием и лидерами омских мусульманских общин. Однако каких-то личных отношений между нами, к сожалению, нет...

Я надеюсь, что такие отношения появятся– и, безусловно, послужат нам всем для пользы общего дела. Ведь Б-г один, только люди верят в него по-разному.

– И последний вопрос: как проводит свободное время главный раввин Омска?

– Суббота для евреев– день отдыха, в этот день даже телевизор смотреть нельзя. Стараюсь побыть с женой, которой, кроме меня, в Омске просто не с кем поговорить на ее родном иврите...

Чтобы не отрываться от проблем своей страны, регулярно смотрю по Интернету израильские новости. Читаю в основном религиозные книги, слушаю еврейскую музыку. Моя мама окончила консерваторию, она и воспитывала нас на классической музыке. Я очень люблю Чайковского, Баха, Моцарта, но слушать их порой просто нет возможности.

Аמיתל אהיה י. איתני אי

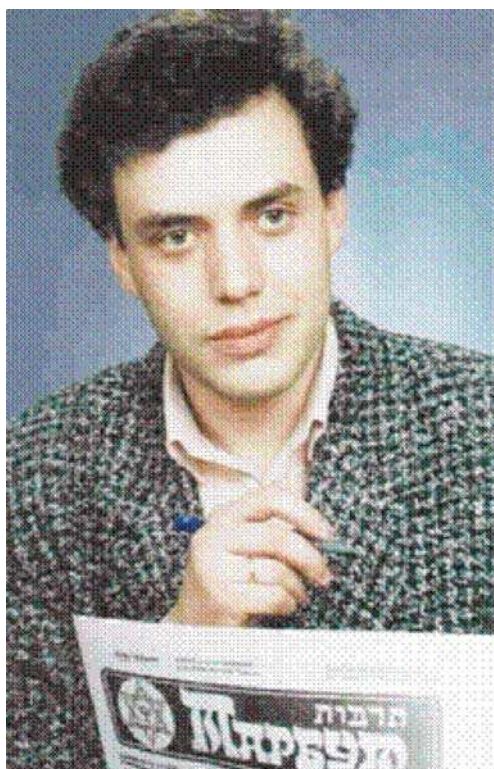
יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֶחָד

А јоји ајо Оајјдаојеае аадејтео јавјеі ајадја о-даеај а јдаі еу «Ја аејаа а дајаеоеа аадејте аеје а Дјте». Јадји аа еаодаоји а јји ејаеје «Ј дајјајеојау ајјаеји јјоу» јоае аедаеоді І јтејтеја ајој јј і даајі :аејаеа Аејтеі ао Аоја

Сегодня он отвечает на вопросы нашего корреспондента.

-Расскажите, пожалуйста, как начиналась ваша правозащитная деятельность?

– Все началось в 1992 году. Я жил в Самаре и редактировал газету «Тарбут». Самарский губернатор Константин Титов проводил в то время израильскую торгово-промышленную ярмарку в городском Дворце спорта. И вот на автобусных остановках появились антисемитские надписи. В Самаре такое случилось впервые. От имени газеты «Тарбут» я написал несколько обращений – в милицию, управление госбезопасности, прокуратуру.

Из прокуратуры города довольно быстро пришел ответ, подписанный помощником прокурора, гласивший, что в содержании листовок «не усматривается призывов к разжиганию национальной розни» и потому уголовное дело возбуждено не будет. Начальник местного управления госбезопасности был более любезен, но также не дал определенного ответа. По его словам, в том, что авторы надписей не были найдены, виноваты... журналисты, которые подняли шум и спугнули злоумышленников. В его обтекаемом ответе по поводу антисемитов сказались, увы, то, что он был заложником своего ведомства...

Потом был процесс против издателя погромной антисемитской газеты, инициированный по моему письму. Дело тянулось три года, и в конце концов суд, к сожалению, вынес оправдательный приговор. Но за эти годы, общаясь с самарским губернатором и его «командой», я замечал, что эти люди вполне осознают опасность, связанную с ростом профашистских настроений в стране. И в том, что губернатор Титов стал помогать синагоге и еврейской общине, я вижу и свою скромную заслугу.

Кстати, на церемонии вручения премий в МЕОЦ мы тепло поздоровались, и Титов, приглашенный главным раввином России Берлом Лазаром в качестве почетного гостя, попросил меня обязательно сказать со сцены, что я родом из Самары.

– Когда вы, Александр, перешли на работу в Бюро по правам человека?

– Бюро по правам человека было открыто в Москве «Американским объединением комитетов в защиту евреев СССР» (ОКЗЕ) в 1990 году. В разные годы его директорами были известные журналисты Вадим Дубнов, Олег Панфилов, переводчик Александр Либерман, правозащитница Татьяна Локшина. Но в 2001 году место директора Бюро неожиданно оказалось вакантным. И вот тогда международный директор ОКЗЕ Леонид Стонов, с которым я познакомился в 1993 году на съезде Ваада России, предложил мне занять это место.

Дело правозащиты не было для меня совсем незнакомым – ведь я и раньше посылал Стонову материалы о ксенофобии в Поволжье. Вот так и получилось, что в ноябре 2001 года я переехал в Москву и начал работу в Бюро.

– Что вы считаете самым большим успехом и самой большой неудачей в работе Бюро?

– Нашим серьезным успехом можно считать выигрыш в условиях жесточайшей конкуренции трехгодичного гранта Еврокомиссии на проект «Борьба с ксенофобией и расовой дискриминацией на территории РФ». В рамках этого проекта мы продолжим мониторинг антисемитизма и ксенофобии, откроем две «горячие линии» для пострадавших – в Москве и Краснодаре, и еще – обеспечим юридическую помощь жертвам ксенофобии.

Кроме всего этого, мы будем выпускать ежеквартальные обзоры информации из регионов. В каждом из семи федеральных округов страны будут проводиться ежегодные конференции, «круглые столы» по теме «Национально-религиозные общины и власть», семинары для журналистов по национальному вопросу.

Мы продолжим и диалог с органами власти и правопорядка по вопросам антисемитизма. В качестве экспертов в этом проекте будут участвовать специалисты ВЦИОМ, фонда «Индем» Георгия Сатарова, фонда Эмиля Паина, аппарата Уполномоченного по правам человека РФ, комиссии по правам человека при президенте РФ, сотрудники Московской Хельсинкской группы, НИИ Генеральной прокуратуры, Центра межнационального сотрудничества Ашота Айрапетяна и комитета Государственной Думы по законодательству.

На днях меня принимали министр культуры Михаил Швыдкой и министр по делам национальностей Владимир Зорин. Они наблюдают за деятельностью Бюро и будут поддерживать наш проект.

От крупных же провалов Б-г пока миловал. Правда, в прошлом августе ОКЗЕ уменьшило финансирование Бюро, и мы некоторое время не могли вовремя оплачивать работу наших сотрудников в регионах. Не подумайте, что ОКЗЕ поступило так из вредности. Просто бюджет Бюро вырос в несколько раз, и поэтому пришлось искать новые источники дотаций.

Есть у нас некоторые проблемы и с получением информации из регионов. Мы возлагали большие надежды на лидеров региональных общин. Однако некоторые из них, по всей видимости, не захотели ссориться с местными властями, а поэтому и не сообщали острые факты; другие же просто не умели работать с информацией...

Более продуктивным в плане проведения оперативного мониторинга оказалось сотрудничество с правозащитниками и журналистами. Но естественно, с общинами мы будем сотрудничать и впредь. Мы ведь работаем ради тех людей, кто состоит в них, ради обеспечения их безопасности.

– Как вы узнали о том, что стали номинантом премии ФЕОР «Человек года – 5672»?

– Мне позвонил исполнительный директор ФЕОР Валерий Энгель и сообщил эту радостную новость. Это было неожиданно, и это – большая честь для меня. Тем более

что рядом со мной номинировались высочайшие профессионалы: Иосиф Кобзон, Павел Чухрай, Геннадий Костырченко...

К тому же событие это имело большой резонанс и сыграло значительную роль в утверждении Бюро в «еврейской системе координат» России и Европы. По крайней мере именно после вручения премии количество писем и звонков в Бюро из российской провинции увеличилось в несколько раз, и благодаря этому я узнал о многих новых случаях проявления антисемитизма, смог помочь людям.

Поэтому я благодарен ФЕОР и надеюсь на плодотворное сотрудничество с этой – действительно крупнейшей и авторитетнейшей! – из еврейских организаций мира. Мы сейчас обсуждаем с ее руководством один совместный глобальный проект... Но я человек суеверный и пока не буду раскрывать карты.

Аניני אה נ. xadi ue

Â ÁÈÐÎÁÈÄÆÀÍÁ - Î × ÁÐÁÄÍ ÎÉ ÔÃÑÒÈÂÀËÛ

Â Áèðîáèäæàíá îðîçæ VII Î æçáóí àðíáí úé óãñòèâèú äððèíèé èèúòóñ. Ôæòè-áñèè îí ñòæ íá-æèíì ìíããòíæè é îðçáí íááí èð 70-èäòèú íáðçáí ááí èú Áððèíèé è äáòííì íé íæãñòè.

Этот юбилей здесь отпразднуют в следующем году.

В своем приветствии губернатор Еврейской автономной области Николай Волков подчеркнул, что яркие праздники одной из древнейших на планете культур стали в Биробиджане доброй традицией.

Программу открыл в городской филармонии концерт Московского мужского камерного еврейского хора под управлением Михаила Турецкого.

Выступали солисты многих творческих коллективов из Петербурга, Самары, Владивостока, Хабаровска, Иркутска, Благовещенска. Впервые свой репертуар еврейских песен представила вокальная группа из Хэгана – китайского города-побратима Биробиджана, а также выставка Академии общественных наук китайской провинции Хэйлунцзян «Евреи Харбина».

Гости праздника увидели интереснейшую выставку живописи «Еврейские мотивы в творчестве художников ЕАО». Сценическое искусство было представлено на фестивале спектаклями московского театра «Шалом», биробиджанского театра «Когелет», а также иркутским драматическим коллективом под руководством бывшего биробиджанца Ицхака Ливанта.

Проведение ставшего традиционным праздничного международного смотра достижений современной еврейской культуры обошлось его устроителям – правительству

автономии, биробиджанской общине «Фрейд» и Федерации еврейских общин Дальнего Востока – более чем в 60 тысяч долларов. При этом из бюджета ЕАО поступили всего лишь пять процентов этой суммы, а остальные средства выделили российские и международные еврейские фонды и организации.

А. Айдаева

**ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ ВЛАДИМИР ПУТИН
ПОЗДРАВИЛ ЕВРЕЕВ СТРАНЫ С НОВЫМ ГОДОМ**

На торжественном приеме, состоявшемся в Московском еврейском общинном центре, первый заместитель начальника главного управления внутренней политики Администрации Президента Российской Федерации Геннадий Кара зачитал поздравление главы государства Владимира Путина российским евреям с праздником Рош а-Шона:

«Примите сердечные поздравления с праздником Рош а-Шона (Новым годом).

По традиции, канун Нового года — пора подведения итогов и построения планов на будущее.

Укрепление демократических институтов России на основе общественного согласия, веротерпимости и взаимоуважения во многом способствовало динамичному развитию еврейских общин.

Впереди нашу страну ожидает важнейшее событие — выборы в Государственную Думу Российской Федерации, — которое, уверен, продемонстрирует готовность общества противодействовать проявлениям религиозного экстремизма и антисемитизма, станет свидетельством его гражданской зрелости.

Желаю вам здоровья, счастья, успехов и всего самого доброго.

В. Путин».

**РАВВИНА БЕРЛА ЛАЗАРА ПОЗДРАВИЛ
МЭР МОСКВЫ ЮРИЙ ЛУЖКОВ**

Мэр Москвы Юрий Лужков направил поздравительную телеграмму к празднику Рош а-Шона главному раввину России Берлу Лазару. В поздравлении говорится:

«Уважаемый раввин!

Сердечно поздравляю Вас и в Вашем лице всю еврейскую общину России с праздником Рош а-Шона — с Еврейским новым годом.

По доброй традиции в эти праздничные дни евреи вспоминают наиболее яркие и значимые события уходящего года, строят планы на успешное будущее, поздравляют любимых и близких.

Отрадно сознавать, что в многонациональной многоконфессиональной Москве традиции сотрудничества правительства города и еврейской общины, направленного на укрепление в обществе духовности и нравственности, упрочение гражданского мира и согласия, постоянно развиваются.

Уверен в том, что сообща мы многое сумеем сделать на благо нашей Родины и ее столицы Москвы и что осуществляются самые смелые замыслы, сбудутся лучшие надежды.

Пусть наступающий праздник будет радостным и счастливым, принесет уют, тепло и благополучие в каждую еврейскую семью. Доброго и сладкого Вам Нового года!

Юрий Лужков

**НОВОГОДНЕЕ ОБРАЩЕНИЕ
ГЛАВНОГО РАВВИНА РОССИИ БЕРЛА ЛАЗАРА**

«Дорогие друзья — евреи России!

Сердечно поздравляю вас с Новым, 5764 годом по еврейскому календарю — с праздником Рош а-Шона. Пусть он будет для каждого из вас добрым и сладким.

На Рош а-Шона Г-сподь производит суд над каждым из нас. Все дела человека предстают перед Б-гом, и Г-сподь решает и записывает в Книгу жизни нашу судьбу на предстоящий год.

Как же вдруг день суда над нами стал для нас праздником? Мудрецы Талмуда говорят, что, идя на суд, человек обычно одевается в черное, отпускает бороду и не подстригает ногтей, потому, что он не знает решения судьи и не убежден в том, что решение это будет в его пользу. Но мы, евреи, на Рош а-Шона одеваемся в белое, едим, пьем и радуемся, выходя на суд Г-спода. Ведь мы знаем качества Г-спода, знаем, что Он исполнен милости и не вынесет чрезмерно сурового приговора.

Мы, евреи, видим в Г-споде Отца. Когда мы грешим перед Г-сподом, мы грешим против Отца. Для отца тяжело видеть, что дети его идут неправедным путем, отдаляются от него, — тяжело именно потому, что он — отец, он более опытен и мудр и он знает, что этот путь не принесет его детям добра.

Поэтому мы верим и знаем, что Г-сподь, как Отец, судит не для того, чтобы наказать, а чтобы помочь нам, — и судит Он с любовью. Принимая любовь Г-спода, мы радуемся Его приговору. Ибо все, чего хочет Г-сподь, — это нашего возвращения к Нему и к Его любви. Именно поэтому «покаяние» на иврите называется «тшува», то есть «возвращение».

На Рош а-Шона мы молимся Г-споду, раскаиваясь в дурных поступках, совершенных за год, — и тем самым возвращаемся к Нему. Возвращаемся с радостью — ведь мы знаем, что в этот день Г-сподь не станет нас наказывать, а отец не наказывает сына, вернувшегося домой.

Долгие годы евреи в Советском Союзе не могли свободно исповедовать свою веру, молиться Г-споду, учить Торю. Запрет на религиозную и общинную жизнь, жестокие репрессии против тех, кто хранил еврейские традиции, — все это привело к тому, что очень многие евреи в России «ушли из Отчего дома», отдалились от еврейства, от Г-спода Б-га. Но своей вине, — но отдалились и ушли.

И сегодня, когда мы видим новые возможности, новое отношение российских властей, полную свободу для каждого, кто хочет быть евреем и жить еврейской жизнью, мы не можем не расценить это как знамение от Г-спода.

Желаю каждому еврею России найти дорогу домой — дорогу к Г-споду, к любящему Отцу. Мы знаем, что Он ждет с распростертыми объятиями и Он запишет нам в Книгу жизни хороший и сладкий Новый год.

Главный раввин России Берл Лазар

Ï ÀÇË ÒÏÂ!

ÁÏðÏãã è ëþáèì ïã

Ëñÿ Ááæãïãæ: à Ï èõèéí à

ó: àñò ï èèà Ááèèéíé Ï ò á: àñò ááí ï íé áíéí ù,

ï ðÏ ó ááó áã òæ àññ

ò àó èñò ñèè ò è àãðáé,

ï ï çãðáæÿáì ñ 85-éà ò è àì .

Ææè àì çãï ðÏ áÿ

è ï ï ï ãè ò é à ò æ è ç í è!

Áá ò è è áí ó èè.

ÁÏðÏãè Òáè ï ó Áðèã ðÏãáí ó è ÁÏðèñ Ï è òáèéíãæ: à Ðáé ï ã è ùü

Ï ï çãðáæÿáì ñ «çíèí ò íé» ñãáüííé.

Ææè àì çãï ðÏ áÿ, áèááí ï íé ó: èÿ, è áü á - áí è æ á ñ áü

ï ñ ò á á á ò ü ÿ á ñ ò ðÏ ð!

Ëðè ó ò ñ è è á á ð á è ñ è è è ó è ù ò ó ð ï ú é ó á ï ò ð

ÁÏðÏãð Òðè á ò Ñáì ó è é ï á ï ó Õáé ó á ò

Ï ï çãðáæÿáì ñ þ á è è á àì -

ñ 95-éà ò è àì !

Çãï ðÏ áÿ, çãï ðÏ áÿ è ï ï ï ãè ò é à ò

í àì í à ð á á ñ ò ü!

Ñú ï, ï è áì ÿ ï í è è è è ï è áì ÿ ï í è ò ù, áí ó è è, áí ó: è è è ï ð á á ï ó: è è.

Ó á á æ á àì ó þ è á ï ðÏ á ð Ò à ò ÿ ï í ó Ó á á ï ðÏ á ï ó Ñ ò á ï á ï á ó

Ñ á ð á á: ï ï ï çãðáæÿáì ñ 60-éà ò è àì !

Ææè àì çãï ðÏ áÿ, ó ñ á ò ï á - è á ï æ è ò ü á ï 120 é à ò.

Á á ð á è ñ æ ÿ í á ù è í à Ï ï á ï ó ð á è ù ñ è á

יְאֵדוֹתֵינוּ

В женском институте «Хая-Мушка» начался новый учебный год. На торжественной церемонии в честь этого события присутствовал главный раввин России Берл Лазар.

Выступая перед учащимися и гостями, ректор института раввин Авраам Бекерман отметил, что выпускницы этого года впервые получают дипломы о высшем образовании государственного образца.

– Махон – это не только учеба, получение знаний, – сказал в своем приветственном обращении раввин Берл Лазар, – это «ахдут», что означает «единение», которое свойственно еврейскому народу.

Руководитель московского Учебного центра Еврейского агентства в России Тхия Тамарин, принявшая участие в церемонии, также выступила с напутствием девушкам:

– Желаю каждой из вас добиваться успехов в своем стремлении двигаться вперед по пути овладения знаниями и ощущать от этого радость.

Махону «Хая-Мушка» недавно исполнилось двенадцать лет. Девушки получают в нем как солидное светское образование высокого уровня, так и традиционное религиозное. Студентки изучают педагогику, лингвистику и экономику на базе двух известных столичных высших учебных заведений – Московского авиационного технологического института и Московского экономико-лингвистического института.

Три года назад при махоне открылась школа, в которой учащиеся девушки не только завершают свое общее среднее образование в 10 и 11 классах, но также одновременно приобщаются к освященной тысячелетиями традиционной еврейской духовности.

Сейчас в «Хая-Мушка» учатся 150 девушек – 20 школьниц и 130 студенток. В нынешнем учебном году на первый курс махона зачислено двадцать студенток и еще столько же – в 10 и 11 классы школы. Учащиеся живут в общежитии при махоне, в удобных комнатах, и получают кошерное питание.

На церемонии посвящения в студентки первокурсницам пришлось отведать горький лук и сладости, символизирующие трудности учебы и радости побед над собой. Перед тем как всем вместе – студенткам, преподавателям и гостям – войти в здание махона, раввин Авраам Бекерман протрубил в шофар: «В добрый путь к вершинам знаний, к постижению наших многовековых традиций!»

– Мы не хотим останавливаться на достигнутом, – сказал в интервью корреспонденту «Лехаима» главный раввин России Берл Лазар. – Девушки приезжают не только учиться: они находят здесь свою семью, получают ответы на многие вопросы. А самое главное – они находят себя. Сегодня здесь учатся около полутора сотен девушек, но мы надеемся, что в ближайшее время учащихся в махоне будет уже больше тысячи. К сожалению, и в этом году опять не удалось принять в институт всех желающих. Проблема чисто техническая: раньше в этом здании был спортивный клуб, поэтому оно требует перепланировки и реконструкции.

È. Bīāè:

ÀÀDÁÉÑÈÈÕ ØÊÏË È ÁÀÒÑÈÈÕ ÑÀÀÏÂ ÑÒÀËÏ ÁÏËÛØÁ

Á yòïï ãäö îáäáé çâïïé îðçâø-äë 120 ðàç á áäðáéñèèõ áàòñèèõ ñààä, øéïéáð è áøéáäð íà òáððèòíðèè ÑÏÁ.

Некоторые из этих школ основаны уже более десяти лет назад. Однако есть и такие еврейские детские учебные заведения, что впервые открыли свои двери в этом учебном году.

Так, в Грузии начала работать еврейская школа, в которой сели за парты 80 учеников. А в Белоруссии в средней школе города Бобруйска отпраздновали новый учебный год 70 учеников. В средней школе столицы Башкирии Уфы открыли еврейские учебники четыре десятка учеников.

В столице Уральского региона Екатеринбурге в еврейский детский сад пошли полсотни детишек. Также открыты новые еврейские детские сады во Владивостоке, а в Украине – в Ужгороде и Черновцах.

Многие из уже ранее действовавших школ в нынешнем году увеличили количество учеников в несколько раз по сравнению с предыдущим годом.

Вообще же в шести государствах бывшего СССР – Азербайджане, Белоруссии, Грузии, Казахстане, России и Украине – в добавление к действующей сети школ фонда «Ор Авнер» при Федерации еврейских общин СНГ в нынешнем году открылись уже 13 новых учебных заведений. Эти школы расположены в столицах и других городах стран СНГ: Уфе, Пинске, Бобруйске, Караганде, Баку, Тбилиси, Перми, Брянске, Владивостоке, Биробиджане, Ужгороде, Черкассах и Черновцах.

Во всех этих новых школах – небольшие классы, в каждой организовано трехразовое питание учащихся и педагогического персонала, а на работу в них приглашены лучшие учителя названных городов. Для преподавания информатики, английского языка и математики выделены дополнительные часы. Занятия по ивриту, еврейской культуре и традиции в основном будут вести израильские педагоги.

На территории бывшего СССР фонд «Ор Авнер» сегодня имеет в своей сети уже 87 школ. Из них 32 находятся в России, 37 – в Украине, шесть – в Белоруссии, три – в Казахстане, по две – в Грузии, Литве и Узбекистане, по одной – в Азербайджане, Эстонии, Латвии и Армении.

Для организации еврейской жизни в странах СНГ и в том числе и для работы со школами из Израиля в этом году приехали девять раввинов. Направились они в разные концы бывшего СССР, – в Курск, Тольятти, Астрахань, Краснодар, Оршу, Могилев, Брест, Черновцы и Ужгород.

Под эгидой Конгресса еврейских религиозных общин и объединений России (КЕРООР) открыты четыре школы. Из них две в Москве – «Эц Хаим» и «Ган Хама» – и по одной в Пятигорске и в Туле.

В Москве также работают три еврейские религиозные школы. Одну из них – «Мигдал Ор» – финансируют еврейские организации США и Израиля. Другая – частная религиозная школа «Бет Еудит». И еще действует государственная еврейская школа №1311 – с углубленным изучением иврита и традиции иудаизма.

При Международной еврейской организации ОРТ (Образовательные ресурсы и технологический тренинг) в России действуют четыре школы – в Самаре, Казани, Петербурге и Москве. В учебную программу каждой из этих школ ОРТ включен дополнительный предмет – технология, а также компьютерные дисциплины.

С. Фуксон

יִיִנְעָאָ: ןֿאָאָ יֵאֵדְעֵאָ

В нынешнем году свои двери открыла школа для девочек, в которой преподавание всех традиционных еврейских дисциплин будет вестись на иврите.

Для обучения детей «светским наукам» приглашены лучшие московские учителя. В школе будут учиться дети посланников международного Любавичского движения в Москве, и девочки из еврейского пансионата «Дети будущего» – всего около четырех десятков школьниц.

Решение о создании такой школы назрело в результате наблюдения за работой детского сада «Хедер Менахем», в котором успешно применяется практика общения с детьми на иврите.

В этой недавно открытой школе сегодня уже действуют классы начального и среднего образования. Однако пока что в них проходят предметы по школьной программе только до шестого класса. Но это, как надеются учителя, родители и ученики, – всего лишь начало, первые шаги на долгом и увлекательном пути к вершинам знаний...

אָאָ

«יִיִנְעָאָ» יֵאֵדְעֵאָ

Открыла свои двери для учеников «Месивта» – единственная еврейская школа-интернат на постсоветском пространстве. Это уникальное учебное заведение создано в Москве в 1999 году по инициативе главного раввина России Берла Лазара при поддержке известного предпринимателя и мецената Леви Леваева.

Школе также помогает «Фонд Кауфманна», а в нынешнем году она выиграла грант фонда «Авихай», предназначенный на развитие еврейского образования в России.

В «Месивте» ныне уже более сотни учащихся, которые съезжаются именно сюда для получения добротного образования со всех концов бывшего СССР – от Каунаса и Калининичей до Находки.

В классах «Месивты» по-прежнему всего по 5-7 учеников. При росте числа учащихся руководство школы предпочитает открывать новые классы, а не увеличивать «наполняемость» в каждом из них. По мнению директора школы Арона Головчинера, именно этот метод обучения позволяет уделять больше внимания каждому ученику.

В этом году практически все выпускники «Месивты» сдали на «отлично» вступительные экзамены в Международный институт XXI века (Еврейский университет).

В начавшемся учебном году внесены новшества и в учебные программы. Часов, отведенных на занятия по физическому развитию, теперь станет больше. Кроме общего курса истории, старшеклассники будут изучать теперь историю московского еврейства. Школьники также смогут петь в хоре, играть на различных музыкальных инструментах, учиться вождению автомобиля.

אֶשְׁרָא - יְיָ עֹד דַּא אֵינְבֹעֵאֹעֵב

Пятнадцатый учебный год начала ешива «Томхей Тмимим Любавич». В этом году здесь занимаются уже около полусотни учащихся.

Несколько лет назад в ешиве были введены приемные экзамены. Изменился и уровень преподавания: теперь с ребятами работают раввины, приглашенные из Израиля. Учебная программа «Томхей Тмимим» ныне соответствует всем международным стандартам.

נ. חַדִּינָה

וֹא: יְאֵדָאֵב אֵדָאֵנֵאֵב עֵיֵא

Открыла двери первая в Уфе еврейская средняя школа «Ор Авнер», работающая на постоянной основе.

До открытия этого стационарного учебного заведения в столице Башкирии действовала только лишь одна воскресная еврейская школа.

Родителей и детей новая школа привлекает тем, что классы ее рассчитаны на обучение не более 5-8 учеников. Для них организовано трехразовое кошерное питание. Учить здесь будут по усиленным курсам информатики, английского языка и математики. Детей привозят на занятия и развозят по домам на автобусах.

Ежедневно в школе также проводится довольно обширная общеобразовательная работа и после окончания уроков. В ходе ее учителя из Израиля уже начали вести занятия по ивриту, еврейской культуре и традиции.

י. עֵאֵאֹוֹתֵאֵ

אֶבִּי נֵעַ: עֵיֵא יְאֹֹאֹֹוֹאֵֹעֵֹעֵֹ

С урока еврейской традиции начались занятия в новой еврейской общеобразовательной школе Брянска.

Учеников и учителей этой первой национальной школы в городе приветствовал сотрудник аппарата главного федерального инспектора в Брянской области Валерий Скидан. В своем выступлении он отметил, что школа находится под личным патронажем главного федерального инспектора Владимира Гайдукова и главы Брянска Валерия Полякова.

Школу возглавил раввин Брянска Ицхак Ройтман. В ее педагогическом коллективе – учителя высшей категории. Причем примечательно то, что среди них – девять «Отличников просвещения России». А учителя биологии и географии Жанну

Воротынскую дважды официально признавали «Учителем года» в Курске, где она раньше работала.

ААІ

ŌÄDÜÊÎÂ: ÂÂÄÄËÑËÂB ÂËÄÄÄÎ ÈB

В Харькове открылась первая Еврейская академия для девочек.

Академия эта работает в сотрудничестве с одним из самых солидных высших учебных заведений города – Президентской академией в области преподавания менеджмента, экономики и иностранных языков.

Программа Академии для обучения девочек рассчитана на шесть лет и включает в себя также интенсивный курс иудаики. Занятия проходят в синагоге «Бейт Менахем». Среди традиционных еврейских дисциплин изучается курс истории нашего народа, а также основы иудаизма, Пятикнижия Торы, хасидизма, Алохи и иврита.

Обучение в Академии бесплатное. Планируется, что ее студентки будут помогать еврейской общине города Харькова, работая в воскресных школах и летних лагерях отдыха, традиционно организуемых для детей.

ААІ

ÂÎÄDÓËÑË: ØËÎËÛÎ ÈËËÈ Ó×ÀÒ ÈÄDÈÒ

В белорусском городе Бобруйске открылась еврейская средняя школа с преподаванием иврита, истории и традиций еврейского народа.

На праздник первого звонка собрались более 60 детей – от малышек из детского сада до учеников седьмого класса. В торжестве приняли участие председатель совета Объединения иудейских общин Белоруссии Эдуард Париз, председатель бобруйской еврейской общины Игаль Чернин и раввин Бобруйска Борух Ламдан.

После первого звонка начался праздничный утренник для малышек, а школьники отправились на свой первый урок в новой школе.

ААІ

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ: «עַל־עַבְדֵנוּ» – יוֹמֵי חַיֵּינוּ

Учителя высшей квалификации – супруги Козловские – приехали из Израиля в Петербург для того, чтобы вести занятия в еврейской общеобразовательной школе «Шамир». Они будут преподавать здесь не только курс иврита, но и еврейскую традицию.

Это стало возможно благодаря участию в финансировании школы благотворительного фонда «Ор Авнер».

В нынешнем учебном году школа «Шамир» получила два дополнительных этажа, что позволит увеличить количество учащихся (пока их около 140), открыть вечерние курсы еврейской традиции, семейный клуб и небольшой концертный зал.

Директор школы Марк Грубарг отметил, что благодаря индивидуальному подходу учителей к каждому ученику и особой, доверительной атмосфере сотрудничества педагогов и школьников практически все выпускники, получившие аттестаты о среднем образовании, поступают в вузы.

А. Абрахам

אֵלֵינוּ אֱלֹהֵינוּ: עוֹלָם עוֹלָם אֵלֵינוּ

На «отлично» оценила комиссия готовность к новому учебному году единственной в Волгоградской области частной еврейской школы «Ор Авнер».

Проверка велась по 19 позициям, и ни по одной из них у членов комиссии замечаний не было. Отмечено в ходе проверки и отличное качество методической базы этой школы.

На одном из недавних заседаний Ассоциации директоров негосударственных школ Волгограда были оглашены результаты сдачи школьниками единого государственного экзамена по математике. И оказалось, что школа «Ор Авнер» заняла второе место среди негосударственных учебных заведений города.

В новом учебном году к занятиям в еврейской школе приступил 141 ученик.

А.А.

עַל־עַבְדֵנוּ אֱלֹהֵינוּ: אֵלֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

В четвертый раз распахнула свои двери школа «Ор Авнер» – и двадцать детей сели за ее парты. В эту дружную школьную семью в новом учебном году влились восемь новичков.

С началом нового учебного года школьников поздравил главный раввин Калининграда и Калининградской области Давид Шведик. Он подчеркнул, что смысл обучения в еврейской школе – не только в получении детьми качественного светского и традиционного образования, но в не меньшей степени – в заложенных именно школой основах еврейского образа жизни, в уважительном отношении к своим истокам.

Поздравить школьников пришел и ветеран Великой Отечественной войны, бывший узник гетто Яков Романович Суховольский.

Учебный год начался в отремонтированных классах, за новыми партами, с занимательными учебниками по всем школьным предметам и внеклассным дисциплинам. В этом – большая заслуга руководителя департамента образования областной администрации Лазаря Моисеевича Фуксона. Ученики получили в подарок яркий, красочный, познавательный школьный дневник.

Группы продленного дня оснащены первоклассными развивающими играми; здесь фломастеры и краски, альбомы и наглядные пособия. Подготовлена и столовая, где дети получают кошерное питание.

Кроме учебы по обязательной федеральной программе, школьники будут изучать иврит, еврейскую историю и традиции, музыку и танцы еврейского народа.

А. Асфенди

וְאֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

Еврейская школа в Херсоне – первая в Украине, созданная после провозглашения этой страной государственной независимости.

Недавно херсонская школа отметила свою одиннадцатую годовщину. С обращением к ученикам и их родителям выступил раввин Йосеф-Ицхок Вольф. Он рассказал об особом символическом значении элула – последнего месяца еврейского года и первого месяца года учебного.

Впервые на церемонию открытия нового учебного года в школу явились выпускники, поступившие в первый класс в год ее основания. Они приветствовали сегодняшних первоклассников и пожелали им, чтобы дух еврейства не оставлял их на протяжении всей жизни.

На первый урок ребят созвали торжественные незабываемые звуки шофара.

А. Давид

ÀËÏ Æ-ÀÒÀ: ØÀÁÏÑÁ «ÃÁÐØÓÏË»

Многие новички, пришедшие в еврейский учебно-воспитательный комплекс «Гершуни», оказались на праздновании Шабоса впервые в жизни. Для них, впрочем, и была организована специальная – «учебная» – встреча Субботы.

Совсем скоро еврейская традиция вернется в их семьи, – убеждены организаторы этого празднования. Непременно вернется! Так же как она вернулась в семьи нескольких сотен учеников школы и воспитанников детского сада, которые вот уже в течение пяти лет приходят в родные стены своей «альма-матер».

Сегодня здесь обучаются две сотни мальчиков и девочек. Всех их с новым учебным годом от имени преподавателей «Гершуни» поздравили его президент – раввин Шевах Златопольский, директор Анна Щепкина, а также заведующая детским садом Марина Лапина.

В нынешнем году в еврейском учебно-воспитательном комплексе «Гершуни» открылся хедер «Оалей Леви-Ицхок». Произошло это в «день рождения» здешнего детского сада, которому исполнилось три года.

В этот день воспитанники детского сада, родители которых пожелали, чтобы их дети получили углубленное еврейское образование, закутанные в талесы, вошли в новое помещение. Здесь они отведали на вкус буквы еврейского алфавита, сделанные из медового пирога, услышали звуки трубящего шофара и увидели, как к дверному косяку прибывают мезузу. Такого торжества еврейского духа и следования традиции этим детям уже не забыть...

Ï. Øèøì àí

ΑΑΕΘ: ΘΕΤΕΑ - ΑΟΑΟΥΑΑ ΑΑΦΑΑΑ ΑΣΑΒΑΕΕΑΕΑΙ Α

Α πò Γεεοά ΑσαβΑεεΑεΑΙ Α Αεεο ΓθΓεεΑ οΑΑΑΙ ΓΓεγ ΓοεθΓοεγ ΓΓΑε ΘεΓεθ «Γθ ΑΑΓΑθ». Α γοΓο ΓΑΓ ογΑθΓεεε ΑΑΓ Γ 206 Γ ΑεθΓ-εεΓΑ ε ΑΑΑΓ-Αε ΓΓΑΑΑΓ ΓΑΓΓεΓ ΓΑΘεε ΑΑΑΑθ ΘεΓεθ.

– Сегодня в Баку праздник, – сказала директор школы Людмила Аббасова. – Теперь каждый может воочию увидеть, что Азербайджан – свободная страна, дающая своим гражданам возможность получить образование в духе еврейских традиций.

Как уже сообщалось в нашем журнале, в апреле нынешнего года состоялась встреча президента Азербайджана Гейдара Алиева с главным раввином России Берлом Лазаром и президентом Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваевым. Именно в ходе той встречи и было принято решение на высшем официальном уровне – открыть в Баку еврейскую школу.

В торжественной церемонии открытия приняли участие член Милли Меджлиса – парламента страны – профессор Асаф Гаджиев, исполнительный директор Федерации еврейских общин СНГ Авраам Беркович, посол Израиля в Азербайджане Эйтан Наэ, а также почетные гости из Великобритании – вице-президент Всемирного еврейского конгресса лорд Джайнер, лорд Митчел и член палаты общин, секретарь британо-израильской парламентской группы, член британского «Общества друзей Израиля» Линда Перхам.

Несколько часов спустя на встрече в Милли Меджлисе со спикером парламента Азербайджана Муртузом Алескеровым лорд Джайнер назвал открытие первой в республике частной еврейской школы событием историческим.

...Учащиеся, учителя и гости собрались на школьном дворе. Дети приветствовали собравшихся государственными флагами Азербайджана, Израиля и Великобритании.

В начале церемонии открытия школы прозвучал Государственный гимн Республики Азербайджан, и на школьном флагштоке был поднят флаг этой страны. А затем ученица первого класса Эмилия Шамаилова и ученик девятого класса Эльмир Гасанлы дали символический первый звонок.

С приветственной речью к учащимся школы и гостям праздника обратился главный раввин ашкеназских евреев Азербайджана Меир Брук. После трубления в шофар раввин Брук повел по школе гостей на экскурсию, которая завершилась в актовом зале.

В своем выступлении лорд Джайнер сказал:

– Воздадим благословение светлой памяти Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона, которая помогает раввинам-посланникам строить еврейские школы с такими умными и хорошими учениками.

Лорд Джайнер в своей речи также выразил сердечную благодарность президенту Азербайджана Гейдару Алиеву, поспособствовавшему открытию первой еврейской школы в этом мусульманском государстве.

– Школа – это будущее еврейской жизни в Азербайджане, – сказал исполнительный директор Федерации еврейских общин СНГ раввин Авраам Беркович. – Замечательно, что в республике нет проявлений антисемитизма. Новая школа – это еще один пример великой традиции дружбы евреев и мусульман в Азербайджане.

יְיָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

עִי וְיָדֵי אֲנֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

דַּעְאָ: אַעְאָ יְאִי בּוֹוֹ וִיֵּיֵיֵ נוֹא

В первый день осени у мемориала на месте сожженной вместе с людьми 4 июля 1941 года Рижской хоральной синагоги собрались ученики и учителя еврейских школ столицы Латвии. На митинг пришли и жители города.

Почетные гости пожелали школьникам успехов в новом учебном году. Раввин Шнеур Кот протрубил в шофар.

С приветствиями обратились к собравшимся посол Израиля в странах Балтии Гарри Корен, министр правительства Латвии по особым поручениям и по вопросам интеграции Нил Муйжниекс, председатель фонда общественной интеграции Латвии и советник президента по вопросам экономики Сол Букинголтс.

По окончании церемонии ученики, родители и гости направились во двор школы Хабад, где были накрыты столы с поминальным угощением.

דאַאַַעַיַ יאַאַַצַיַ אַד יַד יְדִיאַיַעַאֵאֵ אֵוֵאֵאַאַַעַוֵעַפַּ ׀ ׀ נַאֵי אַעַיַ וֹוֹ אַנֵוֹדאַ ׀ נַאֵוֹוֵאֵי עַ

*דאַאַַעַיַ יאַאַַצַיַ אַד יַד יְדִיאַיַעַאֵאֵ אֵוֵאֵאַאַַעַוֵעַפַּ ׀ ׀ נַאֵי אַעַיַ וֹוֹ אַנֵוֹדאַ ׀ נַאֵוֹוֵאֵי עַ
אַוֵוֵאֵוֵעַעַעַעַיַ ׀ ׀ אַאַאַאַַוֵעַ אֵוֹוֹ, ׀׀׀׀׀׀ אֵיַאֵוֵאֵיַיַ יַדאַעַאַיַוֵ אַ נַוֹאֵ אַעַיַדֵאַעַ אֵוֹוֵאֵ-׀וֹאַדֵוֵאֵיַ עַ
יַ אֵוֹאַדֵיַ יַיַיַאֵוֵיַיַיַ אֵאַאַיַ אַאַעַיַאֵוֵיַיַיַיַיַיַיַיַ אֵיַ עַיַוֵוֵדֵאַוֵעַ אַעַיַדֵאַעַ אֵוֹוֵאֵ-יַ עַאַוֵאֵיַיַיַ.*

Встреча состоялась в Генеральном консульстве США в Петербурге в рамках программы «Дня памяти жертв террористических актов 11 сентября 2001 года».

На этой встрече присутствовал также исполнительный директор Федерации еврейских общин СНГ раввин Авраам Беркович.

В этот день в Генеральном консульстве США был устроен прием для руководителей «Северной столицы» и Ленинградской области, а также ряда известных общественных деятелей Северо-Западного региона России.

Собравшиеся обратились со словами молитвы к Всевышнему в память жертв террористической атаки. Участники встречи подчеркнули решимость России и США вместе со всеми цивилизованными странами вести бескомпромиссную войну с международным терроризмом.

В ходе встречи раввинов Певзнера и Берковича с Барбарой Буш мать нынешнего президента США интересовалась развитием еврейской жизни как в России в целом, так и в Петербурге в частности. Госпожа Буш отметила, что президент и его супруга не раз тепло вспоминали свой визит в «Северную столицу» России два года назад, когда Джордж Буш посетил городскую хоральную синагогу и имел беседу с раввином Менахемом-Мендлом Певзнером и главным раввином России Берлом Лазаром. ***אאא***

ΔΑΔΔΕΙ Α ΑΙ ΝΟΒΟ Ο ΑΔΩΕΑΙ ΕΝΕΙ Ι Α

Главный раввин Костромы Нисон Руппо и председатель еврейской общины города Михаил Гейдман этой осенью были приглашены в резиденцию архиепископа Костромского и Галичского Александра в день празднования его имени и 20-летия служения в сане.

Работники епархии постарались обеспечить лидеров еврейской общины кошерным угощением, а соответственно и одноразовой посудой.

С приветственным словом к виновнику торжества обратился раввин Нисон Руппо. В ответном слове отец Александр заявил, что относится к раввину Костромы с глубоким уважением. На праздновании выступил также губернатор Костромской области Виктор Шершунув.

В подарок архиепископу раввин Руппо преподнес новый еврейский календарь. После окончания трапезы один из священников подошел к раввину и сказал:

– Ребе! Вы произнесли самые лучшие слова. Вы должны прийти и научить нас.

Υ. Οέσι αι

ΑΙ ΟΕΝΑΙ ΕΟΥ Ι ΑΔΕΑΡΟ, ΕΙΤΑΑΑ ΑΕΑΝΟΕ Ι Ι Ε Χ Α Ο

Ιταεαι ιηαια οοδι αοια οααιοια αηοαοεε υοεει ε ιεαεοαι ε η εστααεαιεαι η αδοε - αααια ιαα ηεδαυαιιυι ε εηουι ε, «οεδαοαιιια» εοαεεεει ε ηει ατεαι ε ε ιηαιεηη: «Αααε, αεαεοα ια οηαι ο!». Ιεαεου υοε αυεε ιαεεαι υ ιηαοοο ια ηοηεααο ια αηηοα ιεηει ααοο ι αοοια

Но тем не менее горожане все равно срывали их там, где могли дотянуться.

– Надпись, подобная этой, была сделана антисемитами на стенах Таганрогского еврейского общинного дома в октябре прошлого года и в марте нынешнего, – рассказывает председатель общины этого города Танха Отерштейн. – Неоднократно хулиганы били стекла в еврейских организациях нашего города, оставляли антисемитские надписи на дверях и стенах. А недавно у входа в общинный дом меня остановил незнакомый молодой человек спортивного вида. Он сказал, что мы, евреи, – нелюди, нас надо уничтожать и что он понял это, прочитав книгу Гитлера «Майн кампф».

...В последнее время в Таганроге заметна активизация неонацистов. За все предыдущее десятилетие существования в этом городе еврейской общины насчитывалось не более десятка антисемитских вылазок. Но с начала этого года только Таганрогский еврейский общинный дом подвергается нападению вандалов уже в четвертый раз.

Наци, не встречая должного отпора, наглеют. Первого сентября очередная выходка антисемитов произошла среди бела дня: группа парней сломала навес над входом в тот же общинный дом и намалевала на двери свастику.

Показательно, что до сих пор «по факту разжигания национальной розни» в Таганроге не было возбуждено ни одного уголовного дела.

Антисемитизм никогда не был свойствен жителям этого города: ведь в Таганроге издавна мирно проживают представители более ста национальностей. После немецко-фашистской оккупации в 1942 году к евреям здесь установилось особое, бережное отношение. И это вполне понятно и объяснимо – ведь тогда гитлеровцы истребили практически всех, кто не успел эвакуироваться. Всего в Таганроге казнили 6,5 тысячи евреев: именно здесь фашисты впервые на юге России применили метод массового уничтожения.

По мнению многих представителей общины, антисемитизм «наплывает» в Таганрог из соседнего Новочеркасска, где неонацистская группировка имеет значительное влияние. И похоже, действительно так и есть: очередным подтверждением этого печального факта стали появившиеся в последнее время на таганрогских улицах плакаты, где указаны телефоны «Русского национального единства» с новочеркасским кодом.

Особую тревогу, по словам Танхи Отерштейна, вызывает то, что таганрогские подростки, поддавшись агрессивному воздействию неонацистов, вливаются в их ряды, а официальные власти к этому остаются равнодушными. Во всяком случае, никто даже и не пытается хоть что-то предпринять.

– В прошлом году, в 60-ю годовщину освобождения Таганрога от немецко-фашистских захватчиков, – продолжает Танха Отерштейн, – мы провели несколько акций, посвященных истории Холокоста и воспитанию толерантности. Мы предложили городской администрации бесплатно проводить в учебных заведениях уроки, посвященные этой теме, причем силами наших специалистов. Однако особого желания сотрудничать представители власти пока что не обнаружили.

Что ж, выходит, мало им исторических примеров подобного попустительства? Или они успели подзабыть, к чему это приводит – и уже привело в минувшем веке на той же таганрогской земле?

Н. Еврейская

ΓΩΒΑΓΑ «ΓΑ ΣΑΙ ΑΘΕΕΑ» ΓΑΓΓΑΘΕΝΟΓΑ

Ο: αὐτὸν ἀδικεῖτε οἰεῖν Ἀδύμνα, ἰδεῖν τὰ σαύου, ἰατὰδκεεε, οἱ αἱ ἀπὸ ἰπὶ αὐτῶν ἰατὰτ ὑοαα δααδου πῶαεα (εἶνι ἡσεαίεεε ἀααα τὰ ἰπὸαεεῖνι πῶνιου, εαεφ ἰδῶι εαδερ ἰε ἰδῶιπῶαεῦρο: ἰα πῶαί α οἰεῖν αὐε ἰαὶ ἀεααί «εἰετῶαο».

Это разновидность фашистской свастики, символ неонацистской группировки РНЕ – «Русское национальное единство».

Руководство школы обратилось в милицию. Однако стражи порядка ограничились лишь формальным составлением протокола, поскольку школьные сторожа, работающие от муниципалитета, заявили, что они, дескать, «ничего не видели».

Еврейская школа Брянска открылась в новом здании Бежецкой средней школы № 52 лишь в начале нынешнего учебного года. Тем не менее некие распоясавшиеся молодчики уже успели это по– своему отметить: они не раз кидали в школьное здание камнями.

Раввин Брянска Ицхок Ройтман, приложивший немало усилий для того, чтобы создать еврейскую среднюю школу в этом городе, признался, что был неприятно поражен поведением некоторых жителей микрорайона.

– Они смотрят на нас как в зоопарке: показывают пальцами и кричат: «Евреи, евреи!»

Руководство общины недавно приняло вынужденное решение: самостоятельно нанять сторожей для более надежной охраны школы от выходов бесчинствующих неонацистов.

ААІ

נַאִי עִי אֲדִי דְאִנְאִי אֲוֹאֶעֶאָ עִי אֲוֶי פֶּאָ דִּי נֶעֶע

נַאִי עִי אֲדִי דְאִנְאִי אֲוֹאֶעֶאָ עִי אֲוֶי פֶּאָ דִּי נֶעֶע, דְאִנְאִי אֲוֹאֶעֶאָ עִי אֲוֶי פֶּאָ דִּי נֶעֶע, דְאִנְאִי אֲוֹאֶעֶאָ עִי אֲוֶי פֶּאָ דִּי נֶעֶע

В работе семинара приняли участие представители этого города, а также посланцы из Таганрога, Краснодара, Новороссийска, Анапы, Горячего Ключа, Майкопа, Владикавказа, Кисловодска, Ставрополя и Нальчика.

Первая часть программы была посвящена праздникам тишрея и подготовке к Рош а-Шона. Представители ростовской еврейской религиозной общины вместе со всеми участниками семинара провели в компьютерном классе, недавно открытом при городской синагоге, практическое занятие: «Работа в Интернете».

Вторая часть семинара была посвящена работе общин с ФЕОР. Собравшиеся подробно обсудили присланные на семинар Федерацией конкретные замечания к работе каждой общины.

Говорили на семинаре и о региональных проблемах. При содействии координатора еврейских общин южного региона России Юрия Рубинова вопросы,

требующие вмешательства ФЕОР, были оперативно обсуждены с ее руководством по телефону.

Семинар завершился встречей председателей общин с главами ростовских еврейских организаций.

Ń. Ęääĩæĩēāŷ

ĐÀÁÁÈÍ ØÒÁÈÍ ÇÀËÛÖ Â ÑÒĐÁÍ ÀÕ ÁÁËÒÈÈ

Á Øääēēĩá áĩēāá òđāĩĩ ò ĩĩēāĩōāā ēç ñòđāĩ Áääòēē ĩđēĩŷēē ó:āĩòēā á đāāĩ òá ĩĩē ēĩāđā, ĩđāāĩēçĩāāĩĩĩā đāāēēĩĩĩ Áääēĩĩĩ Øòáēĩçāēũāĩ.

Это имя хорошо известно далеко за пределами СНГ и Балтии. Раввин Штейнзальц – признанный специалист в области еврейского образования и права, почетный доктор нескольких университетов Израиля и США. На его лекциях в Таллине евреи почувствовали особенную, неповторимую атмосферу духовности.

Семинар открылся лекцией «Что такое Шабос?» А потом участники семинара отправились к морю, для того чтобы окунуться в его воды как в ритуальный бассейн – микву. Женщины под руководством ребецн Крынской из Вильнюса зажгли свечи.

Большим успехом на этом семинаре также пользовались лекции раввина Ишай Гиссера, сумевшего всем передать ощущение особой святости элула и приближающихся осенних праздников.

В программе семинара были еще запланированы спортивные занятия, в том числе плавание в бассейне и аэробика, однако многие решили от них отказаться, чтобы не пропустить лекций известных раввинов.

На прощальном банкете раввин Таллина Шмуэл Кот объявил собравшимся об открытии в Эстонии в ближайшем будущем «Центра по изучению иудаизма» под патронажем раввина Штейнзальца.

Посчастливилось и евреям Риги: в школе Хабада прошли две встречи с раввином Штейнзальцем, выступавшим на тему «Тора и наука». Естественно, что лекции знаменитого знатока Танаха для детей и для педагогов неизменно вызвали огромный интерес всех собравшихся.

В ходе поездки по странам Балтии в гостинице «Рига» раввин Адин Штайнзальц встретился и с еврейской общественностью латвийской столицы. Его лекция на тему «Иудаизм и вызов современности» завершилась ответами на вопросы собравшихся.

אאא

אִי־עֵאִי־אֶבְרָאָה: יְאֻעִיָּא יְאֻעִיָּא יְדַאָּרְיֵעַ עֵעֵא

באעעאָרְיֵעַ יְאֻעִיָּא אַבְרָאָה אִי־עֵאִי־אֶבְרָאָה, יְאֻעִיָּא עֵעֵא יְדַאָּרְיֵעַ «יְדַאָּרְיֵעַ» אִי־עֵאִי־אֶבְרָאָה יְדַאָּרְיֵעַ אִי־עֵאִי־אֶבְרָאָה אִי־עֵאִי־אֶבְרָאָה אִי־עֵאִי־אֶבְרָאָה

На набережной Волги неподалеку от центрального фонтана была размещена красочная экспозиция. Тематические стенды ее рассказали горожанам о деятельности еврейской общины, напомнили об истории волгоградской синагоги, сообщили о ныне действующих программах общинного центра, а так же о еврейской школе и детсаде «Ган Геула».

Информацию о насыщенной жизни евреев города дополнила фотовыставка. На столиках были разложены традиционные атрибуты еврейского образа жизни – тфилин, кипа, копилки для сбора пожертвований – цдоки, календари.

Еврейская пресса на праздновании Дня города была представлена газетой «Шофар Поволжья», а также издающимися в Москве журналом «Лехаим», газетами «Еврейское слово» и «Вестник ЕАР».

Особый интерес вызвал дипломный проект студента Волгоградской архитектурно-строительной академии В. Никитина «Волгоградский еврейский общинный центр». Комплекс красивых современных зданий – синагоги, благотворительного центра, концертного зала – впечатлял даже в макете.

Учащиеся школы «Ор Авнер» выступили перед горожанами, праздновавшими День города, с еврейскими песнями и танцами.

B. Eitôôá

ÒÀÃÃÍ ÐÎÃ: ÂÑÃÕ ÁÂÐÃÈ ÓÃÎÑÒÈÈÈ

Á íðáçáíááíèè Áíÿ ðððáà Óáááððáà ó-áñðáíáèè äáéíðáððáÿ á íáí Ááááéáÿ ðáèèèçáçáÿ íáúèíà

В самом центре Таганрога, на Пушкинской площади, в тот день искрилась весельем и звучала зажигательными мелодиями «еврейская площадка», где демонстрировались национальные танцы и песни. Гостей и земляков-таганрогцев здесь же угощали традиционными яблоками с медом: пусть сладким для всех станет наступающий год!

А перед началом культурной программы праздника в мэрии Таганрога состоялся прием для представителей общественности города. И здесь среди многих национальных общин была, естественно, представлена и еврейская: а как же без нас?!

Ñ. Èááíæíèáÿ

ÐÎÑÒÎÃ-ÃÀ-ÃÎÍÓ: ÁÂÐÃÈÑÈÈÁ ÍÃÑÍÈ ÁÃÎÑÎÈÒÀÈÁ

×éáíú ááðéíèéèè ðáèèèçáçáÿ íáúèíú Ðíððáà-íà-Ãííó è ó-áúèáÿ çéíèú «Íð Ááíáð» ííáúáèè á ðíððáèèè áíáííí ãíèèðáèá

В госпитале они давали концерт еврейской песни. Этот концерт состоялся в ходе празднования Дня города, и свидетелями успеха самодеятельных еврейских артистов стали работники областной и городской администраций, а также представители национальных организаций города.

Еврейская община передала госпиталю в качестве гуманитарной помощи оргтехнику, а также завезла тонну арбузов – пусть поправляются все, кто там лечится!

– Главный городской праздник мы решили разделить с людьми, находящимися на лечении, – сказал в приветственном слове к пациентам и персоналу госпиталя глава еврейской общины Юрий Рубинов. – Здесь нет разделения по национальному признаку, и великое благо, что в Ростове мирно уживаются земляки-ростовчане, представители 110 национальностей.

Ñ. Èááíæíèáÿ

יִי אֱלֹהֵינוּ: יְאִי אֵיזְרוּ עֵי אֲדִי יִי יֵעָבְרֵי יְנוֹדוֹ עֵבֹרָה וְנֵי אֵי יֵאוּ

По инициативе раввина московской синагоги на Большой Бронной Ицхока Когана празднование окончания первой очереди реконструкции ее приурочили к дню рождения основателей Хасидизма.

В праздничном банкете приняли участие глава благотворительной организации «Колел Хабад» Шолом Духман, исполнительный директор Федерации еврейских общин СНГ Авраам Беркович, многие меценаты и другие почетные гости.

После банкета выступил мужской хор «Хасидская капелла».

Раввин Ицхок Коган в своей речи поблагодарил всех внесших пожертвования на реконструкцию синагоги.

Синагога построена в последней четверти XIX века известным российским финансистом и предпринимателем Лазарем Поляковым. В ее молельном зале был весьма предусмотрительно сооружен тайный подземный ход для спасения евреев в случае возможных погромов. В 1937 году раввин синагоги Мойше-Хаим Гуртенберг был расстрелян ГПУ, а сама синагога перестроена и передана ВЦСПС...

Решением правительства Москвы в 1991 году здание синагоги на Большой Бронной возвращено верующим.

Но ее трудная судьба на этом не кончилась. В 1993 году в комнату раввина была брошена зажигательная бомба. В 1998 году, когда в синагоге готовились к детскому празднику, в молельном зале сын раввина обнаружил среди книг заложенное некими негодяями взрывное устройство – и только чудо спасло здание от разрушения. Едва лишь бомбу успели вынести во двор, как прогремел сильный взрыв, от которого, к счастью, никто не пострадал. Следствие так и не выявило злоумышленников.

Сегодня синагога на Большой Бронной является одним из ключевых центров еврейской жизни Москвы. Под наблюдением главного раввина России Берла Лазара в синагоге работает магазин кошерного мяса, и сотни малообеспеченных пожилых евреев каждый месяц получают здесь гуманитарную помощь.

נ. עֵאֵר אֵיזְרוּ

דִּי אֵאֵר אֵיזְרוּ יְאִי אֵיזְרוּ

С недавних пор активисты Карачаево-Черкесской еврейской религиозной общины совершают поездки по республике.

Цель этих поездок – привлечь в ряды единоверцев как можно больше евреев. Более года группа энтузиастов действовала «под крышей» национально-культурного центра. И вот совсем недавно она получила официальную регистрацию в Федерации еврейских общин России.

Пока в общину входят всего 135 евреев. Однако предполагается, что их в Карачаево-Черкесской Республике проживает не менее полутысячи.

Недавно еврейская община заручилась поддержкой своей деятельности со стороны республиканской администрации и ряда сельских советов. Помогает еврейской общине также и благотворительный фонд президента республики.

י. דעם אי

Â NÔDAÍ AÕ NÍÂ NÔAËÎ ÂÎËÛØÁ ÐÀÂÂËÎ ÍÂ

Â Î ïñëáá ïðåñòóíëé è ðááíòá ðáááëí Èíñò-Ëõðíé Î áðçáëü áíçãááëáøëé õáíòð ïíããòíáëé ïíñëáíëéíâ Î æåáííáðíáííâ Èðáááë-íëíâ ãáæçáíëý á Ðíññé. Â ðáçíúò áãðëíëéõ ïðáííëçáðëýò Î ïñëáí ðááíòáðò áíçáá ïíçóñíòí è ïñí æé, ïðéáííáøëð èç-çá ðóñíçá

По данным фонда «Ор Авнер», на территории СНГ сегодня уже более 45 «раввинских» городов. В некоторые города раввины прибыли недавно. В числе таковых в города Белоруссии Могилев и Брест приехали работать раввины Менахем Альперович и Хаим Рабинович, в город Первомайск в России – раввин Леви Перельштейн, в Ужгород, что в Украине, – раввин Менахем Тайхман...

К армии посланников Любавичского Ребе в России присоединился раввин Ицхок Баркан с супругой Яффой. Они будут помогать главному раввину Екатеринбурга Зелигу Ашкенаси в организации образовательных программ.

Раввин Ицхок Баркан принадлежит к третьему поколению посланников Ребе. Его дед Натан Баркан до недавнего времени был раввином в Риге, а отец работал в Берлине.

В Астрахань направлен раввин Шломо-Залман Гольдберг. Раввин Гольдберг окончил обучение в Московском центре подготовки посланников Любавичского движения. В Астрахани сегодня проживает около тысячи евреев, и теперь при участии раввина в этом городе вскоре откроется и еврейская школа, и еврейский детский сад.

Новый посланник приехал и в Москву. Раввин Йоэл Гинштат с супругой будут работать в пансионате для ребят из малообеспеченных семей «Дети будущего».

AAI

ÈNÒÍ ÐË×ÂÑËËË ÍÂËËË ÂÎÑÑÒÂÍ ÍÂÒ

Âíñãáðòááííúé áíçãááááëéé ïæåñòúíé ïáó-íí-íðíçáíáñðááííúé õáíòð ïí ïððáíá ïáíýòíëéíâ èíòíðéé è èóëíòóðú ðáññíòðáé áííðíñ ï ïðåñíáíëéé ïëíããáñ èéáíñëðéçááøëé «íáí ýòíëéá áððéòáëéòóðú».

А недавно соответствующий официальный документ о положительном решении этого вопроса торжественно передан руководителям ВЕОЦ – волгоградского еврейского общинного центра.

Теперь еврейская религиозная община города совместно с ВЕОЦ сможет вплотную заняться возрождением исторического облика синагоги. Завершается предпроектная подготовка к восстановительным работам: изучены сохранившиеся фрагменты лепнины и других украшений, проведены обмеры здания, обследован его фундамент.

Проблема в том, что здание сильно пострадало во время Великой Отечественной войны, а восстанавливали его наспех, да притом без учета первоначального плана архитекторов.

Возвращение синагоге ее исторического облика будет вестись на средства Федерации еврейских общин России, благотворительного фонда «Ор Авнер», а также на пожертвования волгоградских евреев.

Н. Евратевич

Ι Ο Α Ι Α Ϊ Ι Ϊ Ι Ϊ Ϊ Ο Α Α Α Δ Α Ο Ε Ε

В Дербенте недавно завершен ремонт крыши городской синагоги. Для местной общины это весьма значительное событие.

Прежде в этом дагестанском городе жили 37 тысяч евреев, а ныне осталось всего лишь около 2,5 тысячи, причем большинство из них пенсионеры.

Поэтому без финансовой помощи Федерации еврейских общин России начать давно назревший ремонт синагоги общине было просто не по силам. Местные евреи свою лепту внесли, однако пожертвования эти оказались небольшими.

Председатель дербентской общины Давид Давыдов сообщил, что на ремонт крыши храмового здания было потрачено шесть тысяч долларов. Покрытие состоит из различных стройматериалов: металло-черепицы, оцинкованного железа и шифера.

Теперь идет подготовка к косметическому ремонту помещений храмового здания.

По предварительным подсчетам правления общины, полное восстановление здания синагоги обойдется не менее чем в 30 тысяч долларов.

ΑΑΙ

Α Δ Ι Ϊ Ε Ϊ Ε Α Α Θ Ε Σ Ε Ε Ο Α Β

Α ιαδικοποφ διαεπεισοφ ιαυειο «Οδισα» πδταα Αεδταεεαια ιδεαυε Ιαταυ:Ιυε αλλ εσ Εεδαυ.

Это – Арон Койдеш — хранилище для свитка Торы. Вес выполненного из цветного мрамора Арон Койдеша составляет около тонны. Он изготовлен по заказу

общины на одном из камнерезных предприятий в городе Харбине и будет установлен в строящейся синагоге. К ее открытию главный раввин Биробиджана Мордехай Шейнер доставит свиток Торы из Израиля.

А. Айдаита

ÄÏËÄËË ÄÄË ÑËÏÄÄÏÄË

Öðë äãä íàçää äëääëääëäçëëä ääðäë äíäëëëíí äíçäðäòä ñëíäãäë äðíäíëéé ääëëëíçíé íáíëíá ä ääçäíçí äçäíð çäííðí: í ð çäíäí ää

Вернуть здание было непросто: пришлось обращаться в самые различные инстанции – вплоть до президента Республики Северная Осетия.

Общинный дом, в котором располагалась синагога, был построен на средства евреев в самом начале XX века. Но в 1930 году власти синагогу закрыли, а здание экспроприировали. После того как его вернули, капитальный ремонт обветшавшего общинного дома был просто необходим. И отрадно отметить, что в восстановлении синагоги принимала участие вся община – более четырехсот человек.

Н. Еääíäëíäç

ÏÄÏÏÄÏ ÄËÄËÄÏËË ÌÄÄÏÑÒÄÒÏ ×ÏÏ

На государственной телерадиокомпании «Янтарь» недавно была снята очередная передача из цикла «Ваше мнение». Главной ее темой стала волнующая многих проблема межнациональных и межэтнических отношений в Калининградской области.

Участвовать в передаче был приглашен главный раввин Калининграда Давид Шведик. В дискуссии под оком телекамер также принимали участие руководитель отдела по связям с национальными и общественными организациями при администрации Калининградской области Анатолий Степанович Куксин, депутат областной думы Соломон Израилевич Гинзбург, глава украинской автономии, руководитель «Немецко-русского дома», заместитель атамана балтийских казаков и другие лидеры национальных общин.

В начале передачи А. Куксин рассказал о том, каким образом администрация области заботится о национальных общинах и какое внимание руководимый им отдел уделяет развитию этнических общин области.

Потом слово взял раввин Давид Шведик и попросил представителя власти назвать конкретные дела администрации. Это предложение, однако, привело г-на Куксина в такое замешательство, что он так и не смог дать вразумительного ответа.

В самом деле, ну что конкретно этот чиновник мог ответить раввину, что он мог рассказать телезрителям о помощи администрации области национальным организациям, когда ни у одной автономии, кроме «Немецко-русского дома», до сих пор нет даже своего помещения?! Вот и приходится тем из них, кто в состоянии, арендовать здание у частных лиц за огромные деньги.

Администрация области «не может найти» помещение, которое стало бы домом дружбы для представителей разных национальностей. А ведь у всех нас, проживающих в

Калининградской области, есть общие проблемы, которые могут и должны быть решены лишь сообща. По примеру некоторых областей России можно было бы проводить регулярные заседания «круглого стола» с участием руководителей национальных меньшинств области и представителей областной администрации, на которые выносились бы действительно самые актуальные, общественно значимые проблемы. Но – увы!

Тем не менее тот же г-н Куксин, выражая мнение администрации области, рассказывал телезрителям об идеальных отношениях между национальными общинами нашего региона. Он заявил о том, что на последнем европейском саммите было отмечено: межэтнические отношения в Калининградской области являются показательной моделью для Европы.

Конечно – и слава Б-гу! – действительно отношения между национальными общинами региона очень дружеские и теплые. Все общины принимают участие в праздниках других национальных объединений. А еврейский праздник Ханука стал поистине межэтническим фестивалем различных общин области.

Но есть и негативные факты антисемитизма и национализма. Как раз накануне съемок именно этой передачи многие представители администрации области и областной думы получили письма антисемитского содержания с угрозами физической расправы. Депутат областной думы Соломон Израилевич Гинзбург, получивший такое письмо, призвал к активным действиям против любых проявлений ксенофобии и фашизма. Он предложил конкретные меры по борьбе с антисемитизмом со стороны силовых структур, призвал средства массовой информации к освещению любых проявлений нетерпимости и национальной розни, к ведению просветительской работы со всеми слоями населения.

Лидеры национальных общин предложили создать Дом дружбы, где могли бы соседствовать как одна большая семья представители разных национальностей, проживающие в нашем регионе.

Это совместное предложение было всеми встречено продолжительными аплодисментами. Приятно, конечно, что действительно все руководители национальных автономий нашей области стремятся к межнациональному диалогу и взаимопомощи. Но вот только одного стремления с их стороны мало: необходимы ответные шаги со стороны властей. И притом шаги конкретные, что называется, «делом и по пунктам».

А именно: нужна незамедлительная помощь местных властей в предоставлении национальным объединениям необходимых и достойных помещений. Требуется обеспечить жесткое пресечение малейших проявлений ксенофобии и неотвратимое наказание виновных за подобные преступления. Ну и так далее – по всем тем «пунктам», болезненным и до сих пор нерешенным проблемам, которые были затронуты в той памятной теледискуссии.

É. Diçéià

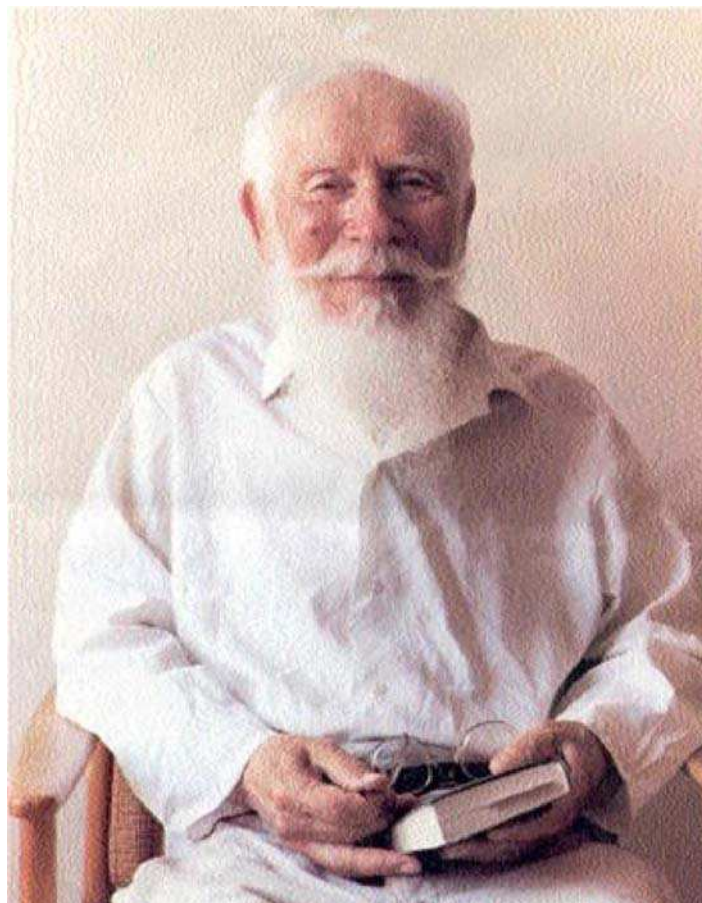
Áúñééó óðàì íà è éíéíí

- íéáíéé ì áíýíí, èàé áéááíéá -

ý á ñáðáá íáñé íáì óííééíí.

Áñññ Áàì áíáðíá, áéááññéíáé Ááñ Á-ññ íáñ, áóáñóá çáíðíáí. Í èææéóéé ìíééíí Ì áðéáí íá

Áñññá ááóé Ááééíá, Áááðééé Ááðáñéí íáí»

Àì óéáí Ááðáñéí íá

Вот такое письмо на днях оказалось в моем почтовом ящике... Письмо, семь лет назад отправленное из Израиля. Не знаю, кого ругать, кого благодарить, но, прочитав его, я пожалел об одном: оно не попало в мою «Книгу Спасителей», вышедшую в свет в 2000 году.

С Гавриилом Герасимовым, русским человеком, работавшим начальником столярного цеха Рижского театра русской драмы, мы знакомы давно. Лет двадцать назад он с семьей выехал в Израиль, где с семидесятих годов жил его отец Амфиан Герасимов. В 1993 году мы с женой гостили у Гавриила Герасимова, и тогда я узнал совершенно невероятную историю жизни его отца...

Передо мною – двухсотстраничная рукопись автобиографической книги. Оторваться от нее невозможно. И когда ты закрываешь последнюю страницу, рука невольно тянется к первой.

«Много познания – много скорби» – так названа рукопись. И эти слова из Екклесиаста – Коэлеса, напоминающие мудрое высказывание пророка, царя Шломо (1:18): «...добавляя знание, увеличиваешь скорбь», как нельзя лучше передают высокий и выстраданный опыт одной жизни. Жизни, знакомство с которой, на мой взгляд, необходимо людям, может быть, больше всего сегодня, когда мировой хаос стремится поглотить тающие острова духовности.

Но предоставим слово автору этой рукописи.

«Моими предками были русские люди, бежавшие из России от преследования Алексея Михайловича Романова и патриарха Никона, которые задумали исправить церковные книги, писанные со времен крещения Руси Владимиром Великим.

Мои прадеды восстали против такой реформации, назвав себя древнеправославными... Впоследствии власти дали моим прадедам другое название – старообрядцы. В народе же их стали называть староверами. Мои прадеды, бежавшие из России, нашли приют в Литовском королевстве, а также в латышской Курляндии... Прадеды были людьми благочестивыми и трезвыми. Дед по матери был зажиточным крестьянином в Литве, а дед по отцу переехал в Митаву Курляндской губернии, где занялся огородничеством, в котором преуспел, и построил четыре дома.

Родился я 26 марта 1903 года по старому стилю. Имя мне дали – Амфиан, это имя греческого святого, которое по святцам совпало с моим восьмым днем рождения... Поскольку я родился очень слабым ребенком, то крестили меня не на восьмой день, а через месяц в старообрядческой молельне в Риге. Отец мой числился мещанином города и платил подать. Одно время жили в Москве, затем в Ярославле...»

В Ярославле мальчика застала революция. Он далее вспоминает:

«Я оставил учебу в четвертом классе начальной школы и пошел работать на железную дорогу... Моим любимым предметом была история России. Теперь, когда случилась революция, ее история кончилась. Наступил хаос. Как я был удивлен и опечален, когда узнал, что в городе народ стал убивать городских, что не стало больше царя, рухнул порядок жизни... Образованных и богатых людей хватали и убивали, жгли их дома и усадьбы...

Пришла осень 1918 года, и вышел декрет о том, что все беженцы из Польши и Прибалтики, желающие вернуться на родину, могут зарегистрироваться для бесплатного выезда из РСФСР. Тогда мать предъявила документы с царским паспортом, и мы отправились в Ригу...

В конце 1921 года стараниями матери меня приняли на постоянную работу – рассыльным и помощником эконома при старообрядческой общине и богадельне. Здесь я работал до моего призыва на обязательную военную службу – до 1924 года. Служил я полтора года в Двинске. В конце 1925 года, придя со службы домой, я нашел, что мое место в канцелярии общины занято. В Латвии все еще продолжалась безработица... Я подал прошение, и был принят на работу почтальоном на главную почту, так как не имел

никакой специальности. Какое-то время поработал по удлинению трамвайной колеи в Риге.

А самый счастливый день выпал у меня на 25 декабря 1925 года, когда я купил первую Библию, и тут же начал ее читать. Стал посещать собрания не только евангельских христиан, но баптистов и методистов, а также адвентистов седьмого дня, называемых “субботниками”. Посещал и православную церковь, и католический костел.

Мать моя тяжело заболела... Наша совместная жизнь осложнилась, я не мог уделять ей достаточного внимания из-за занятости на работе... Я решил жениться. Остановился на девушке, которая была старше меня на пять с половиной лет. Но я с этим не считался – мне нужны были тихий нрав, добрый характер, единокорные в вере и хорошая хозяйка. Моя избранница была тоже искательница истины, не примкнувшая ни к какой общине, но вышедшая из католицизма.

Я сделал ей предложение и честно сказал, что у меня есть мать, больная, и что я хочу жить семейной жизнью, хочу провести эту жизнь в полном согласии с Законом и Заповедями Б-жьими. Она дала свое согласие, и 9 октября 1931 года в отделе гражданских актов Риги был зарегистрирован брак. Без всякой свадьбы, без гостей и угощения. Придя ко мне домой, мы встали на колени и попросили у Отца Небесного благословения на всю нашу будущую жизнь.

Вскоре я нашел комнату с кухней на Заячьем острове, по ул. Набережной, 22. Здесь был рыбацкий поселок с двумя небольшими лесопильными фабриками. На Заячьем острове или, как мы его называли, на Зайчике, родились все шестеро детей: Михаил в 1932-м, Гавриил в 1933-м, дочери Лоида в 1935-м, Лия в 1938-м, Ева в 1939-м и сын Даниил в 1941 году. Всем нам пришлось тесниться в одной 18-метровой комнате. Только в 1940 году мы переехали в другую, просторную квартиру.

Я успевал и работать, и детьми заниматься, и помогать жене по хозяйству, и заготовить дрова на зиму, и вскопать свой огородик в 400 кв. м. Трудно было, но на душе и в семье царил мир, дружба и взаимопонимание. В этом была воля и помощь Всевышнего.

В 1936 году я познакомился с одной старушкой, интеллигентной латышкой, воспитанницей царской гимназии. Она хорошо говорила по-русски. Фамилия ей была Калныньш. Жила она со своей семьей в Задвинье, в собственном доме. Была она тоже из верующих одиночек, но ее муж и дети, уже взрослые, даже иронизировали над ее проеврейским мировоззрением, которое она совмещала с учением Иисуса Христа. Целый год с женой и детьми я ездил к тете Калныньш. Беседы с этой умной образованной женщиной направили мое мышление по новому руслу. Я понял, что руководством Б-жьем я приведен к тому, чтобы стать пришельцем к Израилю и привиться к его святому остатку.

У тети Калныньш была большая библиотека из книг проеврейского содержания, были там и азбука на иврите, словари, Библия на русском и иврите, другие книги духовного содержания. Тетя Калныньш стала учить меня еврейской азбуке и убеждала в скором исполнении пророчеств, предсказывающих возвращение еврейского народа из рассеянья в свою Обетованную землю. Когда это случится, Б-г заключит с Израилем Новый завет, так как Старый оказался этим народом нарушенным... Через год после нашего знакомства тетя Калныньш умерла и завещала мне все еврейские книги. Зерна, посеянные в моей душе этой мудрой и доброй женщиной, дали всходы. И я стал искать среди моих знакомых людей, которые исповедуют Закон Б-жий на языке

оригинала, называемый Торой. Я твердо решил овладеть языком, чтобы прочесть эту книгу в оригинале.

Пришел 1939 год. Немцы Риги отозвались на призыв Гитлера и уезжали в Германию... Наступило лето 1940 года, и в Латвию хлынули советские войска. Летом 1941 года в Риге начался хаос. Немцы стали бомбить Ригу с воздуха, а советские войска – отступать. Я увидел на улицах танки с черными крестами. В Риге начались аресты, убийства ни в чем неповинных людей.

Я в политику не вмешивался, а продолжал работать на почте – семью свою надо было кормить. Но с каждым днем все глубже меня уводила жадность к духовному учению, а единственной книгой моего духовного развития стала теперь Тора.

Во второй половине 1941 года в доме на Заячьем острове, где я жил со своей семьей, творилось что-то непонятное для нас. Хозяйки дома, старушки Бриль, не стало еще в 1940 году, когда ее как «буржуйку» советские власти угнали в Сибирь. Теперь, когда пришли немцы, они этой семье тоже не давали покоя. И только за то, что это была еврейская семья. Верхний этаж над моей квартирой заняли со своими семьями две дочери старушки Бриль. Моя жена и я с удивлением узнали, что немцы изгнали их из собственных домов, которые они занимали в центре Риги... Старшая дочь, Лиля, была замужем за Исааком Мизрахом, отец которого был главным акционером большого спиртоводочного завода. У Лили Мизрах было двое детей – дочери Виви и Эви. Вторая дочь, Дора, была замужем за двоюродным братом Бриль, у нее тоже были две дочери – Санна и Джеси. Имя мужа Доры не помню...

Пришло время – и немцы приказали всем евреям переселиться в гетто, что располагалось в трущобах Московского предместья Риги. Выезжая из квартиры, дочери Бриль оставили на хранение в моей семье несколько чемоданов. Но намного больше чемоданов они оставили старому фабричному дворнику Скрупскому, который жил тут же, в нашем дворе...

Между тем, район гетто был окружен высоким забором из колючей проволоки. Посещать узников стало невозможно. До этого мы с женой и сыном часто наведывались в район гетто, приносили сестрам их вещи, которые они обменивали на продукты. Теперь, согласуясь с договоренностью, мы стали ждать письменных вестей. Когда я получал такие вести, то мы с женой ходили в определенное место и там передавали очередной пакет из чемоданов. Делалось это так. После захода солнца мы ждали колонну евреев с желтыми звездами на груди, шедших с работы, сопровождаемых охраной. Мы с женой прятались в темноте, пока купленный нами конвоир уходил вперед, а из задних рядов нам узники давали знак рукой. Мы на короткое время смешивались с заключенными и передавали им вещи, еду, – словом, все, что удавалось достать в то страшное время. Так проходили месяцы.

Но однажды наступила трагическая ночь. Всех, кто работал вне гетто, ночевать домой не пустили. За пределами гетто оказались Исаак Мизрах, его жена Лиля, их дочери и муж Доры... Вскоре разнеслась страшная весть: Дора и ее дочери оказались среди тех десятков тысяч евреев, в основном женщин, детей, стариков, которые были в ночь на 30 ноября 1941 года зверски убиты в Румбуле...

Связь моей семьи с Исааком Мизрахом и его семьей не прерывалась. Мы стали встречаться в потайных местах. Когда кончились их вещи, я приносил от нас все, что могли мы с женой приобрести для спасения этих людей, обреченных на смерть расовой

ненавистью. Исаак Мизрах не раз жаловался мне, что дворник Скрупский не отзывается на приглашения и не приходит на встречу. Однажды и Исаак не пришел в указанное место. Вскоре мне дала знать о себе Лиля. Она сказала, что Исаака отправили в Даугавпилс, где он погиб. Отныне будет встречаться со мной только она. Она добавила, что старшая дочь Иветта вышла замуж за парня, которого зовут Гарри Нисс. Возможно, он явится ко мне в случае острой необходимости...

До изгнания фашистов оставалось три недели, когда ко мне в квартиру поздно вечером постучался какой-то молодой человек, весь в саже, с черным лицом трубочиста. Он сказал, что его зовут Гарри Нисс и что его жену вместе с матерью и сестрой отправили в Германию. Ему удалось бежать. Спрятаться ему негде. Я оставил его у себя. Прятал в темном коридоре за сложенными дровами или под кроватью. Не один раз мы были на волоске от смерти...

С тех пор прошло много лет. Я оказался в Израиле, в стране, о которой так много думал, читая Библию. Как я попал в Израиль? В послевоенные годы я продолжал работать на рижском Главпочтамте, доработал здесь до пенсии. И вот в 1948 году, читая газеты, я узнал, что на земле образовалось новое государство – Израиль. Передо мною вновь предстали все те пророчества, которые я изучал в 1936 году, посещая старушку Калныньш. Я увидел, что мечта тысячелетий начинает превращаться в действительность...»

«Тяжелое время переживал я, – признается в завершающей части своих воспоминаний Амфиан Герасимов. – Люди, с которыми я вместе искал истину, отвернулись от меня. Даже моя собственная семья сочла меня бесчувственным человеком... В этот тяжелый период я вступил на путь, который вел меня в Израиль».

Незыблемостью и первородностью Б-жественного начала привлекла и увлекла русского человека Амфиана Герасимова главная книга евреев – Тора. И – как натура исключительно цельная и честная, этот человек до конца дней своих остался верен избранному пути, явив пример несокрушимой веры. Веры, которую он, по сути, никогда не менял, а лишь искал, пройдя тернистый путь сомнений, поисков и находок. Путь, увы, доступный не каждому из нас. Он пишет:

«С большим трудом освоив азбуку иврита, я подошел к чтению текстов Торы, стал сравнивать оригинал с переводом. Я стал посещать синагогу, беседовать с верующими евреями. Многие из них разочаровали меня: они плохо знали историю своего народа, на многие их вопросы приходилось отвечать мне...

Я никогда не делил людей по национальному признаку, я всех людей принимаю как детей Б-жых, призванных жить в добре и согласии. Но истина, которая увлекала меня, диктовала мне изучение Книги, подаренной Моисею самим Творцом. Для меня не существовало иной истины, кроме этой, написанной на небесах. И еще я уяснил, что неисполнение заповедей, заложенных в Торе, вызывает гнев Б-жий против народа Израилева...

Я решил стать частью этого народа, дабы помочь ему осознать себя как носителя Б-жественной веры¹¹».

«Обрезание, конечно, было для меня тяжелым вопросом, – пишет далее Амфиан Герасимов. – Я стал искать в Торе место, где должно быть указано, что эта заповедь отменяется, но найти, что именно Б-г отменил обрезание, я не мог... К этому

времени, т.е. к 1967 году, я прочитал 16 томов “Еврейской энциклопедии”. Я узнал, что главное содержание веры с древних времен состояло в верности этой заповеди.

Если заповедь об обрезании есть частица Торы, если эта заповедь исторически сохранилась, как драгоценность, если до третьего века нашей эры эту заповедь исполняли все христиане, если эта заповедь Б-гом никогда не была отменена, то эта заповедь является неотъемлемой частью всего Закона Б-жьего и всей истины Б-жьей, которую я взыскаю для своего духовного возрастания. На основании этого я согласился с принятием этой заповеди. Мне исполнилось в то время 65 лет. Приняв гиюр, я решил уехать в Иерусалим и поселиться там навсегда.

И вот 6 февраля 1974 года, после долгих мытарств в ОВИРе, я уезжал на Землю Обетованную.

...В первом письме из Риги, которое я получил в Иерусалиме от дочери моей Евы, говорилось:

“Папа, после того как твоего поезда не стало уже видно, люди долго стояли молча. Кто-то спросил:

– Все люди ехали в Москву с провожающими. А с кем поехал Герасимов?

И один еврей ему ответил:

– С ним Б-г”».

Среди многих тысяч деревьев, высаженных в честь Праведников Мира в Иерусалиме, растет вечнозеленое дерево Амфиана Герасимова. На еврейском кладбище Вечного города находится заботливо ухоженная могила этого человека, посвятившего жизнь служению Добру и Свету, который снизошел на него и указал дорогу к истине.

И в заключение – письмо Исаака Клеймана.

«᾿᾿-ó ðáííñáçáóũ í íááíðáγ᾿, ñáíñéð ááðááá íð íáðéíðíá Ἐ ñáæáí èρ, ï ííáá èç γ᾿òèð áéááðíáí úð èρáíñé óεáá úí áðéè. Ἀ íðíσεíí ñáó úí áðéá Ἀááíéγ Ἰ εðáéíáíá Ἀííá æéðáéííí εðá Ἐá, ñáíñéγ íð ááðííé ñ áððé í áíγ, ðíáá 19-εáðíáá ðííóó è áíá íáííá ï áéí-ééá - Ἐíñéðá Ἀáðáí ñíá ×óíáú íáñ ñáíñé, γ᾿ðá æáí úεíá ðεíñéáéá ñíáé æεçííρ á óá-áíéá ííéíúð ððáð éáð. ᾿᾿í áðéè ðáéáá áá ñíððá Ἀέáðáðéíá Ἰ εðáéíáíá Ἀííá è εð ñíááá Ἐðéíðéíá Ἀέέííá, ïíí íáááéá áé ñéðíááóú ááðáá è ðáéáá ðεíñéááéá ñíáéí è æεçííí è ðááé íáñ

Ἰ íá εçáíðíí íéíéí ááíγðé èí áí èé-íí çíáéíí úð ðáéèð ñáíñéðáéé, íí á æéáíð á íáíñéγ úáá áðáí γ εçííéð ðíéúéí ááá ñíððá, í éíðíðúð íéσóí íáðíáí áá

Ἰ á εíðíðéè ï íáá ñáíñéγ γ áíáíéúí ííáðíáí íáíéíáé ñíííáé Ἀáððúáá ᾿᾿íáéááð, íðíðáíñéð éíðíðéè (468 Ἐáðáéáð ðíóá, ᾿᾿áððéíáðíí íáðé, Ἰ úρ Ἀæáðíé 07640, Ἰ᾿᾿᾿). Ἀíííáéá ᾿᾿íáéááð áúéá á Ἐáðáéè è íáí áðáíá εçáíðúí γðé ñíííí éíáíéγ á óíðí á éíéá.

Ἀáá ííáééúá æáí úεíú, í éíðíðúð ᾿᾿-ó ñíáíúεðú γðí Ἰ áðáðéðá è Ἀέáéíáí áðá Ἐéááéñ íðíáéááρúéá á Ἐáí íá óé. Ἀððééáðéγñ 17. Ἀí áðáí γ áíéíú ííé ñéðíááéè ᾿᾿ðéáð Ἰ εðáéííí, óðíáéáí íðρ ᾿᾿ðéá, éíðíðáγ -óáíí óáéááá áí áðáí γ ï áíñáíáá ðáíñððéá, - áúéáðáéáéáííí èç ððáí óáé è íí-úρ óεáá á éáí çááíí áá íðéíγéè éáðúσé (ééè íáíðíúá íáí úú), éíðíðúá áúéè ááððúéá áááíðéíðú ñíááí íáñ áíγ. Ἐ ííé íðíðááéè áá è ñíððáí Ἐéááéñ éíðíðúá ðíáéá ááððúéá ðíé óáðéáé.

Á òíé æá éááðòèðá, ááá ííé æéáðò ííé:áñ ííé ííéðíááèè Òðéáó áí áíý ííáíáíæááí èý Òðéá - áí 13 íéòýáðý 1944 áíáá Áíííéááíðáèè Òðéáá áúéèá çáí óæ çá èíæáíáðá Í èðáéúííá, òíæá íí áíñóááííý èç Òðéáéíéíáí ááòòí, ðíáéèá áááò íííííáé. Í ííéá íí áðòè í óæá ííé ýí èáðèðíááèè á Èçðáéèú, ááá Òðéáá òí áðéá í ðéí áðíí á 1985 èèè 1986 áíáá Ñúííáéé áá çááèè Ááíý è Èáéý, íáéí èç íéð èáé áááòí ííòáé í ðíóáííðíí. Ó í áíý òðáíéòíý íéííí í, á èíòíðíí íáíðòú áíá ýòí ííáðíáíí ííéíáéè, íá èáòúéíéíí ýçíéá Ñíáíáí íáý Òðéáá ðíáééáííá 1906 áíáá

Í ííéááí éá í ýòú èáò, íí òáá ííð èáé á Òðéá áíçíéèèè ááðáéíéèá íðáí èçáòèè, ý íáéáéè áíá ííðíáé, í ðííý, ÷òíáú ýðèí æáíúéíáí áúéí íéáçáíí ðíòúííéíáí í ðéçíáòáéúí ííðè íò èí áíé ááðáéíðáá, íí íé:áá íá áíáéèíý. Óíðíóí, áíéè Áú ÷òí-íéáúú óííááò á ííáéáòú, ííéá ýðè ááá æáíúéíú áúá æéáí. Í óæááðòíý èè ííé í áòáðéáéúíí? Í íé ííéó:áðò í æáíúéóð í áííéð íò áííááðíðáá è æéááò òáé, èáé áíá áíéúú úáé íáéí íééá èðáé á íáóáé íððáíá

Áíéè ó Ááñ áááò èí í íá áííðíí, ííæáéóéíðá, íéøèòáíí ááðáíí

Èáò áéý, Áíááéá, Èííáé Èéáéí áí.

Áá áéááííéíáéò Á-á Ááñ, Èáí í éá Èíáéú, è Ááø òðú!

1997 áíá.

III Ñóúáíðááò òáéíá íííýðéá - æéð - íáðáíá á ááðáéíðáí. Ááð - í ááðáé, í ðéíýáøéé èóááéçí íí íáíðááí ííé áíéá è áúáíðá Ñíáéáíí í çáéíí ó ááðá çáðáí áá í ðááòí ðææááðò í òýæáíðè í ðéí èí ááí íáí íá íááý áðáí áí è ðáééáéíçí úó í ðááí éíáíéé. Í ííéá íáéáéíáí èðóáá éíí úòáí éé è ó:ááú ááð í ðíóíáéò íáðýá íáðáçáí èý. - Í ðéí. ááò íðá í óáéééáòèè

«ДЕЛО МИХОЭЛСА»: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Ἀεὶπεὶ οὐδὲ δὴ ἢ Αἰδῶμι Ἴ ἀάααααῖι.

Ἐ ἰὰ οὐεῖεῖ ἢ ἰεῖ

Ἀἰ ἰ ἀάεε Ἐῖπὸ ὕδ-αἰ εῖ

Ἴεῖ ἰ-αἰεᾶ Ἴ ἀ-αεῖ ᾶ¹ 10

Ἰὸδὰ Ἰὸε Ἰ Ἰ Ἐδῦῖ Ἰεῖ Ἐ ὀὸ Ἰ Ἰεῖ

Пожалуй, больше всего в прошлом советского еврейства воображение всех конспирологов – от либералов до шовинистов – будоражит история, связанная с Крымом, которую одни из них с порога объявляют безусловной провокацией МГБ, а другие – наглядным свидетельством козней зловредных евреев. Даже рассудительный, осторожный в оценках Медведев, изучая историю подготовки передачи Михоэлсом и другими руководителями ЕАК записки советскому руководству о создании на территории Крыма так называемой Еврейской советской социалистической республики (февраль 1944 г.), не в силах удержаться от формулировок типа «антиеврейский заговор спецслужб»¹. Думается, они во многом навеяны книгами Судоплатова и Борщаговского.

В документальную повесть «Обвиняется кровь», принадлежащую перу последнего, включены целых три взаимоисключающие версии. «Крымский проект» – это, с одной стороны, изначальная провокация «выслуживавшихся» перед диктатором органов госбезопасности; с другой – единоличная провокация Сталина против всего еврейского народа; с третьей – спекулятивная интрига Сталина или Маленкова с Берией и Ждановым против Молотова².

Однако если Борщаговский иногда грешит против истины вследствие свойственной ему пристрастности и рожденного излишним обилием эмоций некоторого сумбура мыслей, то Судоплатов, что называется, сознательно отступает от исторической правды, рассматривая прошлое сквозь обусловленную коммерческим расчетом призму политического детектива. В результате под пером бывшего супершпиона родился миф, не поддержанный, кстати, ни Борщаговским, ни Медведевым, ни тем же Кожиновым. Миф о том, что убийство Михоэlsa напрямую сопряжено с «крымской историей». Однако «крымское письмо» уже потому не могло быть причиной смерти Михоэlsa, что, созданное в феврале 1944 года и тогда же отправленное в архив, оно вновь всплыло на поверхности только 26 марта 1948 года, то есть спустя несколько месяцев после убийства актера. В датированной этим числом записке, составленной, кстати, уже известным нам Шубняковым и направленной Абакумовым Сталину, Молотову, Жданову и Кузнецову, «крымское письмо» впервые заочно инкриминировалось руководителям ЕАК и С.А. Лозовскому как доказательство их националистической и проамериканской деятельности. Правда, тогда знакомство Лубянки с этим письмом было, очевидно, еще заочным, о его содержании там пока что могли судить по описаниям секретных агентов и показаниям арестованного З.Г. Гринберга. И только когда в конце 1948 года ЕАК был распущен, а его архив – арестован, в распоряжении МГБ оказались сами тексты «крымского письма». 4 декабря Абакумов докладывал Сталину и другим членам политбюро: «Обнаружено

несколько проектов записок в адрес руководителей правительства... в которых “исторически” обосновывается необходимость создания [еврейской] республики»³.

Г.А. Судоплатов

Выходит, не «крымское письмо» стало причиной смерти Михоэлса и последующих антиеврейских репрессий. Скорее наоборот – тайная расправа, с которой начался запуск этих репрессий, превратила «крымское письмо» в руках властей в средство их оправдания, а также в один из главных инструментов начавшейся тогда же фальсификации будущего «дела ЕАК».

Интерпретируя «крымскую историю» в духе голливудского шпионского боевика, Судоплатов в главе с интригующим названием «Калифорния в Крыму» пишет, что, отправляясь в США, Михоэлс и Фефер получили на Лубянке секретное задание установить контакты с американскими сионистскими кругами, прозондировав их реакцию на якобы исходившую от советских верхов идею создания еврейской республики на «лакомом» полуострове. Под этот проект Сталин будто бы рассчитывал получить от США – ни много ни мало – 10 миллиардов долларов (цифра воистину фантастическая!), то есть почти столько же, сколько американцы выделили СССР за всю войну по ленд-лизу. А дальше – еще занятнее: утверждается, что руководители ЕАК, направившие 15 февраля 1944 года Сталину «крымское письмо», сделали это буквально на следующий день после получения их «куратором» Берией приказа о депортации крымских татар⁴. Но если разобраться, реально все обстояло совершенно по-другому: решение ГКО «О выселении всех татар с территории Крыма» принимается по проекту Берии только 11 мая 1944 года, на второй день после освобождения полуострова Красной Армией, а депортация проводится 18-19 мая (у Судоплатова: в марте – апреле (?!)⁵.

Конечно, после того как в конце 1943 года была осуществлена поголовная депортация калмыков, обвиненных в пособничестве врагу, в восточные районы, руководители ЕАК не могли не предполагать, что подобная участь может быть уготована и крымским татарам. Тем более, что соответствующее обсуждение в кремлевских верхах, возможно, началось за несколько месяцев до самой акции, и появившиеся в результате слухи могли так или иначе уже тогда достичь ушей Михоэлса и его единомышленников, имевших в этих сферах весьма надежные источники информации. Однако если даже предположить, что, спешно подготовив свое послание, руководители ЕАК хотели воспользоваться, так сказать, благоприятным моментом, то это отнюдь не означает, что таким образом они могли спровоцировать депортацию коренного населения с этого полуострова. Ибо татары, да и другое неславянское население Крыма, и без того были, если так можно выразиться, обречены на выселение. Этническая чистка в Крыму, который всегда рассматривался советским руководством как стратегический участок обороны страны, была по большому политическому счету уже предрешена, и Сталин только выжидал удобного момента и искал подходящий повод, чтобы привести в действие скорей всего давно задуманный радикальный план укрепления безопасности этого южного подбрюшья своей империи. И разумеется, он, сугубый прагматик, лишенный каких-либо сантиментов, никогда не собирался заполнять этнический вакуум, образовавшийся на полуострове после депортации, за счет евреев, как надеялись руководители ЕАК, мыслившие совершенно иначе: иллюзорно мечтавшие о Крыме как о некоем воздаянии за беспрецедентные страдания их соплеменников в годы войны. В кабинетах Кремля давно созревало другое решение, волею случая сформулированное еще в ноябре 1938 года одним из руководящих работников аппарата ЦК ВКП(б) после очередной инспекционной поездки в Крым. «Переселять же в Крым можно и нужно, – докладывал он тогда по начальству, выделяя главное – ...Помимо экономического значения этого переселения, оно имеет и оборонное значение. Если принять во внимание многонациональность населения Крыма и то, что в некоторых районах есть колхозы исключительно из иностранных подданных (греки), а также учесть, что националистические элементы (татары и др.) раньше очень ориентировались на своих единоверцев – турок (да, вероятно, и теперь не перестают питать некоторые надежды в особенности же в связи с изменением ориентации Турции), то со всей очевидностью станет ясной необходимость и полезность срочного переселения в Крым свежего колхозника из центральных областей СССР»⁶.

Именно так в конечном счете и произошло. В июне 1944 года вслед за татарами из Крыма были выселены греки, болгары, армяне и другие нацменьшинства, а вместо них, в соответствии с постановлениями советского правительства, с осени стали прибывать переселенцы из Украины, Брянской, Воронежской, Курской и Ростовской областей РСФСР.

Не менее сомнительно и придание Судоплатовым «крымской инициативе» статуса некоего крупного международного проекта, отмеченного участием самых влиятельных политических сил послевоенного мира и ставшего чуть ли не ключевым в послевоенных советско-американских политических отношениях.

Не утруждая себя какими-либо документальными доказательствами на сей счет, автор заявляет, будто перспектива заселения Крыма евреями обсуждалась Сталиным сначала, в июне 1944 года, с президентом американской торговой палаты Э. Джонстоном и послом США в СССР А. Гарриманом, а потом, «сразу же после войны», – с делегацией американских сенаторов. Однако после наступления холодной войны, как уверяет далее Судоплатов, «наши надежды на получение еврейских капиталов рухнули... и первой жертвой смены курса стал Михоэлс, находившийся в самом центре дискуссии по созданию еврейской республики в Крыму»⁷. Что касается упомянутых встреч, то они

действительно имели место. Однако документально зафиксированное содержание состоявшихся при этом бесед, разумеется, не имеет ничего общего с тем, что утверждается Судоплатовым. Скажем, из множества объективных свидетельств известно, что 26 июня 1944 года Сталин в обществе Молотова, Маленкова, Берии и Щербакова принимал в Кремле тех же Джонстона и Гарримана. Сохранилась и запись состоявшегося тогда разговора, которая была опубликована потом в официальном издании МИДа. Судя по этой записи, в течение почти трехчасового общения в центре обоюдного внимания были главным образом проблемы возрождения советской промышленности после войны и налаживания торговли между двумя государствами в мирное время. При этом Джонстон выказал заинтересованность в крупномасштабном приобретении в СССР различного сырья, а Сталин даже пообещал разместить в США миллиардные заказы. Обсуждались также шансы Ф. Рузвельта и его соперников на предстоявших президентских выборах и некоторые другие вопросы. Но в этой записи нет и намёка на то, о чем пишет Судоплатов (кстати, в этой встрече не участвовавший и не располагавший никакой информацией о ней): Джонстон якобы был принят Сталиным «для обсуждения проблем возрождения областей, бывших главными еврейскими поселениями в Белоруссии, и переселения евреев в Крым». О том же самом Сталин будто бы беседовал после войны и с американскими сенаторами, о чем Судоплатову стало известно, как он утверждает, из некоего сообщения, правда, им не уточняется, из какого именно. Между тем в официальной записи зафиксирована немаловажная реплика Джонстона о том, что тот считал себя специалистом по промышленности и профаном в сельском хозяйстве. Вот почему Джонстон после встречи со Сталиным направился из Москвы отнюдь не в освобожденный Красной Армией Крым, что было бы логично в свете утверждений Судоплатова, а предпринял поездку по промышленным предприятиям Урала⁸. И еще. По поводу самой официальной записи кремлевской беседы от 26 июня 1944 года может возникнуть резонное предположение: не изымались ли из нее в ходе подготовки публикации «неудобные» для советской власти сюжеты, среди которых, чем черт не шутит, мог быть и «крымский»? Конечно, в 1984 году, когда была осуществлена данная публикация и когда свирепствовала цензура, все было возможно. Однако не похоже, что подобное имело место в данном конкретном случае. Ведь все изъятия из оригинальных архивных документов, составивших основу сборника, в обязательном порядке обозначались публикаторами во главе с академиком Г.А. Арбатовым отточием, а таковой знак в напечатанном тексте интересующей нас беседы вообще отсутствует.

Итак, ни советскими, ни американскими документальными источниками, заслуживающими доверия, приведенные Судоплатовым «факты» по Крыму не подтверждаются. Тем не менее у него нашелся последователь, который поведанную бывшим супершпионом «крымскую историю» довел до абсурда. Речь идет о книге В.В. Левашова «Убийство Михоэlsa», выпущенной в свет издательством «Олимп» в 1998 году 11-тысячным тиражом и переизданной им в 2003-м еще в количестве 3000 экземпляров. При нынешней моде на всякого рода документальные сюжеты это сочинение, думается, отнюдь не случайно было широко разрекламировано; даже его жанровая характеристика, слово «роман», набрали не как обычно, на титуле, ниже заголовка, а упрятали в последний абзац напечатанной мелким шрифтом аннотации. Не исключено, что данный маневр был предпринят специально, дабы сбить с толку неискушенного читателя. Правда, в роман местами вкраплены реальные исторические материалы – фрагменты из стенограммы судебного процесса по «делу ЕАК», выдержки из тогдашних газетных публикаций и литературных произведений, отдельные решения высших органов власти. К финальной главе даже подверстаны тексты нескольких рассекреченных и чрезвычайно важных документов из Центрального архива ФСБ РФ. Однако не эти элементы реального прошлого составляют основное содержание книги. В ней им отведена всего лишь иллюстративная функция, точнее – роль формального сертификата достоверности, внешней отделки некоей литературной конструкции, возведенной отнюдь не по канонам историзма, а по далекой от них произвольной концепции автора.

Пожалуй, единственная правда в сочинении Левашова – это мысль, что за убийством Михоэlsa и гонениями на евреев в СССР стоял Сталин. Все остальное – политико-шпионские страсти вокруг «крымского проекта», поданные в форме индивидуальных или совместных размышлений героев, а также тексты «сверхсекретных» документов. Они уж точно – или плоды фантазии самого Левашова, или заимствования у того же Судоплатова и подобных ему сочинителей, поставивших в свое время фабрикацию сенсационных «фактов» на поток.

Иначе как «развесистой клюквой» трудно назвать многочисленные «откровения» Левашова. Во время войны, к примеру, Сталин вдруг уразумел, что Еврейская автономная область на Дальнем Востоке самим фактом своего возникновения не решила «еврейский вопрос», и, в целях исправления ошибки, замыслил глобальную политическую игру под названием «Создание еврейской республики в Крыму». Этот лжепроект как своего рода «дохлую кошку» он намеревался подбросить союзникам. Для того, оказывается, и был в 1943 году командирован в США лидер советской еврейской общественности Соломон Михоэls, которого Молотов по наущению Сталина предварительно проинструктировал, как преподнести там идею еврейского Крыма, выдав ее за собственную. Американские спецслужбы, однако, не дремали и очень быстро установили, что отцом «крымского проекта» является сам «дядюшка Джо». Быть может, поэтому, едва Михоэls и Фефер двинулись из гостеприимной Америки в обратный путь, тамошние промышленно-финансовые «воротилы» из числа евреев, съехавшись, решили под диктовку председательствовавшего на этом форуме Э. Джонстона выделить на обустройство Крыма около 10 млрд. долларов (имя и цифра уже знакомы нам по книге Судоплатова!). Об этом «историческом решении» Берия, а через него и Сталин узнали из «шифровки» агента Хейфеца-Брауна, получившего, в свою очередь, информацию от присутствовавшего на встрече еврейских толстосумов Америки помощника госсекретаря Соединенных Штатов Д. Карригана, завербованного на гомосексуальной почве советской

разведкой. Тем временем возвратившегося на родину Михоэлса, а также С.А. Лозовского Сталин чуть ли не силком заставляет через Молотова написать на его имя «крымское письмо». Сопrotивляющийся, но вынужденный в конце концов подчиниться Михоэлс все же морально не сломлен, его одолевают муки совести от сознания того, что он стал игрушкой в руках диктатора, чей «крымский проект» неминуемо должен ввергнуть еврейство в пучину новой катастрофы, а весь остальной мир – в кровавое безумие третьей мировой войны. Обуреваемый этими тревожными предчувствиями и к тому же будучи в душе приверженцем сионизма, Михоэлс решает раскрыть глаза американцам на коварные замыслы Сталина. Осуществить свой замысел он планирует в конце января 1948 года, когда по решению одуроченных советским лидером президента Г. Трумэна и госсекретаря Д. Маршалла в Москву должна была прибыть специальная делегация под руководством А. Гарримана, которому предстояло поставить свою подпись под окончательным советско-американским соглашением по Крыму. Узнав о «предательском» намерении «неблагодарного» Михоэлса, Сталин приказывает его ликвидировать; однако это тайное убийство парадоксальным образом перечеркивает зловещие планы диктатора. Озадаченный неожиданной и загадочной гибелью Михоэлса, президент Трумэн требует от Сталина дополнительной гарантии выполнения будущего «крымского договора» – полной демилитаризации полуострова, в том числе ликвидации баз Черноморского военного флота, грозя в противном случае отказаться от уже принятого решения включить СССР в «план Маршалла». Поняв, что его «крымская карта» бита и ему не удастся «кинуть» американцев на несколько миллиардов долларов, взбешенный Сталин решает отыграться на своих еврейских подданных, приказав Абакумову незамедлительно бросить членов ЕАК за решетку (на самом деле эти аресты состоялись год спустя, в конце 1948 – начале 1949 гг.) и приступить к подготовке судилища над ними.

Такова фабула разухабистого романа Левашова, которого формально, впрочем, нельзя обвинить в фальсификации истории. Ведь избранный им литературный жанр автоматически дает право на так называемый художественный вымысел. Однако неписанные правила хорошего литературного вкуса требуют от мастеров слова бережного отношения к исторической реальности, допуская буйство фантазии в основном при создании вымышленных образов. Еще большая ответственность ложится на плечи создателей книг, подобных той, что вышла из-под пера Левашова, где фигурируют только реальные люди, в том числе и хорошо известные миру исторические личности. И поскольку люди в большинстве своем судят об истории именно по романам, очень важно, чтобы историческая проза хотя бы не пыталась перевернуть прошлое с ног на голову. А ведь именно это и произошло в книге Левашова. И чтобы читатель смог в том наглядно убедиться, пришлось обременить его внимание схематичным изложением основного содержания книги. А теперь начнем разбираться конкретно.

Обратимся в первую очередь к стенограмме судебного процесса 1952 года по «делу ЕАК», который продолжался более двух месяцев и на котором детально расследовались все инкриминировавшиеся подсудимым эпизоды, в том числе и обстоятельства, связанные с появлением «крымского письма», его отправкой в Кремль и последовавшими потом событиями. Но сначала одно важное предварительное замечание: нет оснований сомневаться в том, что подавляющее большинство включенных в эту стенограмму показаний достаточно правдиво. Ведь в ходе процесса все подсудимые так или иначе отказались от самооговоров, к которым пытками и психологическим давлением их принудили работники МГБ на предварительном следствии. Кроме того, хотя адвокаты в процессе не участвовали (как, впрочем, и прокурор), подсудимые могли защищаться самостоятельно. и некоторые из них – в первую очередь С.А. Лозовский, Л.С. Штерн и Б.А. Шимелиович – блестяще использовали эту возможность, до последней минуты надеясь, что смогут доказать свою невиновность. С отчаянием обреченных они боролись

до конца, причем спасения ради вынуждены были иногда отрицать очевидное, что само по себе понятно и полностью оправданно, но, к сожалению, не может не затруднить предпринимаемого постфактум поиска истины.

Так вот, после тщательного изучения выступлений обвиняемых на процессе по «делу ЕАК», воспоминаний их родных, некоторых официальных документов, всплывших в ходе реабилитации, и других заведомо достоверных материалов возникают следующие соображения. Бесспорно главное: идея еврейского Крыма обязана своим рождением руководству ЕАК, а отнюдь не коварству Сталина и проискам его подручных. И возникла она на волне той стихийной демократизации, которой сталинский режим в интересах самовыживания вынужден был в определенных рамках попустительствовать во время войны. Другой важнейший фактор – реакция руководителей ЕАК на Холокост. Их почти инстинктивное желание сохранить хоть где-то – поначалу даже и не в Крыму, а на территории ликвидированной в 1941 году Республики немцев Поволжья – остатки спасшегося еврейства, не только советского, но и польского, и румынского, пребывавшего тогда на территории СССР. Свою роль сыграли, кроме того, разбуженное войной и усилившимся антисемитизмом национальное чувство и явный провал с решением «еврейского вопроса» в виде создания специальной автономной области на Дальнем Востоке. Все эти серьезные аргументы так или иначе присутствуют в «крымском письме». Один из его авторов, И.С. Фефер, сказал во время процесса: «...Примерно с 1942 года у нас в ЕАК начались разговоры о том, что все еврейские учреждения ликвидированы... и возник вопрос о Крыме». Нечто аналогичное припомнил и еще один обвиняемый – И.С. Ватенберг: «Когда мы вместе с Эпштейном (который станет одним из руководителей вскоре созданного ЕАК. – Г.К.) эвакуировались из Москвы (то есть осенью 1941 года. – Г.К.) и ехали с ним в одном вагоне, то он затронул вопрос о Республике немцев Поволжья. Я ему ответил, что есть Еврейская автономная область, и поскольку есть возможность переселяться, то пусть желающие переселяются»⁹.

Перед отъездом Михоэлса и Фефера в США в 1943 году А. Щербаков и С. Лозовский поставили перед ними две главные задачи: посредством пропагандистских акций повлиять на американскую общественность и получить от состоятельных евреев как можно больше «денег в фонд обороны СССР». На состоявшемся тогда в ЦК ВКП(б) инструктаже вопрос о Крыме вообще не поднимался¹⁰.

Ἴ ἐοῦϵῆε Ὁαοαδ ἰὰ ἰ ἐοεἰαῖ ἰὰ πῶαεῖῖ ἰ «Ἴ ῖεῖ-Ἄδαοῖ ἄ».

Вместе с тем есть все основания полагать, что превращение «крымского проекта» из неясной идеи, спонтанно возникшей в головах руководителей ЕАК, в насущную, жизненно важную и конкретную цель произошло только в ходе триумфальной поездки посланцев советского еврейства по Америке. Во многом этому способствовали встречи Михоэлса и Фефера с Джеймсом Н. Розенбергом, членом Еврейского комитета Совета военной помощи России («The Council for Russian War Relief») и одним из руководителей «Джойнта», американской благотворительной организации, еще в 1942 году предлагавшей властям СССР обсудить вопрос об оказании помощи советским евреям¹¹. Довольно влиятельный и богатый человек, Розенберг еще в 1926 году по делам дочерней компании «Агро-Джойнт» побывал в Советской России. Тогда-то он и проявил себя горячим сторонником проводившейся при поддержке советского правительства еврейской сельскохозяйственной колонизации Крыма. До появления на горизонте Биробиджана территория Крыма официально рассматривалась как наиболее подходящее место для еврейской автономии.

Розенберг прежде не встречался ни с Михоэлсом, ни с Фефером. Познакомились они, таким образом, только летом 1943 года в Нью-Йорке. Правда, не известно, в какой именно день. На предварительном следствии Фефер показал, что это случилось в конце июня 1943 года, хотя позже, на процессе, называл уже 8 июля, уточнив, что встреча состоялась на нью-йоркском стадионе «Поло-Граунд» сразу по завершении массового митинга солидарности в честь посланцев Москвы¹². Возможно, Розенберг после митинга пригласил новых знакомых на свою загородную виллу, где, по словам Фефера, за обедом и произошел первый разговор о Крыме. Несмотря на то что Фефер, возможно, перепутал день этой встречи (прошло ведь шесть лет), достоверность того, что она состоялась, в общем-то не вызывает сомнений. И хотя беседа на вилле носила неофициальный характер, при ней присутствовал и советский генеральный консул Е.Д. Киселев, взявший на себя обязанности переводчика.

Никто, кроме Фефера, на процессе по «делу ЕАК» уже не мог поведать о личных встречах с американцами в 1943 году. Опираясь, за неимением лучшего, на его досудебные показания (предварительно очищенные от тенденциозной редакции следователей) и на сказанное им затем перед судом, попытаемся реконструировать беседу, состоявшуюся шестьдесят лет тому назад в загородном доме американского миллионера-благотворителя.

После обычного светского обмена любезностями первыми, видимо, перешли к делу, «взяв быка за рога», гости, попросившие Розенберга ходатайствовать перед руководством «Джойнта» о немедленном оказании материальной помощи и советским евреям, и другим нуждающимся в СССР. На что тот резко возразил: «Вы только просите, а толку от вас никакого! Вспомните – в связи с созданием еврейской колонии в Крыму мы ухлопали свыше 30 миллионов долларов, а что проку? Крым не ваш, вас оттуда выгнали...» Потом после паузы, призванной усилить эффект, произведенный его решительными словами, Розенберг, несколько смягчившись, продолжил: «...Если советское правительство разрешит заселение Крыма евреями, мы («Джойнт». – Г.К.) будем оказывать вам материальную помощь». И произнес в конце концов мечтательно: «Роскошное место Крым. Черное море, Турция, Балканы...» Припомнив на суде эту последнюю, в чем-то, быть может, двусмысленную фразу, Фефер поспешил уточнить: Розенберг имел в виду только то, что Крым – завидное место для будущей еврейской республики, и прямого разговора о превращении Крыма в военный плацдарм против СССР (вопреки версии следствия!) не было¹³.

В словах Фефера, положенных в основу данной реконструкции, присутствовала, разумеется, большая доля истины, в чем можно наглядно убедиться, сопоставив их с подлинным документом «Джойнта», где отражено официальное отношение этой организации в 1944 году к мнению Розенберга по поводу Крыма. К мнению, которое, безусловно, сложилось и результате встреч с Михоэлсом и Фефером: «Г-н Розенберг настаивает на том, чтобы мы запросили г-на Киселева, советского Генерального консула в Нью-Йорке, о намерениях СССР – в надежде, что “Джойнт” сможет принимать участие в восстановлении там (в Крыму. – Г.К.) еврейских сельскохозяйственных поселений. Позиция комитета (“Джойнта”. – Г.К.) заключается в том, что сейчас преждевременно обращаться с запросами к советскому правительству с любыми планами поселения евреев в Крыму. Более того, с тех пор как “Джойнт” и другие организации затратили приблизительно 30 миллионов долларов на программу аграрных поселений евреев в Крыму и на Украине, есть опасность, что подобная дискуссия могла бы показать Советскому правительству, что столь огромная сумма вновь доступна. В 1938 году «Джойнт»... был вынужден покинуть Россию по требованию советских властей...»¹⁴

Как видим, Розенберг настаивал на немедленном возрождении былого сотрудничества с СССР, связанного с еврейской колонизацией Крыма, не особенно принимая в расчет официальное мнение руководства «Джойнта», хотя и опираясь на поддержку своего влиятельного единомышленника, председателя Еврейского комитета Совета военной помощи России Луиса Левина. Но, как предположил на процессе по «делу ЕАК» И.С. Ватенберг, ранее живший в США и хорошо знавший амбициозный характер Розенберга, того «очень мало волновал... вопрос о создании Еврейской республики». Крым его занимал только потому, что в свое время “Джойнт” туда вложил много денег и он чувствовал, что потерял лицо в этом деле»¹⁵.

Άερί η Δίαι άιά

Между тем, окрыленные многообещающими заверениями Розенберга, Михоэлс и Фефер сделали, как утверждает современный американский историк М. Мицель, ошибочные выводы, поверив в наличие у их американских партнеров по переговорам грандиозных планов сотрудничества с Россией¹⁶. То есть попросту обманулись, приняв желаемое – гарантию американцев поддержать создание еврейской республики в Крыму – за действительное. Тем не менее какая-то часть ответственности за это роковое заблуждение, несомненно, лежала и на Розенберге, одном из руководителей «Джойнта». Не выразился ли его «особый подход» (о нем пишет тот же М. Мицель¹⁷) к возможному еврейскому будущему Крыма в том, что в кулуарах он твердо заверил Михоэлса и Фефера: дерзайте, мол, добейтесь от своего правительства Крыма, и тогда мы окажем вам щедрую и обильную помощь? Возможно, его авансы и стали тем *ultima ratio*, который потом толкнул руководителей ЕАК на безрассудный поступок...

Но посланцы Москвы грезили наяву о будущем Крыма не столько потому, что были так уж легковверны, сколько из-за охватившего их еще до поездки в США горячего желания во что бы то ни стало хоть чем-то помочь своему многострадальному народу. И все же по возвращении в конце ноября 1943 года в Москву, одержимые иллюзорными упованиями, находясь в эйфории, Михоэлс и Фефер первым делом объявили Лозовскому: «Розенберг обещал материальную помощь “Джойнта” в случае заселения Крыма евреями»¹⁸.

О той памятной встрече вспоминал на процессе многоопытный и блестяще защищавший себя Лозовский, и не верить его словам нет оснований. Да и сами Михоэлс и Фефер, не располагая они щедрыми обещаниями Розенберга, наверное, так и не решились бы на встречу с Молотовым. Аудиенции у него они скорее всего добились через того же Лозовского, заместителя Молотова по НКВДу.

На прием ко второму человеку в государстве явились трое: вместе с Михоэлсом и Фефером пришел и Эпштейн, ответственный секретарь ЕАК, руководивший всей текущей работой в комитете. Поскольку Эпштейн, как уже говорилось, выступал за создание еврейской республики на месте ликвидированной автономии немцев Поволжья, то наряду с Крымом был предложен и этот проект. Однако Молотов сразу же отверг его, мотивировав свои возражения тем, что население бывшей немецкой республики в основном занималось сельским хозяйством, а «евреи народ городской и нельзя сажать евреев за трактор». В отношении же Крыма он заметил: «...Пишите письмо, и мы его посмотрим»¹⁹.

И хотя смысл этих осторожных слов был довольно неопределенным, руководители ЕАК решили, как потом показал на суде Лозовский, что «...Молотов “обещал”, значит, вопрос почти решен, а если еще не решен, то во всяком случае “на мази”». Исполненные лихорадочного оптимизма, они поспешили не только поделиться своей призрачной радостью с коллегами, друзьями и знакомыми, но тотчас принялись делить «шкуру убитого медведя» – распределять министерские портфели в будущем правительстве еврейской республики. Словом, направив 15 февраля Сталину подготовленное при участии Лозовского письмо с предложением создать Еврейскую советскую социалистическую республику на территории Крыма, Михоэлс, Фефер и Эпштейн не сомневались в положительном решении правительства.

Однако проходили дни, а ответа из Кремля не было. И тогда слегка обеспокоенные авторы письма решили подстраховаться: направили 21 февраля его дубликат уже непосредственно Молотову. Причем, чтобы знать наверняка, что данное послание попадет адресату, Михоэлс передал его через П.С. Жемчужину, жену Молотова, которая была с ним дружна, и не только имела большое влияние на мужа, но и выказала личную заинтересованность в успехе задуманного. Она тогда сказала Михоэлсу многозначительно: «Можно жить где угодно, но надо иметь свой дом и крышу»²⁰.

Однако к тому времени, когда «крымское письмо» дошло до Молотова, Сталиным вопрос был, вероятно, уже решен. И решен отрицательно. В пользу такого предположения говорит многое. Прежде всего, знакомясь с наиболее важными документами, Сталин, если был склонен к принятию решения, обычно не задерживал их у себя, а, изложив в резолюции собственное мнение, направлял «по принадлежности» – руководству того или иного ведомства (ЦК ВКП(б), СНК СССР, Наркомата обороны и др.). Те, в свою очередь, готовили проект соответствующего постановления (политбюро, оргбюро ЦК, СНК СССР...).

В случае с «крымским письмом» ничего подобного не было. Наверняка Сталин посчитал его слишком странным, может быть, даже вздорным, чтобы быть рассмотренным по привычной схеме. 19 февраля он почти три часа совещался в своем кремлевском кабинете с Молотовым, Маленковым, Микояном и Щербаковым²¹. Возможно, тогда он и высказал свое отношение к «крымской инициативе» руководителей ЕАК. Что именно говорил он в тот день, сейчас установить невозможно. Ясно одно: утопическое предложение Михоэлса и его единомышленников для прагматичного антисемита Сталина, обремененного в ту пору куда более важными делами, было неприемлемо в принципе. Но бесспорно также, что их замысел еще не расценивался им как нечто опасное и тем более преступное. Вероятнее всего вождь просто решил похерить это необычное послание, оставив его без последствий. И тут нет ничего удивительного. В то время, как, впрочем, и сейчас, тысячи направляемых в высшие инстанции обращений «простых граждан» (а «крымское письмо», по совету Лозовского, было составлено именно как частное послание) остаются без ответа; их просто сплавляют в архив.

Что до самой идеи авторов «крымского письма», идеи радикального решения вопроса о Еврейской автономии, то подобные «проекты» тогда тоже были не в диковинку и воспринимались властями вполне равнодушно. Скажем, в августе 1944 года обком партии Северной Осетии информировал ЦК ВКП(б) о том, что в республике «широко» ведутся разговоры насчет сбора подписей под письмом Сталину «о переселении осетин в Крым – якобы потому, что осетинский народ хорошо показал себя в Отечественной войне...»²² Или еще один, совсем недавно обнаруженный факт. В марте 1945 года из Италии в Москву на имя Молотова было отправлено скрепленное печатью «Римского еврейского комитета» послание, предлагавшее союзным державам после победы над нацистской Германией рассмотреть вопрос о создании еврейского государства на ее территории. Впрочем, в сравнении с этими причудливыми плодами общественной инициативы еще более фантастическими выглядели, как это ни парадоксально, проекты, вызревавшие в головах политиков-профессионалов. В.А. Тарасенко, бывший заместитель представителя Украины в Совете Безопасности ООН Д.З. Мануильского, писал 11 февраля 1950 года Сталину: «Во время обсуждения Палестинского вопроса осенью 1948 года (война Израиля со странами Арабской лиги. – Г.К.) у тов. Мануильского возникла идея внести в ЦК ВКП(б) предложение, чтобы Советский Союз предоставил возможность палестинским арабским беженцам (свыше 500 тыс. чел.) поселиться в Советском Союзе в районе Средней Азии, с тем чтобы впоследствии образовать Арабскую Союзную республику или автономную область»²³.

Вернемся, однако, к «крымскому

письму». Направленный Сталину его оригинал до сих пор не обнаружен и вероятнее всего не сохранился. Тем не менее дубликат, предназначенный Молотову, в 1991 году автором этих строк был найден в бывшем Центральном партийном архиве и тогда же опубликован²⁴.

Возможно, 22 февраля, когда Молотов в Кремле (вместе с Маленковым, Микояном и Щербаковым) снова продолжительно беседовал со Сталиным, он попытался еще раз заинтересовать его посланием Михоэлса²⁵. Но, поняв, что «хозяина» не переубедишь, отступил. После чего ему, первому заместителю Сталина по СНК СССР, оставалось только «расписать» «крымское письмо» скорее «на ознакомление», чем «на исполнение» Маленкову, Микояну, Вознесенскому и Щербакову. В итоге – закономерный финал: 28 февраля А.С. Щербаков «списал» ненужную бумагу в архив²⁶.

Даже если руководителям ЕАК официально не сообщили об отклонении правительством их проекта, те так или иначе вскоре обо всем узнали. Однако они до того были зачарованы собственной мечтой, что продолжали громогласно обсуждать перспективы в общем-то уже абсолютно безнадежного предприятия. Конечно, это не укрылось от Сталина, и тот поручил Л.М. Кагановичу окончательно «закрыть» вопрос, принимавший скандальную форму. Впоследствии на суде Фефер рассказал, что в середине 1944 года его, Михоэлса и Эпштейна «срочно» вызвал к себе Каганович. «Часа два или больше [он] разбивал нашу докладную записку о Крыме исключительно по практическим соображениям... Он говорил... что евреи в Крым не поедут... что только артисты и поэты могли выдумать такой проект». После столь явного предостережения сверху руководители ЕАК хотя и несколько затаились, прекратив открыто обсуждать «крымский проект», однако полностью так и не отказались от своей нереальной затеи. В записке М.А. Сулова Сталину и другим членам политбюро от 19 ноября 1946 года особо отмечалось, что, судя по выступлению Фефера на заседании президиума ЕАК от 23 октября 1945 года, которое не встретило возражений со стороны других руководителей

комитета, «ЕАК намерен ставить перед правительством СССР даже вопросы территории (видимо, новой территории, кроме Биробиджана) для еврейского населения»²⁷.

Ὁλοῦδ ἀαεὲὸπυ ἡῖεῖ ἐ αἰ'α:αὸεῖεῦῖ ἐ ἰά Αἰ ἀεεῖα

Ἰεῖῖῖ ἰ αἰ δαῖ: Ἀαεεῖ, Εαεὲεῖ, Υἱεὲεῖ, Ααδῖεῖῖῖ.

Вот этот тлеющий фитилек плюс усиление противостояния двух систем, ознаменовавшееся и в СССР, и в США так называемой «охотой на ведьм», в конечном счете и привели к тому, что у специалистов из МГБ по борьбе с американской и сионистской агентурой возникла мысль превратить старый «грешок» своих потенциальных «клиентов» в крупное политическое «дело». Однако произошло это, как уже говорилось, после убийства Михоэlsa; только тогда на Лубянку поступил соответствующий «заказ» от Сталина. И лишь с этого момента правомерно квалифицировать «крымскую историю» как провокацию властей. Именно в эту пору Крым, по образному выражению Лозовского на суде, стал обрастать «такой шерстью, которая превратила его в чудовище»²⁸.

Тот же Лозовский бесстрашно заклеил на процессе мифотворчество «органов» (назвал его словами Н.Г. Помяловского «фикцией в мозговой субстракции»), гневно обличал тех следователей, что пытались представить «крымскую историю» как международную шпионскую интригу, направленную против государственной безопасности СССР. Однако и для тогдашних властей предрержащих, и для тех, кто ныне продолжает фальсифицировать историю, так и остались гласом вопиющего в пустыне его предсмертные слова: «Ни одна из 12 тысяч газет и журналов не ставила тогда этого вопроса (о Крыме. – Г.К.), ни один государственный деятель США не думал на эту тему... Кто-то якобы сообщил, что американское правительство вмешалось в это дело (крымское. – Г.К.). Это значит – Рузвельт. Я должен сказать, что осенью 1943 года Рузвельт встретился со Сталиным в Тегеране. Смею уверить вас, что... там о Крыме ничего не говорилось. В 1945 году Рузвельт прилетел в Крым ... Он не прилетел ни к Феферу, ни к Михоэlsу, и не по делу заселения евреями Крыма, а по более серьезным делам»²⁹.

110àì æá Ñ. 25

121Íðúíááááæé Á.Í. Óéàç ã÷. Ñ. 124, 125, 152

130àì æá Ñ. 25, 125, 152

14Ì àòáðéæú Áááýòíé Ì ææáóíáðíáííé ì æææñíèíééíáðííé éííóáðáíóèè ìí éóúáèéá
×áñòúí. Ì.: Í ðíááé, 2000, 2003. Ñ. 127, 128

15Í áí ðáááí úé ñú. Í ñéááí éé ñòáèéííèéè ðáñò ðáé. Ñ. 279

16Ì àòáðéæú Áááýòíé Ì ææáóíáðíáííé ì æææñíèíééíáðííé éííóáðáíóèè ìí éóúáèéá
×áñòúí. Ñ. 123, 124

170àì æá Ñ. 125

18Í áí ðáááí úé ñú. Í ñéááí éé ñòáèéííèéè ðáñò ðáé. Ñ. 173

190àì æá Ñ. 28

200àì æá Ñ. 28, 174, 179, 280

21Èñòíðè:-áíèéè áððéá 1996. ¹ 4. Ñ. 69

22ÐÁÁÑÍ È. Ó. 17. Íí. 122. Á. 84. È. 99

23Èþáéí Á. Èðáèéú á óáíòðá Ááðííú: íáèçáñòíúé íðíáèò ñçááíéý ááðéííéíá
áñúáðíòáá íá ðáððéòíðèé Ááðíí áíéé // Ì àòáðéæú Áááýòíé Ì ææáóíáðíáííé ì æææñíèíééíáðííé
éííóáðáíóèè ìí éóúáèéá Ñ. 108-118. ÐÁÁÑÍ È. Ó. 17. Íí. 118. Á. 797. È. 102

24Ðíáéíá 1991. ¹ 11, 12. Ñ. 16, 17

25Èñòíðè:-áíèéè áððéá 1996. ¹ 4. Ñ. 69

26ÐÁÁÑÍ È. Ó. 117. Íí. 125. Á. 246. È. 169-172

27Í áí ðáááí úé ñú. Í ñéááí éé ñòáèéííèéè ðáñò ðáé. Ñ. 178

280àì æá Ñ. 342

290àì æá Ñ. 175, 342

עַס עֲנױֹׁי דְבֵּעַ עֲדִי אֲאַיִתְאִי אֲאַׁוֹאֹ אֲנִי אֲוֹנֵיִי נִרְצֵא

Публикуемые документы связаны с историей кровавого навета новейших времен. Эта тема для исследователей, не говоря об обществе, и до сего дня остается практически неизученной.

Факты кровавого навета – то есть обвинения евреев в убийстве иноверцев для употребления их крови в ритуальных целях – в нашей стране известны достаточно давно. Получив распространение в средние века во многих католических странах Европы, они нашли благодатную почву и в России еще в конце XVIII века. Вскоре после раздела и присоединения Польши к России после захвата ее территорий с многочисленным еврейским населением состоялся первый из известных процессов по обвинению евреев в ритуальном убийстве. Он проходил в 1799 году неподалеку от Витебска в местечке Сенно. И хотя все арестованные по этому делу евреи были освобождены, в 1816 году возник новый кровавый навет уже в Гродно, который побудил министра народного просвещения князя А. Голицына строго указать всем губернаторам впредь не обвинять евреев в убийстве христианских детей «по единому предрассудку», то есть без доказательств.

Собственно, в самой России единственным ритуальным процессом было саратовское дело. Расследование началось в Саратове в 1853 году и продолжалось без малого семь лет. Арестованные евреи обвинялись в убийстве двух христианских мальчиков. Они были осуждены, хотя «ритуал» доказан не был.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС
ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ ПО РСФСР

Фонд № 5

Опись № 34

Ед. хр. № 91

Записки Отдела, письма, копии писем, выписки из протоколов заседаний, справки местных партийных органов, министерств, ЦСУ РСФСР, зарубежных организаций, общества с заключениями Отдела и сектора печати и радио по вопросам местных газет и радио: об организации новых газет, об увеличении тиражей, объемов, периодичности, штатов, о случаях нарушения постановления ЦК КПСС "Об излишествах в расходовании средств на Выпуску газет и журналов", о радиофикации сельской местности, о совещаниях работников газет, радио и телевидения, об открытии отделения журналистики при Казанском университете, о результатах проверки статьи "Неоконченная история", копия письма А. Лушмале по поводу статьи в газете "Коммунист" (Дагестанская АССР) и др.

Начато *Январь* 1961 г.

Окончено *Июнь* 1962 г.

На *216* листах

Не будем вдаваться в весьма, к сожалению, богатую историю этого предрассудка в России; основные сведения о ритуальных процессах над евреями читатель без труда сможет найти в энциклопедических справочниках. Самый громкий за всю историю кровавого навета в Российской империи процесс состоялся в Киеве в 1913 году. На этот раз жертвой оговора стал приказчик Менахем-Мендл Бейлис, обвинявшийся в

ритуальном убийстве христианского мальчика Андриюши Ющинского. Все хорошо знают, как закончилось это достопамятное судебное разбирательство. Присяжные вынесли вердикт о невинности Бейлиса. Он был освобожден, справедливость как будто восторжествовала. Правда, только в отношении Бейлиса. Да и то из-за бесконечных угроз черносотенцев ему пришлось вместе с семьей бежать из России. Антисемитизм побежден не был, и это главное. Вплоть до крушения царского режима в 1917 году власти по-прежнему способствовали распространению в народе слухов о ритуальных преступлениях евреев.

Не был похоронен кровавый навет и в советское время. В первые годы большевистского правления новая власть объявила войну религиозным предрассудкам, назвала антисемитизм преступлением. Организаторы процесса над Бейлисом были осуждены. А в 1919 году была создана комиссия для изучения материалов ритуальных процессов. Однако подготовленные ею выводы так и не были опубликованы. Время от времени кое-где в СССР все равно возникали дела по кровавому навету. В середине двадцатых годов это случилось в Туле. В 1920 – 1930-х годах – в районах с преимущественно мусульманским населением: в Туркмении и Узбекистане. В послевоенный период, в разгар борьбы с космополитизмом и последовавшего за ним «дела врачей» кровавый навет напомнил о себе в иной, «модернизированной» форме: режим представил еврейских медиков как «вредителей» и «отравителей».

Массированная антиизраильская пропаганда в Советском Союзе во второй половине 1950-х и в 1960-е годы, принявшая явно антисемитский характер, содействовала возобновлению травли евреев, прямо или косвенно связанной с кровавым наветом. Обвинения в употреблении крови иноверцев в ритуальных целях исходили, как правило, от представителей темных, невежественных слоев населения. Власти, однако, старались их как бы не замечать. Так было, например, в Узбекистане (в Маргелане и Ташкенте в 1961 – 1962 годах), на территории Грузии (в Цхалтубо в 1963 году и в Кутаиси в 1965 году).

В пропагандистских атеистических кампаниях, развернутых на страницах газет, партийные и советские начальники явно намеренно обходили эту тему. Подчас они даже сами исподволь распространяли миф о кровавом навете. Настоящий международный скандал вызвала напечатанная в 1960 году в дагестанской газете «Коммунист» статья, где, между прочим, говорилось: «...Евреи согласно своей религии верят, что нужно раз в год пить мусульманскую кровь. Некоторые евреи покупают от 5 до 10 гр. мусульманской крови, которую смешивают с водой в большой бочке и продают как воду, соприкоснувшуюся с кровью мусульманина». Властям пришлось организовать ответную пропагандистскую кампанию за границей, уволить проштрафившегося редактора газеты и даже поместить опровержение. Впрочем, далеко не все случаи подобного рода становились известными на Западе. Лишь в наше время после открытия секретных архивов стало известно о событиях, произошедших в небольшом литовском городе.

Подписи на документах свидетельствуют, что с сообщением об этом «антисемитском проявлении», как определил случившееся глава КГБ, ознакомилось высшее советское руководство. На первой странице доклада имеются подписи Хрущева, Суслова, Брежнева. Ни в одном из тогдашних советских изданий об этой гнусной истории не было напечатано ни строчки. Властям удалось все сохранить в тайне.

Впервые публикуемые документы хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории.

Ntááðóáííí ñéðáòíí

ÑÑÑÑ

Éíí èòáò Áíñááðíòááíííé Ááçííáñííñòé

í ðé Ntááòáí éíéñòðíáÑÑÑÑ

13 ñáí òýáðý 1958á

1 2353-È

áð Í ñéáá

ÓÈ ÉÍÑÑ

Áíééáñúááþ, ÷òí 10 ñáí òýáðý 1958 ááá á áð. Íéóíáí, Ééòíáñíé ÑÑÑÑ, òéá-éòá òááðééé «Ééíó-Áóééíýé» Éíóáí á Í áóééíá, 29 éáò, ñááé ññááé ðáñí ðíñòðáí ééá ñéóó, ÷òí áóáòí áú íáéí ááðé í úòáéñý ííóéòéòúáá ñáí ééáòíáá ñúíá é ýéíáú ííóéòéé é óíáí é ñááá áíí íé áááí-éó

Ýóé ñéóóé áññòðí ðáñí ðíñòðáí éééñú íá ááçáðá ñááé éðáñòýýí. Íéíéí áíí á, ááá áééáò Éíóáí á íáðáçíááéáñí òíéíá. Íáðíáéáóáñý á òíéíá áéòáéñí éóá ááð Í íéóáí, Íéóíáñíéíá ðáéííá, Áðóíáééíá P ééý, 33 éáò, óòááðéááéá, ÷òí áóáòí áú ííá éé-íí áéááéá, éáé ááðé íáñ áááí-éó é ñááá áíí íé, á áòíðíá ðáááí éá òáñéé çá ðééá

Íí òðáííááíéþ í áóáðé é áðáéò áðáéááí ñúí Éíóáí á óéáçé íá áíí ááðý Áðréñ áíá, éóáá ýéíáú áúéá ðíáñíá ííóéúáííáý áááí-éá. Áíí Áðréñ áíá éñííéúááòíý í áñòíúí é ááðýí é áéý ðáééáéíçí úó í íéáíéé, í ÷áí éçáñíòíí íáñéáíéþ.

Áíçáóéááííúá áðáéááíá, í ðéí áðíí 600 ÷áéíáé, íéðáéééé áíí Áðréñ áíá é íðréçáñéé íáñíé á ñáðýò é ííááéáó. Íí òðáííááíéþ òíéíú í ðéáñúáééá íá í áñòí ðááíòíééé í éééòéé ñááéáéé íáñíé éááðòéðú Áðréñ áíá. Íééáéíé íñòíðíííáé áááí-éé á éááðòéðá íá íéáçéíñí. Íáííáðáí áíí í-áñóú òíéíú íñ íòðáéá éááðòéðó ááðý Óááðóáóá, óééáñíñóáþúéí é ýéáí áíòáí é éáí íýí é é íáééíé áúéé ðáçáéòú ñòáééá á íéíáó áá éááðòéðú, ðáçáááéééñí áúéééé:

«Ááé ááðáá!»

Ááéáó ðáñí ðíñòðáí éáóéñý ñéóóíá, ÷òí ðááíòíééé í éééòéé ýéíáú ííáéóíéáíú ááðýí é é íðý-óò «ííóéúáííóþ», íí íðáéííáéíéþ ðááíòíééíá í éééòéé áðúíá áðáéááí áúéí ííéáçáíí ííí áúáí éá í éééòéé, íí áíçáóéááí íáý òíéíá íá ðáñííáééáñí

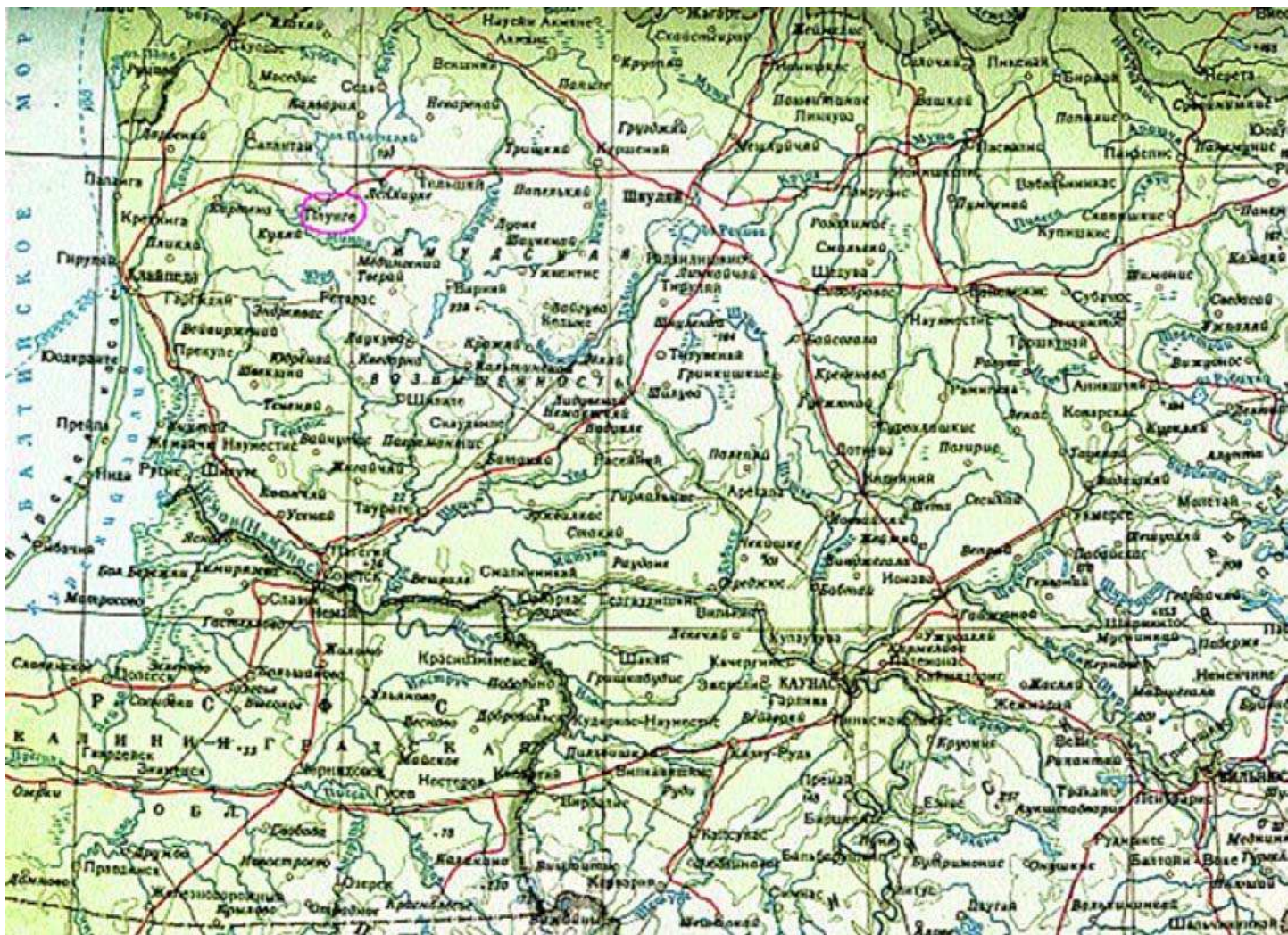
Á áð. Íéóíáí áúéé íáðááðíóáíú íáðýáú íðáííá áñíáçííáñííñòé é í éééòéé é áñááíðáí ííðýáíé. Çáááðéáíí 14 ÷áéíáéé óééáñíñóáþúééó ýéáí áíòáí, éíòíðúá íðéáéáéþòíý é áñéíáííé íòááòíòáíííñòé íí Óéáçó Í ðáçéáéóí á Ááðóíáííá Ntááòáí ÑÑÑÑ çá í áééíá óééáñíñòáí.

Ðáñíéááíááí éá í ðíéñóáñóáéý í ðíáíéáéááòíý ííáðáòéáí íé áðúííé ÉÁÁ í ðé ÑÍ Ééòíáñíé ÑÑÑÑ

Çáí áñòéòáéúí í ðáñííááò áéý

Éíí èòáò á áñíáçííáñííñòé

Éááóóóéí

К О М И Т Е Т
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й Б Е З О П А С Н О С Т И
п р и С О В Е Т Е М И Н И С Т Р А С С С Р

13. септября 1958 г.
№ 2353-21
г.р. Москва

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

29325 33a

Ц К К П С С

Донесение, что 10 сентября 1958 года в гор. Плуго, Латвийской ССР, ткачиха фабрика "Лаву-Лавиний" Иоганне Пауланс, 29 лет, среди соседей распространила слух, что будто бы один еврей пытался похитить ее семилетнего сына и якобы похитил и увес к себе домой девочку.

*в силу
информации
с СР
Иоганне Пауланс
29.9.58*

Эти слухи быстро распространились на базаре среди крестьян. Около дома, где живет Иоганне, образовалась толпа. Находясь в толпе жительница дер. Момозу, Плуугесского района, ДРЛ-ПЕЛКЕ Иана, 33 лет, утверждала, что будто бы она лично видела как еврей нес девочку к себе домой, а второго ребенка там же оставил.

По требованию милиции и других граждан сын Иоганне ушел из дома ГРОЛЬМАНА, куда якобы была увезена похищенная девочка. Дом ГРОЛЬМАНА используется местными евреями для религиозных собраний, с чем известно население.

Недобровольные граждане, примерно 600 человек, окружили дом ГРОЛЬМАНА и произвели обыск в сарае и подвалах. По требованию толпы приблизиле на место работники милиции сделали обыск квартиры ГРОЛЬМАНА. Никакой похищенной девочки в квартире не обнаружено. Одновременно часть толпы осмотрела квартиру еврея ИВАРЦЕВРА, хулиганствующими элементами толпы и пахлой были разбиты стекла в окнах его квартиры, раздавались окрики: "Еврей еврей!"

Ввиду распространившихся слухов, что работники милиции якобы похитили еврея и причуг "похищенную", во исключение

*Трансфер (ссылка)
в Плуугесску
29/9*

Nīā Nāēdiāiī

NŃNŃD

Ēīī ēōāō Āīīīāāōō āāīī ēē

Āāīī āāīī ēē ē ē ē Nīāōā

Ī ēī ēēōō ēēā NŃNŃD

27 ēēōō yāōy 1958 ā

1 2657-N

āā Ī īīēāā

ōē ēī NŃ

13 īīāīōyāōy īīā (1 2353-ē) āīēēāāūāāēīīīī īā ēī āāōāī ī āīōī 10 īīāīōyāōy 1958 āāā āīōēīī ēōīēīī īōīyāēāī ēē āā Ī ēōī āī ēēōī āīēē ēē NŃNŃD

Āāīīēāīāīēāī āīōāīīāēāī, ēōī ēāēīā īōīyāēāīēā īōīēīōēī īā īī-āā ēēāāīī īīāīōāīpīēō īīāē ēāēīōīōīō īōīōāēīō ēāāē īōāāōāīīāēīā ī īīōēīāīēē āāāyī ē āāōāē āēy ēīī ēēīīāāīēē ēō ēōīāē ā āāēēēīīīō īāōyāāō

Οάαεάιι úε αμíτρεí δαάεοíδ!

Ν γοεí ίοέδντοúι íεñú íí íαδαύααοñγ é Ααí αδύíα αδñεο αάδνιά - αεοάεε Αάαñoαίñεé Αάοííííίέ Νίτσοñεé Νίτοεάεεñòε:αίεé Δαñúάεεéé. Íαίεñαοú αά ííάοεεά ίαñ ίαíá:αοάíáγ á «Íυρ-Éíδε αάδεύα οδεάβί» 4 ίíγáδγ ñοαοúγ Άεíτσοά Íυρí γίá, áεíοíδíε íí αάñδεο í ííεíαείεé αδñεο αάδνιά

Ííαíαíí αεý ñοαοúε íñεάεéí íεñú í :εοάοαεý, ííάεεéíααίííá á íαñoíé αααοά, Αόεíαεñεíα δαεííá δαñúάεεéé, εíοíδíα αί Íυρí γί ίúοάαοñγ í δααñoαεοúεάε í δñγáεείεά ίαοéííαεúííé αάαεάú.

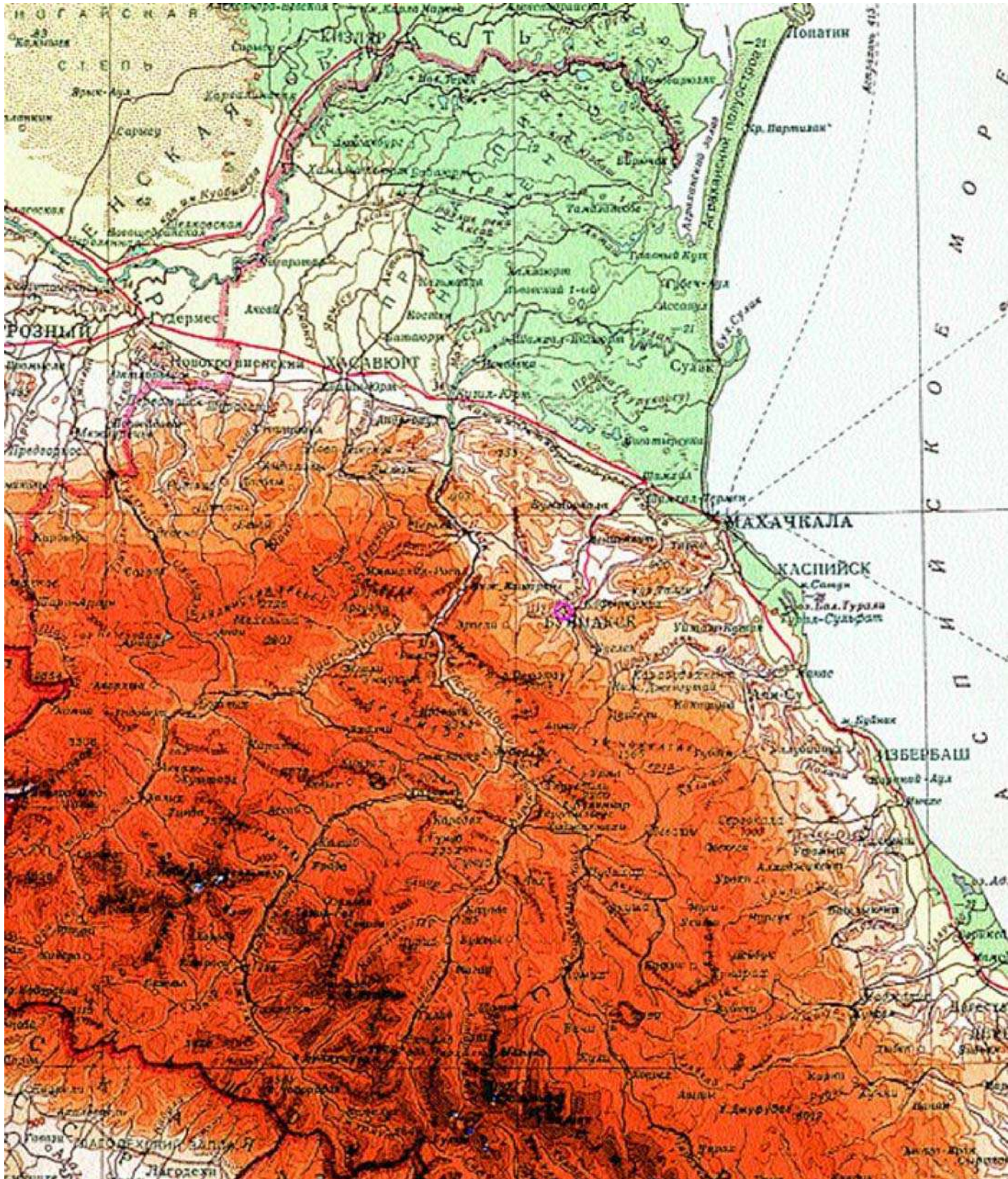
Αάδíí εé γοí? Éííá:ίí, ίαο! Ííγáεείεά οάεíα íεñú á - δαá:άεοεé, εñεεβ:εοάεúú úε ñεο:αε, ííαíαííα εíοíδíí οíεεíαα ίá αúεí ε, í ú οάδαí ú, íεεíαα αίεúσα ίá αάαο á ίασαé ñοδαíá Υοά :εñοáγ ñεο:άεííñοú ίσεάεά αααοάαοñοάαίúúο αοδñαεéñοíá, ñαεάííáγ ααα αñγέíα εéíα οí úñεά. È ñααοñεáγ αεαñoú á ñíοάαοñοάεé ñ ííεíαείεýí é Éííñοεοóοεé ΝΝΝD é Éííñοεοóοεé αñño ñβçíúó é αάοíííí ίúó δαñúάεéé, ñοδñα ίáεααίαααο çá οάεεά ίσεάεé, αñεúí éεé ίάαíεúí ííε αúεε ñαεάí ú. Οάεά ίá ñεααοβúεé ααí ú ííñεά ίαεεéαοεé íεñú á αααοά íδεíαεá εçαéíαéý :εοάοαεýí çá οí, :οí ííí αñοεéá íαοάδεαé, αά íí ίάαεαñoαο αάοíδα ñααδεαéñγ ίαεάí úε αúí úñε. Αíññαδñοάαίúá é íαδοεéíúε ίδñíεçαοεé, αñγ ίαúαñoααίíñοú δαñúάεεéé δαçéí íñεééé ίσεάεο αααοú, é εβáε, αííοñοεάοεά áá ίíγáεείεά, íííαñεé αñεάííá ίαεααίεά Οάεéí ίαδααí, οοάαδεααοú ίá íñíααίεé γοíα ñεο:áγ, :οí á Αάαñoαίñεé δαñúάεεéά γéíαú «íδαñεάαοβòñγ αάδε», çíá:εο αδύαí εñεάεαοú ααéñοάεοάεúíía ííεíαείεά ααúαε, íδαñíαíαδαííí αάñεοú :εοάοαεά á çαéεααίεά

Ííαίεñαοεά γοí íεñú í íδεíαεéαεαο é δαçéε:íúí ñεíγí ίαδñáííñοé αδñεο αάδνιά Νοάεé ίαñ αñοú é εíεοíçíεéé, é δαáí:εά é íεñαοάε. È ίαí, εάé ίεεíí ο αάδνιά ó οíδñοí εçαñοíí, :οí á ίασαé ñοδαíá ίαο ίεεάεéé αάαεάú í αεαó ίαδñáá é, :οí ίοíίσαίεý í αεαó ίεí é íñíáαí ú ίá αδαοñεéé αδάεάá é αçαéí ίíí οάαεαίεé. Δαáííñοáí ίαοεé οíδεαñoααίíí í δñαíçáεαοαίí é á Éííñοεοóοεé ΝΝΝD, é á Éííñοεοóοεé ίασαé δαñúάεεéé. Νοαοúγ 90 Éííñοεοóοεé Αάαñoαíá αεαñεο: «Δαáíííδαάεά αάαεάαí Αάαñoαίñεé ΑΝΝD, ίαçαεñεí í ίο εο ίαοεéíαεúííñοé é δαñú, αñ αñño ίαεαñoγò οíçγéñοάαííé, αññαδñοάαííé, εεεúοοδñé é ίαúαñoααίíé αεçíé γáεýαοñγ ίαíδαéíαείúí çαéíííí». Α γοεο ñεíáαο - íñíáα αñεé ίασαé αεçíé. È í ú οάδαí çαγáεýáí, :οí ííεíαείεý ίασαé Éííñοεοóοεé ñγòí ñαéβáαβòñγ. Αά εíá:á é αúοú ίá í íεαο! Αάαú ñααοñεεά εβáε αññεοαí ú á αοόά αδάεάú é δαáííñοáαí αñño ίαοεé é δαñ

Ο ίαñ á δαñúάεεéά íδñεάεαβò í ίíα ίαδñáííñοάε. Ííε αάδγò ίá 83 γçúεαο é ίαδñ:εýα. Αñοú ó ίαñ αοεú, αάα αεοάεé αάδγò ίá γçúεά ñαáδσάíí ίοεé:ίíí ίο γçúεά αεοάεάé ññαíεο αοεíá È, ίαíαεí, í αεαó ίεí é ίαο ίε οαί é ίε εάεéé-εεάí ίαíδεýοεé, ίαúγñγβúαé íδεíαεéáéíñοúβ é δαçéε:íúí ίαοεýí.

Οά ίαοεéíαεúáγ δñçúú εíοíδαý αúεά οαδαεοάδία αεý Εάεεαα á αñδαñεβοεíííúε ίαδεíá, εάíοεά á αá:ίíñοú Αάεííé, αδάεííé ñαí úεé αεάοò ίαδñáú Αάαñoαíá, εíοíδóúí ñοεάεéçí íδεíαñ ίá οíεúéí δαáííñοáí, íí é ñ:αñοεéαβ,

*ἰαῶν'α-αἰί'ορ αἰετί'υ Ἀἰ δαῖ'ε'ρ'οεὲ ἰαῶ ἰαδ'ῖα, εἰεὲ ἔ' αἷ'ν ἄδ'οε'α, αἷ'ε' ς'αῖ'α'ε'αἰ
 ἰεὺ'αδ'ῖε ἔ' αἷ'ν'δ'α'ε'αἰ. Ἀἰ'ε'αἰ 95 ἰ'δ'ῖ'ο'αἰ'οἰ'α ἄ'δ'ῖ'ε'ο' ἄ'δ'ῖ'αἰ αἷ'ε'ε ἰ'αῖ'δ'ῖ'α ἰ'οἰ'ῖ'ι. Ἀ
 ἡ'ε'-αἷ'ν? Ἐἰ'α'αἰ'αδ'ῖ, ὄ-αἰ'ῖ'α, ἰ'ε'ν'αδ'ῖ'ε, εἷ'ν ἰ'ἰ'ϕ'ε'οἰ'δ'ῖ' - αἷ'ο' ε'οἰ' ἡἷ'ῖ'ῖ' ἔ' αἷ'-αδ'ε' ἰ'α'ο'αἷ'ν
 ἰ'αδ'ῖ'α. Ἐ'α'ε'αἷ'ε' ε'ϕ ἰ'αἷ'ν εἰ' αἰ'ο' αἷ'ϕἰ ἰ'α'εἰ'ἰ'η'οῦ αἷ'αδ'α'οῦ ἡἷ'α ε'ρ'α'ο'ρ ἰ'δ'ῖ'ο'αἷ'ε'ρ, ε'ρ'α'ο'ρ
 δ'αἷ'ῖ'ο'οἰ'ἰ' ἰ'δ'ε'ϕ'αἰ'ε'ρ.*

I adriafinon iasa i-ai i aatuuay. E, iataei, i iiaa adreea aade cai ei apo amieea
i inou a iaddeeuo e annadnoaiiuo idaias dnuaeeee, oetiaayo ioti uoeaiiuie
i dai deyoeyie, nodreeai e, eteotcai e. A Aaanbaia oetiei ecanou, i addei ad, ei ara aeaiuo
iaddeeuo ayoaee dnuaeeee Oaiota Adai ia e Aiaoteey Aateera, eataeaa o yefiii e-ateo
Iate Enay I aooi ia, yaeypuaaiy cai anoeoaei i dnuaa o ay dnuaeecai neta maa adoi ca, Betai
Eci aeera, cai anoeoay i eteoda i aoiie ioti uoeaiiuo Aaanbaia.. I otoua, i dai ia a o aee,
o-aiua eç +eia adreeo adaa daioapo a amieeo o-aiuo caiaaeyo, a iao-ii-
e neta adaeuieo einoeoao e oeeea Aaapci e aaaa ee iate. Ia ap dnuaeeco
i dnuaeecai neta e o dnuai e amiaai e adaa oiea eteotci, +eai e etoioo yaeypoiy adreea
aade. I aai i nui ad iateo eteotciea dnuoiee nui caiey Aadry Nioaeeno-e-ateia Odaa -
amiee o dnuai e ia aai a Niaoiee nodai

I u ei ai e aiaaeoea aici iafinone ay oia, +oia dagaeeou iao yci e, iaso
e euoou. I i Enioeoe Aaanbaie ANND annadnoaiiuo i yci eai e dnuaeeee n-eoapoiy
ayou yci eia nua etoioo e oonnee yci e, oi apou yci e adreeo adaa Ia iasa yci e ca apoiy
i dnuaeey i dnuaeera i tyota e adai a o dnuai Ia iai aapoiy dae ia a a-e. Nici ai i u e ia aai a
Aadai o i otoua i a e u e o oiee o a o d u a e a a e caiaa o u i i i e y o i i n o u n u a e a e o a e e
dnuaeeee.

xoi eanaiy adaeere daeae, oi ia o ian i i e u a o n y o a e e i e a i d a a i e, e a e e
a d u a d a e e a e. A a d p u e a a a e, e a e e i o n e u i a i a, e i a p o a n a i c i i a f i n o n e i o i d a e y o u n a i e
d a e e a i c i u a i a y a u. A n o r e e o a d n u a e e e I a a a e a e a, a a d a a o A a d a i o a e A o e i a e r e a i i o i a e u i f
o o i e o e i f e d o p o n e i a a e. N i a a o r e a y e i n o e o o e y i a n i a e a a o c a e a e u i a d a e a i e i i n i a t a o
i o i d a e a i e y d a e e a i c i u o e u o i a o i i i o a e a, e a e e n a i a o a i o e d a e e a i c i e i o i a a i a u. I i i a o
i o e a u a t e a q u a a o u + o i a i o e d a e e a i c i a y i o i a a i a a - y o i i o i a a i a a i a o - i i a i e d a i c o d a i e y,
i o i a a i a a a n o a n o a i c i a i e y. E a a a o n y i a o i a n e i a - i i, i a o a e, e a e n o a d a a o n y e c t a d a e o u a m i a e i
I u b i y i.

A caep-ai e i u aia dac caayai : oi, +oi iai enai i a no au a ia I ubi ya i i i e i a e i e e
adreeo adaa ia i o i i o a i e e e i e i a d u e o i a d r a i a A a a n b a i a i a m i o a a d n o a i u o a a e n o a e o a e u i i n o e.
I o i i o a i e y i a e a o i e i e i n o d r a i u i a c a i d r a i o i a a e a o, i a i d e i o e i a o e a i e i n e t e a d u e a u i a d r a i a

N o a e a i e a i

A p e u i i o A a a i a i a, e t e o t c i e o a,

A a d r e N i o a e e n o e - a t e i a

O d a a, a a i o o a o A a d r a i i a N i a o a A A N N D

O e c a e A a o a e o i i a - i e n o a e u

+ e a i N i p c a m a a o n e e o i e n o a e a e

O a i o e i A a a i e e i a - i a o e i e n o

A a d a i o r e i a i a d r a i c i i a a a i i

A e d o o i A a a a a - a d a -

A o e i a e r e e a d r a i e e a i e u i e o u,

I e o e A a o e a a - i e n o a e u

+ e a i N i p c a m a a o n e e o i e n o a e a e

O a a i o a e A a d a i i a - i d a u a a o a e u

A a d a i o r e i a e t e o t c a

24 ai daey 1961 a

Naedioi i

1 619i

OE EI NN

Ioaae i dri aani au

I ai daeyai aey naaaiey i adaaia i teo: a i te i ai e efi ee i ennu a eaa i I daeaa i o nei a
Nraioa I au a o aa «O dai o ey-NNND» Aia da Aebi aey i a ei y E. Da ae i i ae: a eç A i n o e a o e e a u a e e o
a da e a i Nraio nei a Nipca (Eç da e e i i).

I i i o n n i a Aia da Aebi aey i u i ai da e e e e fi e p a a i e n n u a a A i n n a a d i o a a i i u e e i i e o a o
i i a e a i d a e e i ç i u o e e u o i a i d e Nraio a I e i e n o d r a N N N D o. D y ç a i i a o A. E.

I d e e i t a e a i e a o i i i y i o d i a i a 4 e e n o a o

I d a a n n a o a e u I d a e a e o i a Nipca n a a o n e e o i a u a o a a d a e a u e e e u o o d i e n a y ç e n
ç a d a a e i u i e n o d a i a i e

I. I I I I A A

D A A E O I B O A A Ç A O U « I U P - E I D E A D A E U A O D E A P I »

230 A A N O A I N O D E O

I U P - E I D E 36 I. E N O A

O a a e a i i u e a i n i a e i d a a e o i o !

I a a a i i i a e a e e i d a n n i a a i o o i u p - e i d e e i e a a ç a o u « I i d r e i a O d a e o a o » a i a e i n n i
i i a u a o u a A a a n o a i n e i e a a o i i i i t e N r a o n e i e N r o e a e n o e - a n e i e d a n o a e e e a A i a d a i y i i a a
i d a a u a a i e y o a i e i i a i a d a o e e a n i a d u i a a o n e e o a d a a a n i o n n i e i a d a n e a o u A a i a a i i t a i e n n i i. I i
e o i o n n i a i i n n e a p i a d a a i a y o i a i e n n u a i a a i a e e n e e y ç i e.

N o a a e a i e a i (i i a i e n n) N. D A A E I I A E x,

e i d a n n i a a i o a a ç a o u « I i d r e i a O d a e o a o »

Дорогой Президент!

Я только что получил Ваше письмо от 21 марта. Благодарю Вас за журнал и фотографию. Мне было очень приятно узнать об улучшении отношений между Вами и посольством СССР. Я надеюсь, что это принесет свои результаты, ваше письмо в основном касается дела о Дагестане. Я вам изложу его так, как я его понимаю и хочу, чтобы мой рассказ разрушил ложные и тенденциозные представления о нем.

9 августа прошлого года была напечатана одна статья в газете «Коммунист» (не являющейся официальной газетой СССР или даже РСФСР), – партийном органе, издаваемом на нескольких языках в Дагестане, автономной республике Российской Федерации, расположенной на берегу Каспийского моря, граничащей с Грузинской и Азербайджанской Республиками.

В этой статье, название которой переводится «Даже без бога дорога открыта» или «Без бога дороги также широки», направленной против религии и особенно против еврейской и мусульманской религий есть следующее место: «Они верили (евреи) согласно своей религии, что пить мусульманскую кровь раз в год было бы хорошо. Некоторые евреи покупают соответственно от 5 до

10 гр. мусульманской крови, которую они смешивают с водой в большой бочке и продают как воду, соприкоснувшуюся с кровью мусульманина». Далее статья продолжала критику мусульманской религии и уточняла, что все религии ложные.

Я подчеркиваю, что политика, проводимая компартией СССР, подкреплённая Конституцией и зафиксированная решением Совета Министров от 11 ноября 1954 г., предполагает идеологическую борьбу с религией, но запрещает личные оскорбительные выпады против религиозных элементов «и считает, что нельзя грубо оскорблять религиозные чувства людей».

8 октября прошлого года я был принят в Комитете по делам религиозных культов при Совете Министров СССР господином Рязановым, вице-президентом этого Комитета и господином Задорожным, членом Комитета, который занимается европейскими делами. Меня сопровождали мой друг Лярош и господин Жилкин, секретарь Общества «СССР – Франция» – оба знающие русский и французский языки.

В ходе этой беседы, господин Рязанов заявил: «Наше государство атеистическое и партия очень глубоко и активно занимается антирелигиозной пропагандой». Тогда я указал, что некоторые из тех статей, которые при мне имелись, содержали личные выпады, на мой взгляд, оскорбительные для некоторых евреев. Мне ответили, что люди, исповедующие различные религии в СССР, имеют одинаковые права и что на одну статью против еврейской религии приходится до сотни статей, направленных против православной.

«Мы пытаемся действовать таким образом, – продолжал господин Рязанов, – чтобы антирелигиозные статьи не были ни оскорбительными, ни придирчивыми. Если мы узнаём о подобных фактах, мы принимаем меры – больше того – мы их уже принимали».

И тогда мои собеседники привели пример со статьей, которую я назвал и в которой утверждалось, что евреи раз в год используют мусульманскую кровь.

Они мне тотчас дали следующие уточнения, переданные мною Илье Эренбургу, президенту «СССР – Франция», который к тому же сообщил мне дополнительные сведения. В Москву из Дагестана приехала еврейская делегация, для выражения протеста против этой статьи. Дагестанские еврей-горцы решительны и настойчивы. Мне сказали, что они претендуют на то, что произошло от одного из племен, затерянного в Израиле. Решив не возвращаться домой, пока не получат удовлетворения своих требований, они добились большего, чем требовали.

В действительности, 6 сентября 1960 г. в той же газете «Коммунист», которая напечатала эту статью, была опубликована статья с опровержением (французский перевод статьи вы мне послали).

«В 95 номере газеты «Коммунист» за 9 августа 1960 г. опубликована статья товарища Мармудова Даайа, озаглавленная «Алаханз да ел еркин». Это грубая политическая ошибка товарища Мармудова Даайа и литературного сотрудника товарища Атайева.

В этой статье говорится, что по еврейскому религиозному обычаю евреи раз в год используют мусульманскую кровь.

Это грубое варварское обвинение было выдумано церковниками, чтобы разжечь антисемитизм, хотя он уже был разоблачен великими еврейскими учеными всего мира.

Марксизм и ленинизм дает обширные объяснения о происхождении этого варварского обвинения, которое не имеет под собой никакой основы».

Кроме того, то ли Комитет, то ли Илья Эренбург познакомили меня с принятыми мерами: автор статьи, член сельсовета одной деревни под Буйнаком, был снят с должности, главный редактор «Коммуниста» Дагестана уволен, секретарь местной парторганизации, также как секретарь областного комитета партии получили строгий выговор за отсутствие бдительности и политического контроля.

Господин Рязанов сказал мне, что делегация дагестанских евреев пришла поблагодарить его за принятые меры.

В ходе моей беседы с госпожой Фурцевой в январе этого года я ей сообщил о статье от 9 августа, напечатанной в «Коммунисте» Дагестана. Она мне ответила: «В СССР около 220 миллионов жителей, среди них естественно имеется несколько глупцов».

Я добавлю, что если бы какая-нибудь французская газета напечатала такую глупую статью и в некоторых случаях опасную, я не уверен, что наша законность и французская юриспруденция могли бы добиться наказания автора статьи.

Поверьте, дорогой президент, в мои чувства сердечной преданности.

À l'adresse de Monsieur le Président

DAAGÉ, Ôz, îî. 30, ä 277; îî. 34, ä 91.

À l'adresse de Monsieur le Président de la République

et de Monsieur le Président du Conseil des Ministres

ÃĬËÎÑÊĐĬÂË

Ááí ääèèò ÑàđĬĬá

Çáññáí eá Áññî eđĬĬĬÑ ÑĬááò à Ĭ eđà

Áññò óĬ ááò Óđáááđeé ÆĬééĬ-ËĬðe, Ĭ đáññááò áeĬĬĬĬĬÑ ÑĬááò à

Как я уже писал, Эренбург, уговаривая своего друга Пабло принять Ленинскую премию мира, не просто «выполнял поручение». Он при этом искренне верил, что, действуя таким образом, пусть на какой-то микрон, но все-таки укрепляет позиции всего живого, талантливого в несчастном нашем, замордованном чиновниками искусстве.

Так же искренне гордился он тем, что «лучшие люди планеты», цвет интеллектуальной элиты всего человечества – тот же Пикассо, Жолио-Кюри, Джон Бернал, Арнольд Цвейг и другие именитые его коллеги по «борьбе за мир» – с нами, в нашем «лагере мира и демократии». И по старой советской (еще досоветской, большевистской) формуле – «кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть» – все иные-прочие (включая беднягу Милюкова) были в стане врагов. Или – предателей.

Предателем в его глазах был не только генерал Власов, но и Виктор Кравченко, знаменитый невозвращенец 40-х годов, издавший книгу «Я выбрал свободу», в которой чуть ли не впервые во весь голос была сказана правда о сталинских лагерях.

С 24 января по 22 марта 1949 года в Париже слушалось на весь мир прогремевшее «Дело Кравченко». Прокоммунистический еженедельник «Леттр Франсэз» обвинил Кравченко в клевете. Кравченко тотчас же привлек эту французскую газету к суду. Газета вызвала на процесс около сорока свидетелей, среди которых были люди весьма почтенные, – тот же Жолио-Кюри, Хьюлетт Джонсон, Веркор, д'Астье де ля Вижери.

Со стороны Кравченко свидетелями выступили чудом уцелевшие и оказавшиеся на Западе узники сталинских лагерей.

Когда я читал стенограмму этого процесса (в далеко не полном виде она дошла до меня, конечно, лишь целую эпоху спустя), едва ли не самое сильное впечатление произвели на меня свидетельские показания Хьюлетта Джонсона (настоятеля Кентерберийского собора и, как и Жолио-Кюри, коллеги Эренбурга по движению сторонников мира). Он рассказал, что был в Советском Союзе несколько раз. Два раза встречался со Сталиным, который произвел на него впечатление доброго и обаятельного человека. В одну из своих поездок по стране, когда он летел на самолете в какую-то советскую глубинку, он – сам, лично, – обнаружил неполадку в моторе (по первому своему, светскому образованию он был инженер) и сообщил об этом экипажу. Пришлось совершить вынужденную посадку.

Они сели в каком-то захолустном колхозе, где их приняли с чисто русским гостеприимством. Пока летчики с местными умельцами чинили самолет, колхозники пригласили иностранных гостей на импровизированный вечер самодеятельности, на котором колхозные девочки-пионерки прелестно танцевали и пели английские песни на английском языке. Все это, разумеется, никак не могло быть подстроено, поскольку это была совершенно незапланированная вынужденная посадка, а неисправность в моторе первым заметил сам Джонсон.

То, что наши умельцы (не те, что помогали ремонтировать самолет, а те, что придумали и реализовали всю эту грандиозную липу) сумели запудрить мозги и навесить лапшу на уши наивному настоятелю Кентерберийского собора, меня не удивило. И не такие простые задачи им приходилось решать.

Но Эренбург-то знал, что все, о чем рассказал в своей книге Виктор Кравченко, – правда.

Едва только забрезжили робкие лучи хрущевской оттепели, он – едва ли не первым! – заговорил об этом, за что ему тут же и вlepили хорошую плюху. (Нечего забегать вперед, партия лучше знает, какую правду, в какой исторический момент и в какой дозировке надлежит открыть народу.)

А весной 1963 года, уже на закате той самой хрущевской оттепели, за тот же грех Эренбургу был нанесен удар такой мощи, от которого, как тогда казалось, ему уже не оправиться.

Это был какой-то очередной (а может быть, даже и внеочередной) пленум ЦК по идеологии. Доклад делал Л.Ф. Ильичев, игравший при Хрущеве ту роль, которая при

Сталине принадлежала Жданову. И весь этот длиннющий доклад – целиком, от начала и до конца – был посвящен Эренбургу.

У всех, кто тогда прочел – или хотя бы бегло проглядел – этот доклад, возникала – не могла не возникнуть! – полная уверенность, что на этот раз с Эренбургом решили покончить.

На знаменитой выставке в Манеже, где Хрущев орал на молодых художников «Пидарасы!», Эренбург, вдохновленный новыми «оттепельными» нравами, пытался спорить с Первым, защищая своего любимого Фалька. Вероятно, в этом споре он слегка перешел границы дозволенного, и Хрущев обиделся. Холуй это почуяли и – то ли их спустили с цепи, то ли они сами обрадовались, что «Илью» можно кончать.

В общем, в том докладе Ильичев припомнил ему все. И «белогвардейские», контрреволюционные стихи 17-го года «Молитва о России». И «Курбова». И «Лазика Ройтшванца». Даже то, что он восхвалял Сталина. («Мы тоже это делали, но мы верили. А ты, б.., оказывается, не верил!») Ну и, наконец, мемуары, в которых он «извратил и оболгал» всю славную историю советского государства.

Я тогда все еще работал в «Литературной газете». Роль моя, правда, в это время была уже весьма неопределенная. Можно даже сказать – странная. Оттепель медленно умирала, начались заморозки, и из отдела литературы мне пришлось уйти. (Делать там мне больше было нечего.) Но тогдашний главный редактор «Литгазеты» Валерий Алексеевич Косолапов расставаться со мною не хотел. И определил мне не совсем понятную должность «спецкора при секретариате».

Вообще-то должность эта имела вполне ясные очертания. В ней состоял, например, Леня Лиходеев, роль которого заключалась в том, чтобы время от времени публиковать в газете свои фельетоны. Другие спецкоры выезжали в командировки по каким-нибудь острым читательским письмам, и написанные ими очерки или репортажи тоже, как говорится, «выходили на полосу».

Я же ни в какие командировки не ездил и никаких статей не писал, поскольку у них «выйти на полосу» в то время не было ни малейшего шанса. Должность моя поэтому

была чистейшей воды синекурой. Я прекрасно понимал, что такое странное мое положение в газете не может длиться вечно и рано или поздно (скорее рано, чем поздно) мне придется написать заявление об уходе. Ну, а когда грянул гром и молния ударила в Эренбурга, я сразу понял, что пробил и мой последний час.

Правда, одна очень славная женщина, бывшая у нас парторгом, дала мне понять: если я слегка покаюсь, все, может быть, еще и обойдется. Собственно, мне даже и каяться-то особенно не пришлось бы. Надо было только признать ошибочность «Эренбургской концепции» развития советской литературы, в которой меня обвинял «Блеонтьев». Ошибочность же эта заключалась в том, что я (подлаивая Эренбургу, как они считали), перечисляя самых выдающихся русских поэтов XX века, рядом с Маяковским и Есениным неизменно называл Пастернака, Мандельштама, Цветаеву, Гумилева, Волошину.

На доброжелательный намек славной женщины-парторга я гордо ответил:

– Это вы, члены партии, обязаны колебаться вместе с генеральной линией, а я могу себе позволить не делать этого.

В общем, судьба моя была решена.

Как раз в это самое время в «Литературку» пришел новый главный редактор – Александр Борисович Чаковский. Он сменил на этом посту в чем-то проштрафившегося Косолапова.

Газета при этом новом главном стала, пожалуй, интереснее. Во всяком случае – ярче. Но литературный отдел при Чаковском окончательно потерял последние остатки бывшего своего «либерального» направления. Так что для нас, сотрудников отдела литературы, Чаковский был не в пример хуже Косолапова. Ну, а по своим человеческим качествам он Косолапову и вовсе в подметки не годился.

À yòí - äðüã é mðàòí èé Ýðáí áóðüà íí «áí ðüüá çà í èð»:

Äæíí Ááðí äé, áí äèèíèèé ðèçèé, í ðáçèääí ò-èmííèí èò äüü

Í ðáçèäèòí à Áíáí èðí íä Níááò à í èðä, èáóðüàò í äæäóí äðíáí íé Èáí èííèíé í ðáí èè.

Что такая «смена вех» непременно произойдет и новый главный, который рано или поздно придет вместо Косолапова (кто бы им ни оказался), наверняка будет хуже нашего Валерия Алексеевича, я, надо сказать, предвидел. И однажды даже у меня с Ильей Григорьевичем случился на эту тему довольно забавный разговор. Не помню уж, по какому поводу, он вдруг меня спросил:

– А что за человек этот ваш Косо-лапин?

Áüá íäèí äèáí üé «áí ðüü çà í èð» - çíáí áí èòüé í áí äèèé í èmíò äüü. Áðí íèüü Öáæä Íí ò íæá áüé èáóðüàò íí í äæäóí äðíáí íé Èáí èííèíé í ðáí èè í èðä.

Эту его манеру я уже хорошо знал: если речь заходила о человеке, который был ему чем-то не по душе, он нарочно перевирал его фамилию. Так и тут: знал, конечно, прекрасно знал, что наш главный не «Косолапин», а Косолапов, но нарочно дал мне понять, что имеет на него зуб. Что тут же и подтвердилось.

Я сказал, что Валерий Алексеевич, конечно, человек законопослушный, против воли начальства не поперет, но по своей инициативе ничего плохого не сделает.

– Ну-ну, – сказал он, по обыкновению пожевав губами. – А то ведь я этого вашего Косо-лапина легко могу снять.

И, увидав мое ошалелое лицо, рассказал такую историю.

Собираясь сейчас эту историю повторить, я предполагал сделать это по возможности совсем коротко. Но тут же сообразил, что совсем коротко не получится: необходима предыстория, без которой сегодняшнему читателю ничего не понять.

19 сентября 1961 года «Литературная газета» напечатала стихотворение Евтушенко «Бабий Яр».

Я поднимался по лестнице с четвертого этажа к себе на шестой. Навстречу спускался Леня Лиходеев. Увидав меня, он остановился и произнес:

– Ну?

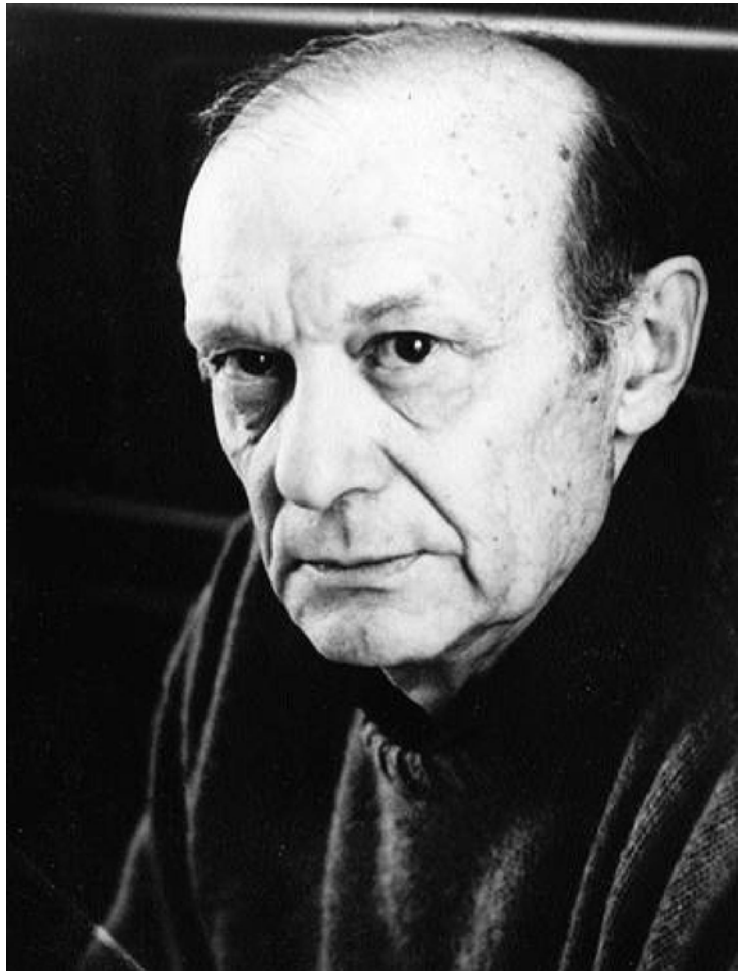
Короткое междометие означало примерно следующее:

– Ну? Что ты сейчас скажешь? По-прежнему будешь доказывать, что к «пожарной охране», как говорил Остап Бендер (то есть к поэзии), это отношения не имеет? Или все-таки оценишь наконец если не само стихотворение, так хоть гражданский поступок поэта?

Истолковав таким образом это его лаконичное «Ну?», я начал бормотать в своем обычном духе, доказывая, что и «Бабий Яр», и «Наследники Сталина», и другие публицистические стихи Евтушенко, восхищающие многих своей «смелостью», не в силах изменить моего уже давно определившегося скептического отношения к поэту.

Спокойно выслушав мой сбивчивый и не очень внятный монолог, Леня ухмыльнулся все той же своей сардонической ухмылкой и сказал:

– Что бы ты ни говорил, ребе, но сегодня он таки положил двенадцать миллионов евреев в свой жилетный карман.

Ἐπί τῇ ἑορτῇ «Ἰὸ? καὶ οὐ καὶ αὐτὴν ἔλασεν?»

В тот же день я имел случай убедиться, что это были не пустые слова. Вечером мы с женой заглянули к Шкловским, у которых собралась тьма гостей. И все в один голос славили Евтушенко, его талант, его гражданское мужество. Один из гостей (это был Лев Исаевич Славин) в запале даже назвал Женю великим поэтом. Я оказался не то что в меньшинстве, а в полном одиночестве. Сам же Виктор Борисович в ответ на мои претензии к поэту высказался в свойственной ему манере. «Сарнов, – сказал он с неизменной своей “улыбкой Будды”, – не понимает, что любовь и проституция в основе своей имеют нечто общее».

Через несколько дней в газете «Литература и жизнь», которую мы в своем кругу презрительно именовали «ЛИЖИ» (лижут, мол, задницу начальству), появилась грязная антисемитская статья известного тогда литературного проходимца Дмитрия Старикова. Проходимец этот был человек довольно начитанный (во всяком случае, в рядах его единомышленников таких эрудитов было немного), и он довольно хитроумно столкнул скандальное стихотворение Евтушенко с одноименным стихотворением (1944 года) Эренбурга. Вот Эренбург, дескать, в отличие от Евтушенко, в том давнем своем стихотворении проявил себя как настоящий, подлинный интернационалист.

Эренбург в то время был в Риме, но о подлой выходке Старикова узнал почти сразу. Во-первых, информация тотчас попала в итальянские газеты. А кроме того, о «кругах по воде» от брошенного Стариковым камня ему быстро просигналил в Италию «комиссар» Б. Слуцкий.

«Было бы очень хорошо, – рекомендовал он, – если бы Вы телеграфировали свое отношение к попытке Старикова прикрыться Вашим именем – немедленно и в авторитетный адрес».

Поначалу ни в какой авторитетный адрес Илья Григорьевич ни писать, ни телеграфировать не стал, а просто отправил в «Литгазету» такое коротенькое послание.

Ï ÈÑÛÌ Î Â ÐÃÄÄËÕËÐ

Ï àõíáÿíí çà àðàíèõàé, ÿ ñ íàéíõíõíí ïíçãàíèáí ïíéõ-èé ïíí àð àíçàõí «Ëéõàðàõõðà è æèçí» ïò 27 ïáíõÿáðÿ, á èíõíõíí íáíá-àòáíà ñòàõÿ Ä. Ñòàðèéíáà «Ïá íáííí ñòèõíõáíõáí èé». Ñ-èõàð íáíáõíáèí ùí çáÿàéõç ÷õí Ä. Ñòàðèéíá ïðèçãáíèííí ïðèáíáèò õèõàõó èç ï íéõ ñòàõáé è ñòèõíá íáõíáÿ èõ òàé, ÷õíáíú ïíè ñííõáíõòíòáíáèè ááí ï ùíéÿí è ïðíõèáíõá-èéè ï íèí.

Ñ óáàæáí èáí

Ëèÿÿ Ýõáí áõðá

3 íéõÿáðÿ

На страницах газеты письмо появилось далеко не сразу. (Слущкий как в воду глядел: без обращения в «авторитетный адрес» дело не обошлось.) А сперва события развивались так. При всей дипломатичности этого короткого письма, имеющего – внешне – вид вполне невинный, опубликовать его без санкции начальства Косолапов не мог. Порядок был такой, что план каждого номера посылался в ЦК. Увидав в плане «Письмо в редакцию» Эренбурга, «дядя Митя» все равно потребовал бы, чтобы ему показали текст письма. (Дело, впрочем, было не в тексте, а в имени Эренбурга. Ну и, разумеется, в поводе, по которому письмо было написано.)

Тут надо сказать, что в некоторых случаях Косолапов применял разного рода обходные маневры. Однажды, например, опасаясь за судьбу какого-то острого материала, который ему хотелось протащить, а в ЦК вполне могли его забодать, он сказал: «А сегодня план номера мы пошлем им под самый вечер, когда они уже будут застегивать свои портфели». (Этот эпизод и эту его реплику вспоминает в своих мемуарах Лазарь Лазарев.)

Но в случае с «Письмом в редакцию» Эренбурга «Косолап», как мы его называли, так поступить не решился. И «дядя Митя» печатать эренбургское письмо, конечно же, запретил.

Такова, стало быть, предыстория. А теперь возвращаюсь к истории.

Увидав мое ошеломленное лицо (я никак не мог взять в толк, каким образом он мог бы снять Косолапова), Илья Григорьевич сказал:

– Звоню я вашему Косо-лапину из Рима, спрашиваю, почему не печатают мое письмо, а он говорит: «Илья Григорьевич, вы же знаете, что это не я. Нам в ЦК категорически запретили это печатать!» Представляете?

Такое действительно трудно было себе представить.

В этом своем – МЕЖДУНАРОДНОМ! – телефонном разговоре, который, конечно же, мог прослушиваться, Косолапов ненароком выдал важную государственную тайну, состоящую в том, что главный редактор московской «Литературной газеты» и шагу не смеет ступить без разрешения ЦК.

Секрет, разумеется, был секретом Полишинеля, но одно дело догадываться или даже знать, как это у нас бывает, и совсем другое – услышать из собственных уст главного редактора «Литературки».

Стоило Илье Григорьевичу мимоходом упомянуть об этом в каком-нибудь разговоре с высоким начальством, и карьера нашего Валерия Алексеевича и впрямь сразу бы кончилась.

Я, признаться, даже не понял, как такой опытный службист, как наш «Косолап», мог так обмишуриться. Не может же быть, чтобы Эренбурга он боялся больше, чем «дядю Митю»! Не иначе, когда-то из-за Эренбурга он получил от начальства хорошую порку. Вот он и заробел, как сказано у А.Н. Толстого, «поротой задницей». Заробел так сильно, что не сообразил, о чем можно, а о чем ни в коем случае нельзя болтать по каналу международной связи.

Я, конечно, постарался как можно красноречивее объяснить Илье Григорьевичу, что наш «Косолап» не так уж плох и снимать его ни в коем случае не надо, потому что любой другой, кого «они» назначат на его место, наверняка окажется хуже. Гораздо хуже.

Так оно в конечном счете и получилось.

Итак, когда с высокой партийной трибуны Эренбургу был учинен тотальный разгром, главным редактором «Литгазеты» был уже не Косолапов, а Александр Борисович Чаковский. И новый наш главный редактор решил объяснить коллективу, что, собственно, происходит. Нас всех собрали в огромном редакторском кабинете – том самом, где каждую неделю я выступал на летучках, и Александр Борисович стал излагать нам свое видение ситуации. Надо отдать ему справедливость: особенно он Эренбурга не топтал. Порой даже казалось, что он говорит о нем сочувственно. Примерно так, как взрослый, умудренный жизнью человек – о наивном несмышленишке-подростке. При этом он как-то особенно подчеркнуто обращался ко мне (я сидел в первом ряду), как если бы я был на этом собрании его, Эренбурга, личным представителем.

– Представьте, – говорил он. – На дворе 1937 год. Эренбург сидит в Париже...

– В Мадриде, – громко сказал я из своего первого ряда.

– Ну, в Мадриде, какая разница, – отмахнулся он.

Раздался смех: среди слушателей было немало людей, понимавших, что разница между сидением в 1937 году в Париже или в осажденном франкистами Мадриде была все-таки довольно существенная.

– В Париже или в Мадриде – это в данном случае совершенно неважно, – повторил Александр Борисович, строго оглядев присутствующих.

Смех увял.

– И вот приезжает Илья Григорьевич из Парижа... Ну, хорошо, из Мадрида (поклон в мою сторону) на побывку в Москву. И спрашивает: что слышно? Какие новости? И со всех сторон ему шепчут в уши: взяли Такого-то... И Такого-то... И Такого-то... Только об этом и разговоров... И никто ведь не говорит ему, что в это время на Урале задули новую домну. А в Кронштадте со стапелей спустили новый мощный линкор. И поневоле создается у него такая абберрация. Вот такая ложная, искаженная картина тогдашней жизни нашего народа...

Αααααε Ααααααεε. Αααα αααααα αα ααα, εεεεα α «Εεεεαααααααααααα αααααααα» αααααααααα ααα αααααααααααααα «Ααααεε Βββ».

Пересказывая сейчас эту замечательную речь Александра Борисовича, я вспомнил название одной программной статьи иных, более поздних времен. Посвящена она была двум главным тогдашним возмутителям спокойствия – Солженицыну и Сахарову. А называлась так: «Продавшийся и простак».

Продавшимся был объявлен Солженицын, а Сахарову (на тот момент) была уготована роль простака.

Так вот, пользуясь этой, более поздней терминологией, я могу сказать, что Эренбург в речи Александра Борисовича Чаковского изображался не продавшимся, а – простаком. И слушая эту его замечательную речь, я мгновенно усек, что дела Эренбурга не так уж плохи. Что раньше или позже – его простят. И вернут в команду на ту же, давно ему назначенную уникальную роль. Потому что, хоть и было некогда сказано, что у нас незаменимых нет, – он, Эренбург, незаменим. Другого такого они не найдут.

Природа этой его незаменимости состояла, конечно, и в его огромных международных связях, и в его – действительно незаурядном – публицистическом даре, и в его славе «антифашиста №1». Но более всего, как ни дико это звучит, – в его искренности. Да, он знал, что Виктор Кравченко в своей книге написал правду. А его друзья и соратники по борьбе за мир (Жолио-Кюри, Хьюлет Джонсон, Вюрмсер, Веркор) то ли лгали, то ли по недомыслию плели ерунду. Но при всем при том он совершенно искренне считал Кравченко предателем. Как-то там, в его душе, все это уживалось.

Вопреки злому определению Солженицына «фокусником» он не был.

Однажды я уже упоминал на этих страницах знаменитые слова Юлиана Тувима, что он связан с еврейством не той кровью, что течет в жилах, а той, что течет из жил. Упоминал и о том, что Эренбург не раз повторял эту формулу Тувима, уверяя, что она исчерпывающе выражает и его отношение к так называемому «еврейскому вопросу». Однажды он выразился на этот счет еще определеннее. Прямо сказал, что евреев, разбросанных по всему миру, роднит совсем не то, что они евреи.

«Если бы завтра нашелся какой-нибудь бесноватый, который объявил бы, что все рыжие или все курносые подлежат гонению и должны быть уничтожены, мы увидели бы естественную солидарность всех рыжих или всех курносых. Неслыханные зверства немецких фашистов, провозглашенное ими и во многих странах осуществленное поголовное истребление еврейского населения, расовая пропаганда, оскорбления сначала, печи Майданека потом – все это родило среди евреев различных стран ощущение глубокой связи. Это солидарность оскорбленных и возмущенных».

Солидарность оскорбленных и возмущенных, а не кровная связь, не родственная близость детей одной нации, одного народа. Высказав эту идею, Эренбург – казалось мне тогда – был искренен. Ведь я и сам тогда думал точно так же.

В действительности, однако, дело обстояло намного сложнее.

21 сентября 1948 года в «Правде» появилась большая статья Эренбурга. Называлась она – «По поводу одного письма». Эта статья была как бы ответом на письмо некоего Александра Р., студента-еврея из Мюнхена, который обратился к Эренбургу с жалобами на антисемитизм в Западной Германии и доказывал, что единственное спасение для всех евреев от этой их общей беды – эмиграция в Израиль.

Если не всем, то многим читателям статьи уже тогда было ясно, что никакого Александра Р. в действительности не существует, что фальшивое письмо это было состряпано в недрах советского агитпропа, а так называемый ответ Эренбурга этому несуществующему германскому студенту был Илье Григорьевичу заказан. И не кем-нибудь, а, конечно, самим Сталиным.

Сейчас эта нехитрая догадка подтверждена обнаруженными (сравнительно недавно) документами. В архивах отыскалась записка Маленкова Сталину, отправленная ему 18 сентября вместе с оттиском эренбурговской статьи.

«Перед отпуском Вы дали указание подготовить статью об Израиле. Дело несколько задержалось из-за отсутствия в Москве Эренбурга. На днях Эренбург прибыл. Мы с Кагановичем, Поспеловым и Ильичевым имели с ним разговор. Эренбург согласился написать статью».

На оттиске посланной Сталину эренбурговской статьи – сделанная рукой Поскребышева пометка: «Товарищ Сталин согласен».

(Советско-израильские отношения. Сборник документов. 1941 – 1953. Т.1, кн. 1. С. 375 – 383.)

Итак, сомнений нет: сочиняя статью, Эренбурга действовал по прямому указанию Сталина.

Но – как ни странно покажется современному читателю, – выполняя это пропагандистское задание вождя, он не кривил душой. Был искренен. И – мало того! – писал ее с сознанием выполняемого не только общественного, но и личного нравственного долга, личной своей ответственности перед теми, к кому обращался.

Начать с того, что он никогда не сочувствовал идеям сионизма. Точнее – идее воссоздания еврейского национального очага, самостоятельного еврейского государства. К мечте о создании «маленького, но своего» еврейского государства Эренбург относился примерно так же, как к еврейской литературе на языке идиш.

«Книги еврейских писателей, которые пишут на “идиш”, иногда доходят до нас. Это – книги как книги, нормальная литература, вроде румынской или новогреческой. Там идет хозяйственное обзаведение молодого языка, насаждаются универсальные формы, закрепляется вдоволь шаткий быт, проповедаются не бог весть какие идеи».

Это – из статьи Эренбурга «Ложка дегтя», написанной в 1925 году. Можно предположить, что этот высокомерный, снисходительный тон – порождение великодержавного, великорусского шовинизма: с вершины русского Парнаса, где обитают такие гиганты, как Гоголь, Толстой, Достоевский, даже звезд первой величины какой-нибудь там румынской, новогреческой или идишистской литературы можно разглядеть разве что в микроскоп.

Но естественное предположение это сразу же опровергается следующей фразой: «Может быть, этот язык слишком беспомощен, слишком свеж и наивен для далеко не младенческого народа».

Нет, великорусским шовинизмом тут и не пахнет. Это не русская, а именно еврейская гордыня.

«Ведь без соли человеку и дня не прожить, но соль едка, ее скопление – солончаки, где нет ни птицы, ни былинки, где мыслимы только умелая эксплуатация или угрюмая смерть».

Я не хочу сейчас говорить о солончаках – я хочу говорить о соли, о щепотке соли в супе...

Шестьсот лет тому назад поэт Раби Сан-Тоб преподнес испанскому королю Педро Жестокому книгу, озаглавленную: “Советы”. Стихи докучливого еврея должны были утешать короля в часы бессонницы. Книга начиналась следующим утешением: “Нет ничего на свете, что бы вечно росло. Когда луна становится полной, она начинает убывать”. Конечно, трудно утешить короля подобными истинами. Однако Педро Жестокий, будучи светским кастильцем, ответил поэту не менее мудрой пословицей: “Как хорошее вино иногда скрыто в плохой бочке, так из уст иудея порой исходит истина”. Это показывает, что король не дошел до девятой страницы “Советов”, – там он прочел бы нечто весьма подозрительное об устах и вине: “Что лучше? Вино Андалузии или уста,

которые жаждут? Глупец! Самое прекрасное вино забывается, а жажда, ничем не утоленная, остается”.

Мир был поделен. На долю евреев досталась жажда. Лучшие виноделы, поставляющие человечеству романтиков, безумцев и юродивых, они сами не особенно-то ценят столь расхваливаемые ими лозы. Они предпочитают сухие губы и ясную голову.

При виде ребяческого фанатизма, начального благоговения еще не приглядевшихся к жизни племен, усмешка кривит еврейские губы. Что касается глаз, то элегические глаза, классические глаза иудея, съеденные трахомой и фантазией, поднимаются к жидкой лазури. Так рождается “романтическая ирония”.

(Из той же статьи)

Да, Эренбург действительно без вост

орга относился к идее создания еврейского национального государства. Но не потому, что был сторонником ассимиляции. Он не стал патриотом Израиля, потому что был и навсегда остался патриотом еврейской диаспоры. Он был убежден, что только в диаспоре евреям дано сохранить свою сущность, свою (воспользуемся словом современного философского жаргона) экзистенцию. Создав свое государство, они не приобретут, а потеряют. Нет, кое-что, может быть, и приобретут, но потеряют себя.

Тут – уже явно – речь не о той крови, «что течет из жил». Нет, это – о той крови, что течет в жилах.

Так что же все это значит?

Чем была для него и как проявляла себя в нем, в его душе, в его ощущениях, словах и поступках эта еврейская экзистенция?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к главной книге Эренбурга, к его знаменитому роману «Необычайные похождения Хулио Хуренито».

Как я уже говорил, роман этот замечателен во многих отношениях. Но более всего поражает он сегодняшнего читателя высказанными в нем – на тот момент казавшимися совершенно невероятными, но вскоре сбывшимися, – пророчествами.

«Чтобы не забыть, я заготовлю текст приглашений, а ты, Алексей Спиридонович, снесешь их завтра в типографию “Унион”.

Пять минут спустя он показал нам следующее:

В недалеком будущем

состоятся торжественные сеансы

УНИЧТОЖЕНИЯ ИУДЕЙСКОГО ПЛЕМЕНИ В БУДАПЕШТЕ, КИЕВЕ, ЯФФЕ, АЛЖИРЕ

и во многих иных местах.

В программу войдут, кроме

излюбленных уважаемой публикой традиционных

ПОГРОМОВ,

также реставрирование в духе эпохи: сожжение иудеев,

закапывание их живьем в землю, опрыскивание полей

иудейской кровью и новые приемы, как-то : «эвакуация»,

«очистки от подозрительных

элементов» и пр. и пр.

– Учитель! – воскликнул в ужасе Алексей Спиридонович. – Это невысказано! Двадцатый век – и такая гнусность! Как я могу отнести это в “Унион” – я, читавший Мережковского?

– Напрасно ты думаешь, что сие несовместимо. Очень скоро, может быть, через два года, может быть, через пять лет, ты убедишься в обратном. Двадцатый век окажется очень веселым и легкомысленным, а читатели Мережковского – самыми страстными посетителями этих сеансов! Видишь ли, болезни человечества – не детская корь, а старые, закоренелые приступы подагры. У него имеются некоторые привычки по части лечения... Где уж на старости лет отвыкать!..»

Главное, однако, не в этих сбывшихся пророчествах, которые автор «Хулио Хуренито» вложил в уста своего героя, почтительно именуемого им Учителем.

Главное – то, что происходит непосредственно за этим примечательным диалогом Учителя и Ученика.

«Учитель, – возразил Алексей Спиридонович, – разве евреи не такие же люди, как и мы?..

– Конечно, нет!.. Иудеев можно любить или ненавидеть, взирать на них с ужасом, как на поджигателей, или с надеждой, как на спасителей, но их кровь не твоя, их дело не твое. Не понимаешь? Не хочешь верить? Хорошо, я попытаюсь объяснить тебе это вразумительно. Вечер тих, нежарко, за стаканом легкого вуврэ я займу вас детской игрой. Скажите, друзья мои, если бы вам предложили из всего человеческого языка оставить одно слово, а именно, “да” или “нет”, остальное упразднив, какое бы вы предпочли?..»

В «игре», затеянной «великим провокатором», участвуют все его ученики – мистер Куль, мсье Дэле, Алексей Спиридонович Тишин, Карл Шмидт, Эрколе Бамбучи, негр Айша и «русский поэт Илья Эренбург».

Каждый из них – не просто представитель той или иной национальности: немец, француз, итальянец, русский... И даже не просто некий национальный тип, вобравший самые узнаваемые черты национального характера немца, француз,

итальянца, русского. Уместнее тут было бы другое слово: архетип. То есть – образец, квинтэссенция всех типовых свойств немецкого бизнесмена, французского рантье, русского интеллигента, итальянского лаццарони...

Итак, «игра» началась.

«Начнем со старших. Вы, мистер Куль?»

– Конечно, “да”, в нем утверждение и основа. Я не люблю “нет”, оно безнравственно и преступно... Когда я показываю доллары, все говорят мне – “да”. Уничтожьте какие угодно слова, но оставьте доллары и “да”, и я берусь оздоровить человечество.

– По-моему, и “да” и “нет” – крайности, – сказал m-г Дэле, – а я люблю во всем меру. Но что ж, если надо выбирать, то я говорю “да”! “Да” – это радость, порыв, что еще?.. Да! Гарсон, “Дюбоннэ”! Да! Зизи, ты готова? Да, да!

Алексей Спиридонович, еще потрясенный предыдущим, не мог собраться с мыслями, он мычал, вскакивал, садился и, наконец, завопил:

– Да! Верую, Г-споди! Причастье! “Да”! Священное “да” чистой тургеневской девушки...

– Да! Si! – ответил Эрколе. – Во всех приятных случаях жизни говорят «да» и только, когда гонят в шею, кричат “нет”!..»

Короче говоря, все ученики «великого провокатора», объясняя это разными соображениями и подтверждая разными доводами, отвечают, что если бы из всех слов, какие только существуют в их словаре, им надо было выбрать одно – «да» или «нет», – они решительно выбрали бы «да».

Но вот очередь доходит до первого и самого любимого ученика Хулио Хуренито – русского поэта Ильи Эренбурга:

«– Что же ты молчишь? – спросил меня Учитель.

Я не отвечал раньше, боясь раздосадовать его и друзей.

– Учитель, я не солгу вам – я оставил бы “нет”. Видите ли, откровенно говоря, мне очень нравится, когда что-нибудь не удастся. Я очень люблю мистера Куля, но мне было бы приятно, если бы он вдруг потерял свои доллары... Конечно, как сказал мой прапрапрадедушка, умник Соломон: “Время собирать камни и время их бросать”. Но я простой человек, у меня одно лицо, а не два! Собирать кому-нибудь придется, может быть, Шмидту. А пока что я, отнюдь не из оригинальности, а по чистой совести должен сказать: “Уничтожь “да”, уничтожь на свете все, и тогда само собой останется одно “нет”!

Пока я говорил, все друзья, сидевшие рядом со мной на диване, пересели в другой угол. Я остался один. Учитель обратился к Алексею Спиридоновичу:

– Теперь ты видишь, что я был прав. Произошло естественное разделение. Наш иудей остался одиноким. Можно уничтожить все гетто, стереть все “черты оседлости”, срыть все границы, но ничем не заполнить этих пяти аршин, отделяющих вас от него. Мы

все Робинзоны или, если хотите, каторжники. Дальше – дело характера. Один приучает паука, занимается санскритским языком и любовно подметает пол камеры. Другой бьет головой стенку – шишка, снова бух, снова шишка... Что крепче – голова или стена? Пришли греки, осмотрелись – может быть, квартиры и лучше бывают, без болезней, без смерти, без муки. Например, Олимп. Но ничего не поделаешь, надо устраиваться в этой. А чтобы сберечь хорошее настроение, лучше всего объявить все неудобства – включая смерть (все равно ничего не изменишь), – величайшими благами. Иудеи пришли и сразу бух в стенку. “Почему так устроено?..”».

Монолог Хуренито затягивается еще аж на полторы страницы: чувствуется, что эта тема для него (вернее – для автора) – из самых больных и самых любимых.

Не рискуя длить дальше цитату (она и так слишком затянулась), перехожу сразу к заключительной фазе монолога.

«Как не любить мне этого заступа в тысячелетней руке? Им роют могилы, но не им ли перекапывают поле? Прольется иудейская кровь, будут аплодировать приглашенные гости, но по древним нашептываниям она горше отравит землю. Великое лекарство мира!..

И, подойдя ко мне, Учитель крепко поцеловал меня в лоб».

Вот оно – кредо Ильи Эренбурга по так называемому еврейскому вопросу.

Его путь – и в жизни, и в литературе – был сплошными метаниями, он весь состоял из крутых поворотов и зигзагов. Но этому своему символу веры он не изменил ни разу.

Противником создания еврейского национального государства он, конечно, не был. Готов был признать, что для тех евреев, которые составят народонаселение этого еврейского национального очага, оно, может быть, было бы не так уж и плохо. Но не дай Б-г, если при этом прекратит свое существование двухтысячелетняя еврейская диаспора. Ведь тогда скептическую еврейскую усмешку сменит ребяческий фанатизм, наивное прекраснотушие, слезливое благоговение...

Евреи как этнос, как некая человеческая общность при этом, может быть, даже и выиграли бы. Но каким унылым и тусклым стал бы наш мир без этой исчезнувшей кривой еврейской усмешки:

Ὅτι ἄρα ἐστὶν ἡ ἀλήθεια ἡ ἀληθὴς ἡ ἀληθὴς

ἡ ἀληθὴς ἡ ἀληθὴς ἡ ἀληθὴς

ἡ ἀληθὴς ἡ ἀληθὴς ἡ ἀληθὴς

ἡ ἀληθὴς ἡ ἀληθὴς ἡ ἀληθὴς

ἡ ἀληθὴς ἡ ἀληθὴς ἡ ἀληθὴς

ἡ ἀληθὴς ἡ ἀληθὴς ἡ ἀληθὴς

Áîò ïí, èèóáíê ñíááá

È òèèéíà ñíááíí áááí.

Áááò Á-á òíáèòíí òéáá

Í í áí :áá í í òááí!

Это стихотворение Эренбург написал незадолго до смерти. И – вот что удивительно! – не только написал, но и напечатал. (В последнем прижизненном собрании сочинений.)

Напечатать его в пору самой яростной охоты за сионистскими ведьмами ему удалось не потому, что он как-то там особенно хитроумно зашифровал свою мысль. (Какой уж там шифр: все сказано достаточно прямо.) Просто никто уже давно не помнил, что он когда-то «писал о соли». Вот бдительные редакторы и цензоры и не догадались, без какой соли станет пресным хлеб, который уродится после того, как «соль» истребят окончательно и бесповоротно.

Что же это получается?

Выходит, так называемый «голос крови» – **той, что течет в жилах, а не из жил**, – тоже реальность. Ведь именно этот голос крови и заставляет его соплеменников там, где другие говорят «Да!», упрямо твердить – пусть даже на разных языках, – свое вечное: «Нет!»

Из всего сказанного следует, что, уговаривая своих читателей (в том своем ответе мифическому Александру Р.) не считать Израиль спасением от всех еврейский бед и напастей, Эренбург до некоторой степени был искренен. Но, уверяя их, что евреев, разбросанных по планете, объединяет только антисемитизм, а в остальном между ними нет ничего общего, он, конечно, кривил душой. И тут нельзя не сказать, что, помимо скептического отношения к идее создания еврейского национального государства, была и другая, куда более серьезная причина, заставившая его написать ту, заказанную Сталиным, статью.

Причина эта состояла в том, что он очень ясно видел и понимал то, что видели и понимали тогда очень немногие.

Тут, пожалуй, есть смысл рассказать одну – совсем короткую – историю, героем которой был один мой добрый знакомый – Эдуард Бабаев.

Он был (как и мой друг Валя Берестов, с которым они дружили с детства), что называется, литератор милостью Бжьей. В детстве их обоих (дело было в Ташкенте) привечали и опекали Ахматова, Алексей Николаевич Толстой, Корней Иванович Чуковский.

– Вам надо записаться в настоящую большую библиотеку, – сказал Корней Иванович, когда Эдик прочел ему свои детские стихи.

А Анна Андреевна добавила:

– И поступить в университет.

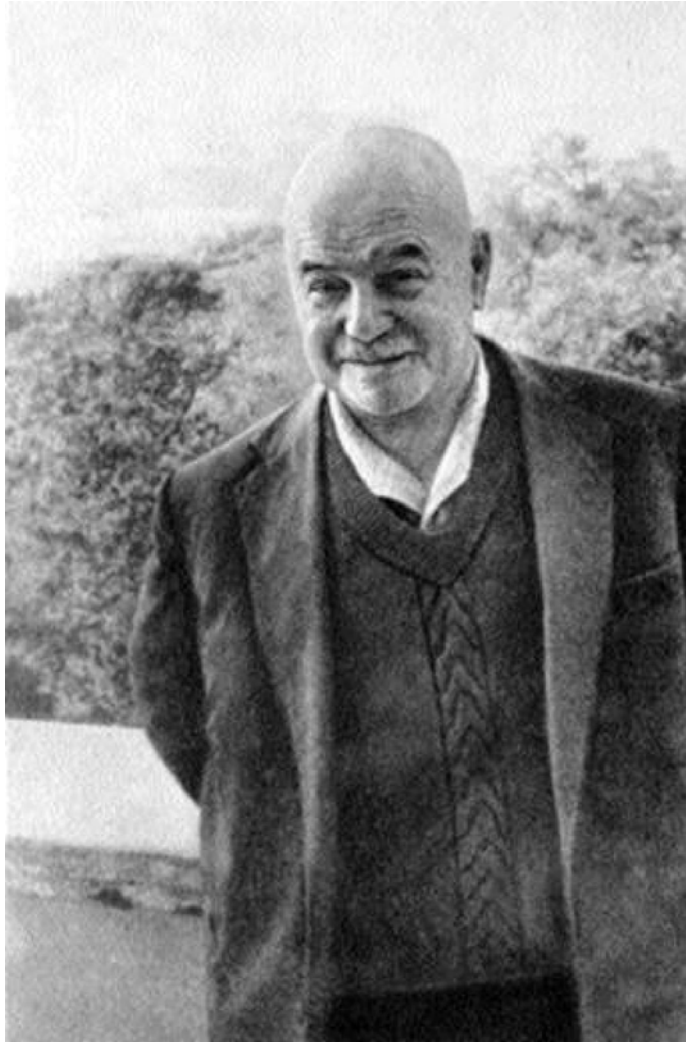

Yáááá Áóé á óññé: Áááááá Í áóóáí éñéúú úé ñááó, éí ó íóúé áí ó ááé Yóúí áóóá í éáçáéññí í óíóí: áñééí.

Последний совет осуществить было еще труднее, чем первый. И вышло так, что сперва он стал (там у себя в Ташкенте) студентом транспортного института. Но мечта поступить в университет (разумеется, на филфак) его не оставляла. Кончилось тем, что в один прекрасный день он сорвался из дома и сбежал в Москву. Тут сразу же выяснилось, что мечта перевестись из его института в Московский университет да еще на факультет, не имеющий ничего общего с институтом, в котором он учился, не то что неосуществима, а прямо-таки безумна. Но знакомство с Ахматовой, Чуковским и А.Н. Толстым открыло ему в Москве многие двери. Он познакомился с Пастернаком, Шкловским, Ираклием Андрониковым. И все они – по мере сил – старались ему помочь. Корней Иванович написал рекомендательное письмо академику В.В. Виноградову. Шкловский никаких писем писать не стал, а тут же позвонил Федору Васильевичу Гладкову, который был тогда директором Литературного института, и сказал ему, что, хотя сейчас давно уже не начало, а середина учебного года, этого парня в потертой шинели и разбитых сапогах в институт немедленно надо принять, потому что он талантлив.

Гладков спросил, кто еще, кроме Шкловского, может этого талантливого парня рекомендовать. Шкловский сказал:

– Ахматова.

Ἀεὶ οἶδ' Ὀεστῆσέ: «Ἐργαίη ἰδιόεὸσώεῦ ἀπὶ τῆ τῆ τῆ τῆ εἰ ἀπὸ τῆ-οἶ τῆ τῆ».

Гладков хмыкнул и сказал, что гораздо лучше было бы, если б его рекомендовал, например, Эренбург. И Эдик отправился к Эренбургу. Повод для такого визита у него был: письмо Надежды Яковлевны Мандельштам, с которой он познакомился – и даже подружился – в том же Такшкенте.

В отличие от Корнея Ивановича и Виктора Борисовича, Илья Григорьевич встретил его неласково. Не предложил даже раздеться. Но в начале разговора неожиданно спросил:

– Вы пишете стихи?

И когда Эдик ответил утвердительно, закурил трубку, откинулся на спинку кресла и коротко приказал:

– Читайте.

Послушав, сказал:

– Пойдите снимите шинель.

Напряжение первых минут прошло. Но ласковее он не стал. Говорил все так же хмуро, как будто даже недоброжелательно. Мельком взглянув на рекомендательное письмо Шкловского, которое Эдик ему показал, разразился раздраженным монологом:

– Ни у кого не берите никаких рекомендательных писем. Никто не может поручиться, что имена, которые сегодня еще кажутся вполне respectable, завтра не окажутся отверженными... Зачем и кому это сейчас нужно ссылаться на авторитет Анны Ахматовой? Одна такая строка может погубить вас...

Вспоминая об этом, Эдик сказал, что никто и никогда не говорил с ним таким тоном. Эренбург почти кричал на него:

– Уезжайте домой. Чем дальше, тем лучше. Бросьте ваш институт, если он вам не по душе. Проситесь в армию, поезжайте в полк, служите. Все будет лучше Литературного института, где вас затравят именно за то, что вас рекомендовала Анна Ахматова, за то, что вы привезли мне письмо вдовы несчастного Мандельштама...

В общем, ушел Эдик от него сильно обескураженный. И странным его советам, конечно, не внял. Вернувшись в Ташкент, после долгих мытарств перевелся все-таки из своего транспортного в университет. Правда, не на филфак, а на физмат. Но после весенней сессии добился перевода на филфак. С потерей, правда, одного года. Но это его не смущало. Он был счастлив.

И вот тут-то и сбылось мрачное пророчество Эренбурга. Грянуло постановление ЦК о Зощенко и Ахматовой. И Эдика вызвали куда-то в деканат или в партком и сказали, что он должен выступить на общем собрании и сказать о том вредном влиянии, которое оказывает поэзия Анны Ахматовой на молодежь.

– Все знают, – сказали ему, – что ты был знаком с этой осужденной общественным мнением поэтессой... Кому как не тебе! Подумай... У тебя впереди еще вся жизнь!

И он подумал. И подал заявление в ректорат с просьбой об «увольнении» из числа студентов филологического факультета.

Я не стану распространяться о том, каких душевных мук это ему стоило. Не столько потому, что читатель, обладающий даже не слишком богатым воображением, легко и сам себе это представит, а просто потому, что рассказываю не о судьбе Эдуарда Бабаева (который, к слову сказать, в конце концов все-таки стал филологом), а – об Эренбурге.

В отличие от ласкового Корнея Ивановича и доброжелательного Виктора Борисовича, которые искренне хотели помочь талантливому юноше, раздраженно оравший на него Эренбург ХОТЕЛ ЕГО СПАСТИ. Он хотел ПРЕДОСТЕРЕЧЬ его от шага, который мог оказаться для него гибельным.

До постановления ЦК о Зощенко и Ахматовой было еще около года. И ничего об этом готовившемся (тогда, наверно, еще и не готовившемся) постановлении Илья Григорьевич, конечно, не знал. Просто не мог знать.

Но он чувствовал, что дело пахнет керосином.

И тот же запах, только стократ усиленный, толкнул его написать ответ мифическому Александру Р. – это свое ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ евреям, ошалевшим от известия, что впервые за две тысячи лет у них опять появилось наконец свое государство.

А московские евреи (не только московские, наверно, но о московских я знаю точно) тогда и впрямь ошалели.

Как раз тогда приехала в Москву Голда Меир. Голдой Меир, впрочем, она стала именовать себя позже, а тогда еще звалась Голдой Мейерсон. Но сути дела это не меняло. Она была первым послом Израиля в Москве. И пронесся слух, что когда она появилась в московской хоральной синагоге в день празднования еврейского Нового года, толпы вот этих самых ошалевших евреев устроили нечто вроде радения. Собралось их там, как говорили, не то десять, не то двадцать, не то тридцать тысяч. Первого израильского посла они приветствовали как Мессию. Многие в экстазе целовали края ее одежды.

Такая же – еще более бурная – демонстрация еврейских национальных чувств разразилась спустя неделю, когда Голда Мейерсон уже вторично прибыла в синагогу по случаю праздника Судного дня. Неисчислимые толпы евреев, восторженно повторявших древнее заклинание «На следующий год – в Иерусалиме», двинулись вслед за израильскими дипломатами, которые решили пройти пешком от синагоги до своей резиденции в гостинице «Метрополь». Это была уже не эйфория, а самая что ни на есть настоящая истерия.

Сейчас я лучше, чем тогда, в пору моей комсомольской юности, понимаю чувства, владевшие евреями, составившими ту толпу. Чувства людей, помнивших (в отличие от меня), что их предки на протяжении двух тысячелетий повторяли как молитву это святое заклинание – «На следующий год – в Иерусалиме», и вдруг узнавших, что эта двухтысячелетняя мечта гонимого народа, рассеянного по всей планете, стала реальностью.

Но все это я понимаю сейчас. А тогда поведением этих «отсталых» евреев я был искренне возмущен. И с той статьей Эренбурга был, в общем, согласен.

Да, конечно, утверждая, что разбросанных по миру евреев связывают только печи Освенцима и Майданека, он кривил душой. На самом деле он так, безусловно, не думал. Немало было в статье и других «фокусов» (слово «фокусник» в злых и, в общем, несправедливых строчках Солженицына все-таки не с потолка было взято). Но выполнить сталинский заказ он согласился не «страха ради иудейска», и статью ту написал «не по долгу, а по душе».

Саша обитал в самом начале Сушевки, на первом этаже неказистого домика, в незапамятные времена покрашенного белой, видимо, краской, напоминавшей о себе теперь лишь слабо различимыми пятнами. Я жил в середине улицы, на полпути к Палихе. В знаменитом своей шпаной Курниковском доме. Некогда предназначавшийся трамвайщикам, он состоял из множества корпусов и флигелей. Двор его имел выходы на Сушевскую – ворота для автомобилей и на Новослободскую – только для пешеходов.

Я неспроста описываю этот уголок, этот, как сказали бы сейчас, микрорайон. Он еще напомнит о себе и не только в связи со школьными годами; о нем пойдет речь, когда наступит черед вспоминать более поздние времена.

Одѣвѣніе и Новіація.

А тогда, идучи в школу, я стучал по дороге в окно грязно-белого домишки. Спустя минуту появлялся Саша с ободраным портфелем, и мы, минуя церковь Святого Пимена (ее не закрывали, в ней служили «обновленцы», возглавляемые отцом А. Введенским; потом с ними покончат, а Введенский сгинет), выходили на Краснопролетарскую. Здесь, в клубе «Рот-фронт» играла труппа заслуженного артиста республики Блюменталь-Тамарина. В войну он уйдет к немцам, и его, перебежчика, их радио будет ласково именовать «любимцем публики». «Любимец публики» сыпал низкопробными анекдотами про сожительниц Кагановича. В довоенное же время в клубе «Рот-фронт» шла некогда известная драма Дюма «Кин. Гений или беспутство», не вызывавшая зрительского ажиотажа несмотря на старания упомянутого «любимца».

À propos de

По крайней мере, возвращаясь из школы, мы с Сашей не наблюдали очередей у клубных касс. Зато тянулись очереди в магазин против Сашиного дома. В продмаги на Новослободской, где главным был «Курниковский». Его название, выложенное цветной плиткой на торцовой стене, сохраняется и поныне.

Саша Родин, как и я, как и все мы, жил, разумеется, в коммуналке. В комнате, разгороженной на две части. Мама, Розалия Наумовна, встречала нас приветливо, зато отец – Исидор Михайлович – едва замечал. Он носил черную шляпу, из-под которой ниспадали густые волосы, и произносил строгим голосом, ни к кому непосредственно не обращаясь: «Газеты сегодняшние не развернуты. Из этого следует вывод: их никто не читал». Присутствующие, в том числе и я, виновато молчали.

Саша давал понять, что речь идет всякий раз о коротенькой заметке, где сообщалось: на таком-то спектакле присутствовал «лично товарищ Сталин». Подчеркивалось: «Спектакль прошел с успехом». Или «с большим успехом». Или «был встречен овациями». Вот к этим-то судьбоносным формулировкам в какой-то мере и бывал причастен Исидор Михайлович. Впрочем, гораздо позже мне предстояло убедиться, что тогдашние мои представления о Сашином отце не совсем соответствовали действительности...

Мы учились в одной школе, но в разных классах. Саша был годом моложе, годом позже окончил десятилетку и тут же загремел в армию. Два года ушли у меня на освоение премудростей на младших курсах Института истории, философии и литературы (ныне он пышно именуется «Лицеем в Сокольниках»). В суровые предвоенные времена до такой дурости не додумались: «лицей» базировался на идеях марксизма-ленинизма и возглавлялся едва ли не сподвижницей Ильича). Саша, знакомый с кавалерией по кинофильму «Чапаев», в тот же период овладевал мастерством конной езды. Овладевал, насколько могу судить, вполне успешно. Равно как и радиосвязью.

Νὸ ἀδόσεέ ἰδέαι ὁ (ἀὸ ἰδῆ ἰεῖαι).

Когда спустя несколько лет мы встретились в Карпатах, он уже проделал верхом большую часть своего ратного пути протяженностью в три тысячи километров, был несколько раз ранен, удостоился солдатского ордена Славы. Встреча прилась на один из тяжелых этапов войны. Фортуна тогда вроде бы являла благосклонность к нашей стороне. Но общая благосклонность не исключала неудач, все новых и новых потерь. И так было до самого конца. Мой лучший фронтовой друг Бениамин Мартиросов получил тяжелое черепное ранение в апреле сорок пятого...

С Мартиросовым связан единственный случай, когда я на фронте столкнулся с шовинизмом и за «армяшку», брошенного Бене, нарушив собственные заповеди, дал волю рукам. Не испытал ни удовлетворения, ни раскаяния...

Нам с Сашей суждено было встретиться в безотрадных местах. В суровой военной прозе Виктора Астафьева страницы о боях за Дуклинский перевал едва ли не самые мрачные.

Наступать в горах, где противнику принадлежат господствующие высоты, – гиблое дело. Впрочем, на войне многие дела – гиблые. Однако от них никуда не деться.

Когда Саша Родин, согнувшись, встал в дверях нашей землянки на склонах Дукли, меня окликнул Мартиросов: «Иди сюда! Тебя спрашивает школьный приятель...» И повертел пальцем у виска, давая понять, что спрашивающий, разумеется, с «приветом»: какие еще одноклассники в Карпатах!

Это и впрямь было абсолютно неправдоподобно. Встретить на фронте земляка, даже москвича – чудо! Куда вероятнее казалась встреча с осколком, с пулей.

Помимо всех прочих тягот, в какие-то часы и минуты каждого из нас томила тоска по родному городу, своей улице. Не говорю уж о постоянной тоске по дому, близким...

Беня ошибся с диагнозом. Старший сержант Александр Родин, явив свойственное ему упорство, с помощью полевой почты отыскал нашу дивизию. Вместе с

другими частями и соединениями она обеспечивала проход для кавалерийского корпуса, прорвавшегося на выручку Словацкому восстанию, поднятому, видно, без согласования с нашим командованием. Последнему ничего и не оставалось, кроме как направить на помощь повстанцам один из лучших кавалерийских корпусов. Только ли его?

На фронте высокая цена далеко не всегда гарантирует успех. Даже когда война клонится к победному завершению. Потрепанные, обескровленные кавалерийские эскадроны не солоно хлебавши возвращались уже печально знакомым им коридором в долине. Вот тут-то и предстал передо мной приятель с Сушевки. Собственной персоной.

Мне не под силу передать чувства, овладевшие нами. Переписка велась от случая к случаю. Правда, мы знали о ранениях друг друга. Кое-что было известно о родителях. Но и только. Свершилось немыслимое. Благодаря действительно уникальной Сашиной настойчивости. И, конечно, явному уважению к нему его непосредственных командиров, разрешивших поиски.

Я бы слукавил, пытаюсь восстановить наши разговоры в те бессонные сутки, когда нас старались не тревожить, оставить наедине. Но память об этой фантастической встрече на влажных от дождей и крови горных склонах осталась в душе. Как об одном из чудес войны.

Следующая непредвиденная встреча состоялась уже в послевоенном Ивано-Франковске (Станиславе). Саша возвращался, коли не ошибаюсь, из госпиталя в свой кавалерийский корпус. Он знал уже не только номер полевой почты, но и полное название предназначенной к расформированию дивизии, где я служил. Вопреки надеждам расформирование не означало для меня демобилизации. Тем паче, что Прикарпатский округ задеиствовали в не утихающих стычках с украинской повстанческой армией (УПА). Эта война, разумеется, несравнима с той, что велась против вермахта. УПА численно и технически уступала нам. Зато пользовалась явной поддержкой населения.

Ежедневные, под звуки Шопена, траурные шествия по улице, поспешно переименованной в Радзяньскую (интересно, как она сейчас называется?), не позволяли забыть о стычках и засадах на лесистых склонах Карпат. Не Дукля, конечно, однако тоже крови хватало...

Я уже ходил в небольших начальниках и с Сашиного согласия отправился в штаб, прихватив его документы. Охотники служить в прикарпатских гарнизонах встречались редко, и приятель-штабник на ходу бросил: «Да ради Б-га! Забирай себе школьного друга! Будете сообща вспоминать таблицу умножения».

Без малого два года мы провели вместе. При посторонних Саша соблюдал субординацию: «Товарищ капитан, разрешите обратиться!» Без посторонних мы, случалось, собачились, как в школьные времена.

Вынужден признаться, я злоупотреблял служебным положением, посылая Сашу на рынок – то наручные часы продать, то буханку хлеба. «А сам не можешь?» – естественно, огрызался старший сержант. Я смущенно оправдывался, ссылаясь на офицерские погоны. Никакой штатской одежки ни у меня, ни у Саши не водилось. Мы оба относились к убежденным противникам всевозможных «трофеев».

Армейская субординация не отразилась на наших отношениях. На них отразится мирная московская жизнь. Вопреки желанию и бесчисленным рапортам я

оставался офицером; стало быть, судьба моя всякий раз решалась кем-то надо мной. То есть командованием.

Саша, расставшись наконец с армейским обмундированием, учился в техническом институте. Женился; кажется, не очень удачно. Впрочем, эти его годы мне мало известны. Мы встречались все реже и реже. Сашины литературные опыты мне не шибко нравились. Он обижался. Но и в редакциях его не очень-то привечали. Природная его настойчивость (состоялась ли бы без нее наша встреча на Дукле?) частенько бывала не по душе редакционным сотрудникам. Даже если автору везло, и рукопись попадала в разряд тех, что можно «вытянуть». А над текстом он готов был работать до бесконечности.

И́ гнѣ́ і аа́аае аа́і еу́ і аа́аеу́р «(а́ і о́ аа́а)» (и́ да́аа).

Поглощенный собственными литературными делами, я не проявлял к Саше внимания, на какое он мог рассчитывать. Мои самооправдания не отличались разнообразием. Почему, твердил я себе, инженер должен вдруг стать писателем? Не блажь ли это?

Но он им стал. И всего менее благодаря мне. А в том, что стал, сейчас нет сомнений. Эпизодические публикации в газетах и журналах его не удовлетворяли. Даже когда время от времени им сопутствовали передачи по радио, переводы на иностранные языки. Он жил с истязующим душу чувством неудовлетворенности, и оно определяло все его существование. Хотя одной книги «Три тысячи километров в седле», выпущенной в 2000 году, вполне, казалось, могло хватить для внутреннего умиротворения, для сознания исполненного долга.

Мне ведь известны литераторы, давно состоящие в Союзе писателей, выпустившие две-три заурядные книжицы и на этом основании доживающие свой век с горделивой уверенностью в значительности собственного вклада в отечественную литературу.

Между тем война, воссозданная Александром Родиным, не только не похожа на войну в других, пускай более талантливых книгах. В этой книге, не выпячивая себя, постоянно присутствует, наблюдая и по-своему размышляя, автор.

Еще в пору войны, когда каждый ее участник жил нехитрой мечтой: «Если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой», жил, однако, трезво сознавая зыбкость своей надежды, Саша хотел передать личное восприятие сущего, человеческих отношений на грани жизни и смерти. В каждой войне они отмечены своей печатью. Он вел беспощадно откровенный дневник. Эти записи давно минувших лет, осмысленные нынешним взглядом на вещи, частично обновлены, но отнюдь не приглажены. Дистанция во времени не облегчает постижения фронтового прошлого. Современный же читатель очень далек от него. Тем не менее, вместо того чтобы упростить повествование, автор доказывает необходимость скрупулезного исследования, обязательность деталей, кому-то кажущихся второстепенными. Того, к примеру, как были важны подробности боевого приказа или линии на топографической карте.

«Я понимаю, что перечисление всех населенных пунктов, через которые проходила наша батарея, и указание точных дат может читателю показаться излишним, но книга эта – в какой-то степени исторический документ, здесь все точно, и достоверные сведения о каких-то эпизодах той войны могут пригодиться будущему историку. Возможно также, что некоторые из приведенных в этих записках данных помогут молодым энтузиастам, которые занимаются благородным делом, – восстанавливают память о людях, погибших в годы Великой Отечественной войны...»

Кому-то это, действительно, может показаться наивным. Пускай. Не беда. Автор решает задачи, поставленные перед собой в ту пору, когда он вышел из мальчишеского возраста и стал солдатом, сознавая – быть может, иногда безотчетно – меру собственной ответственности. Увеличивая, если можно так выразиться, эту меру дневником. (Легко ли его вести в седле? В боевой обстановке? Сберечь в госпитале? В вечных фронтовых передрягах?) Щепетильность, честность, постоянная жажда объективности побуждают Родина, не довольствуясь собственными записками, цитировать дневник своего сослуживца и друга – сержанта Николая Нестерова.

Об этом предупреждает специальная информация, предшествующая тексту. Кроме того, фотография двух сержантов-конников украшает обложку этой не совсем обычной книги, подчеркивая стремление авторов к документальности.

Не пытаюсь подробно анализировать «Тр

и тысячи километров в седле», отмечу одну из особенностей книги, напрямую не связанную, видимо, с характером автора, но все-таки ему присущую. Даже если она не всегда бросалась в глаза.

Нòääáò (òääòéé пëäää äт äòíòтí äүää).

Саша Родин не принадлежал к добрякам, милягам и далеко не всегда склонялся к компромиссам. По крайней мере в годы, когда мы постоянно виделись. Тем дороже его априорное доброжелательство не только к товарищам по оружию, к однополчанам, но и к людям совсем другой жизни, к обитателям мест, избавленных нашими войсками от немецкого фашизма. В частности, к полякам. С которыми, сужу по собственному опыту, не всегда легко обрести общий язык. И не только из-за языкового барьера.

Если наступят времена оправданного внимания к не столь отдаленному прошлому и будет составлена библиотека художественной литературы о Великой Отечественной войне, не теряю надежды, что книга Александра Родина «Три тысячи километров в седле» войдет в состав этой библиотеки, заняв должное место.

Однако о писательских возможностях Родина надо судить, беря также в расчет диапазон его творчества, удивительную широту и дерзость замыслов. Тщательность освоения своеобразного и многопланового материала.

Повесть «Я убил Лермонтова» – откровенная, изобретательно выполненная мистификация в форме исповеди неудачливого сочинителя, мучимого славой погибшего от его пули великого поэта. Какая же работа проделана Родиным ради этой тонкой и умной игры с читателем, где претендующий едва не на положительную роль повествователь-убийца действительно выглядит страдальцем!

Не менее неожиданна для бывшего кавалериста с Сушевки и повесть «Вопль», снабженная подзаголовком «О последних мгновениях земной жизни Иисуса». Не стремясь потрафить новым (или старым) воззрениям, А. Родин остается сыном своего времени, чутким к его трагедиям и противоречиям.

«Но мог ли Иисус предположить, что два тысячелетия спустя стремление искать виновных вовне приведет к тому, что вину за неумение наладить свою жизнь, неверный выбор правителей, люди не просто будут сваливать на врагов внешних и врагов внутренних, но прежде всего на инородцев, в том числе на относительно небольшую группу людей иудейской крови, прикрываясь при этом необходимостью защищать

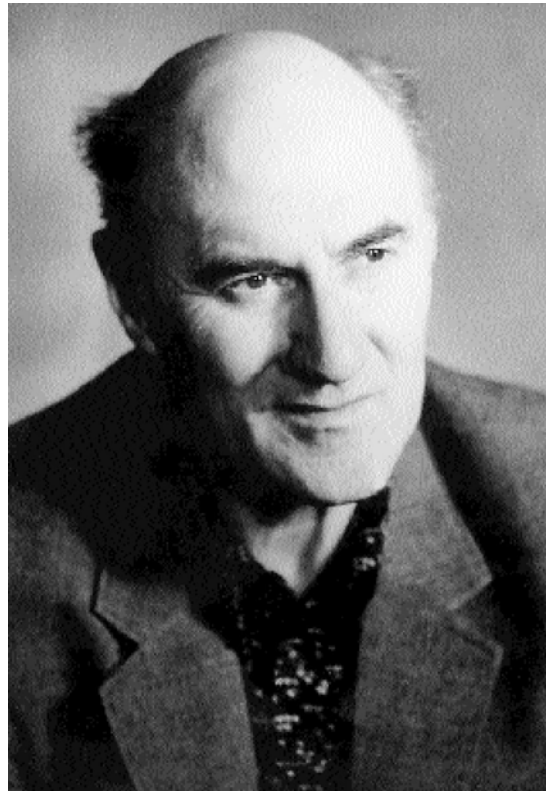
христианство и начисто забыв о том, что и мать Иисуса, и Иосиф, и апостолы были по крови иудеями...»

Сам Родин не был религиозен, но достаточно определенно чувствовал, кто он по крови, и никогда не пытался это скрыть. Правда, надо заметить, что на войне в его конном корпусе, как, впрочем, и в моей пехотной дивизии, редко кто этим интересовался. Моей дивизией до момента гибели командовал русский генерал, начальником штаба был еврей, начальником политотдела – грузин. Каждый из троих был на своем месте...

Возвращаясь к Родину, напомним о постоянной его подготовительной работе к прозаическим сочинениям, не предусмотренной, естественно, техническим вузом, где он получил высшее образование. Он изучал Евангелие и Меня, Аверинцева и Ренана, вживаясь в необычайно сложный образ и не стремясь его упростить. Ему пригодился и личный жизненный опыт, накопленный годами далеко не всегда отрадной жизни. Личный опыт требуется писателю постоянно. Но всякий раз на свой лад. У Родина наиболее непосредственно он ошутим в мемуарной повести «Ура!» (Детство, отрочество, старость). Всего сильнее в этой повести меня поразила первая главка – «На плацу».

Во время занятий по строевой подготовке, когда всего важнее поднять ногу на тридцать сантиметров от земли, оттягивая носок до боли в подъеме, дневальный, нарушив отработанный порядок, приносит весть: «Хлопцы, война!» В ответ ему Александр Родин и Николай (видимо, Нестеров) кричат: «Ура-а-а!»

Я усомнился бы в достоверности прочитанного, если бы когда-то не слышал о том же самом от моего ленинградского друга Александра Володина. Ленинградцем он стал не от хорошей жизни. В Москве в 1949 году после ГИТИСа для бывшего солдата Лифшица, раненного на передовой, места не нашлось. В колыбели революции сулили редакционную должностишку. Вот и перебрался, спустя несколько лет став едва ли не самым крупным драматургом России второй половины XX века. Его «Фабричная девчонка» победно прошла по подмосткам страны.

Í èñò äü

Èí æáí äð

Однажды Саша, теперь уже Володин, рассказал мне, как в сорок первом, услышав о начале войны, он, успевший отбарабанить два года в армии, завопил: «Ура!» Мне не поверилось. И вдруг у другого Александра встречаю ту же реакцию! До чего же обрыдли мальчишкам армейская рутина, шагистика, вечные наряды, если они встретили

победным кличем страшное известие, даже не подумав, что война, помимо всего прочего, чревата лично для них еще и физическими страданиями.

Родин не жаловался на дискриминацию. Служебные обязанности, насколько мне дано судить, его не слишком тяготили. Он с военных лет жил своим творчеством, мучительно переживая отсутствие успеха, известности. На мой взгляд, тут давала себя знать какая-то аномалия. Точнее – вечная неудовлетворенность, когда завершение работы пугает отсутствием новых замыслов.

Сама разноплановость его произведений – по темам, времени действия – помимо всего прочего, отражает душевную тревогу, не оставляющую Родину и тогда, когда вроде бы позволительно было перевести дыхание.

В мемуарных записках «Ура!» Родин вспоминает наше детство: на экране – «Чапаев», в Колонном зале Дома Союзов – торжественное приветствие московских пионеров конгрессу КИМ. Наши надежды, иллюзии. Наша наивность, затянувшаяся инфантильность, резко оборванная июнем сорок первого...

Я не представлял себе, какую роль в ранние годы сыграл для Саши отец. Он принадлежал, надо думать, к очень деятельным натурам. Общался с многими видными людьми того времени. Его активность простиралась далеко, он даже состоял членом райкома ВКП(б). Впрочем, помогая другим, всего менее заботился о собственном благе. Его ценили многие. Особенно представительницы слабого пола.

Сашин папа относился к «ходакам». Не к тем, что изображены на картине беседующими с Ильичем, а к тем, кто не ночует дома. Сашину маму страшно угнетало это свойство мужа. Самого же Сашу терзали другие проблемы: дружба с гитлеровской Германией, социальное неравенство и т.д.

«...Сообщение дневального о войне позволяло оттянуть решение этих вопросов на неопределенный срок». Получается, что «Ура!» вызвано не только солдатской шагистикой и нарядами, как мне подумалось, когда, читая Родину, я вспомнил Александра Володина...

С книгами Саши я познакомился отнюдь не в рукописях. Мы не виделись много лет, и я умудрился почти ничего о нем не знать. Моя вина тем более велика, что он издали следил за мной, читал мои статьи и книги, имел о них свое мнение, был в курсе многих событий моего бытия.

Однако что проку задним числом костить себя? В свое оправдание – не слишком весомое – скажу: в какой-то миг, словно током ударенный, я позвонил ему. Мы встретились, провели вместе целый день. Но замечу: встретились все же как давние друзья, дорожившие прежней близостью и готовые ее продолжить. Заслуга в том прежде всего Сашина. Из его сбивчивых рассказов я узнал, словно о чем-то второстепенном, что у него был рак горла. Он сообщил об этом, как о гриппе, назидательно добавив, что ныне рак излечим, лично он, переболев, говорит совершенно нормально, без каких-либо трубок. Я имею возможность в том удостовериться...

Тема эта его не занимала, он не собирался ее развивать. Нам надлежало говорить о его прозе. О надеждах, исканиях. Вернувшись домой, я сел за его книги, радуясь Сашиним успехам и опять-таки ощущая собственную вину. По телефону я делился впечатлениями, говорил о том, что понравилось больше остального...

Было решено: когда прочитаю все, мы снова повидаемся, поговорим. Оба верили в эту встречу, в эту беседу. А почему нет? Всего более он дорожил своими рассказами. Имел для того основания. Рассказы вышли из-под пера человека, прожившего жизнь, исполненную трудностей, невзгод, лишений. А это значило, и не в последнюю очередь, что автор умел понимать так называемого простого смертного, чьи чувства и поступки на деле не столь уж и просты, как может показаться при беглом взгляде, при высокомерном убеждении, будто перед тобой всего лишь «колесико», «винтик». Напрямую этого уже вроде не говорят, но от этого не избавились...

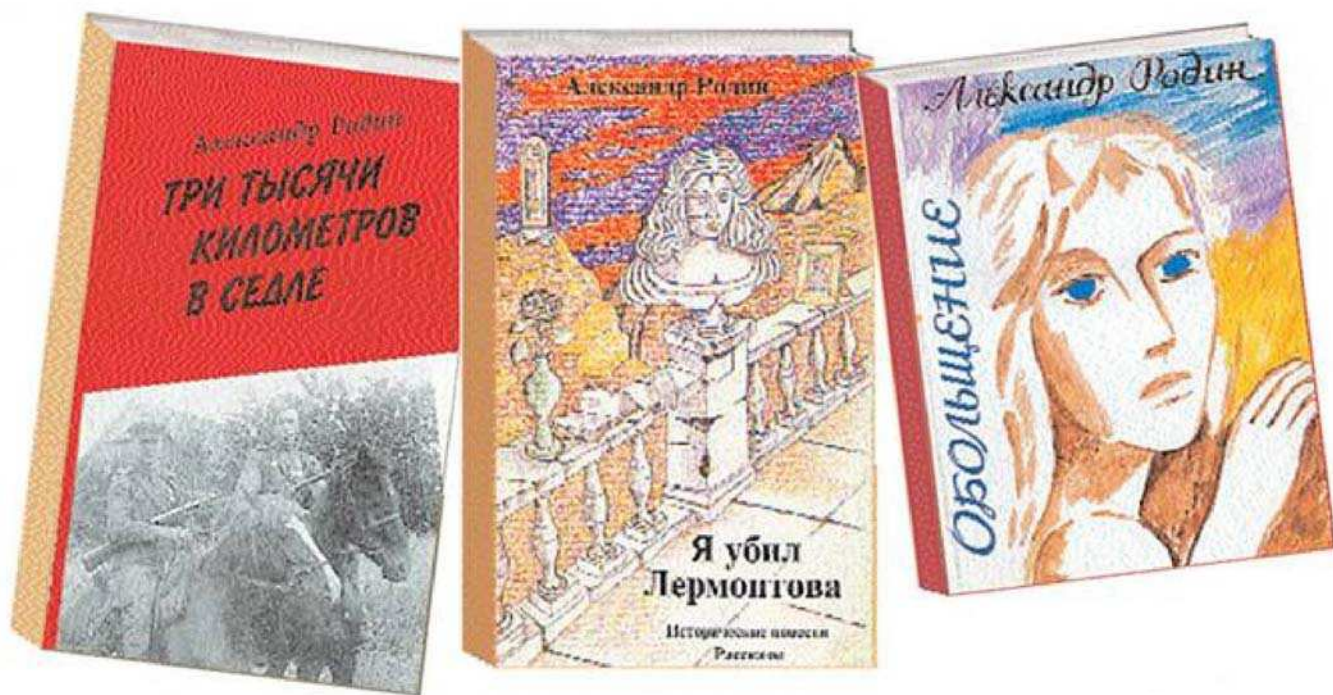
В родинских рассказах обстоятельства жизни зачастую таковы, что заурядные, на первый взгляд, события, переживания, взаимоотношения воспринимаются как нечто неожиданное, исключительное. Тут не тяга к оригинальности, а умение высветить вещи, словно бы и не поддающиеся истолкованию.

Простоватый на вид работяга Иван способен понимать и чувствовать нечто такое, что недоступно его Елизавете, читающей Хемингуэя. И вот однажды он не хочет, он больше не спешит идти к ней, единственной и долгожданной («Летний зной»). На том и обрывается рассказ, вернее обрывается на фразе «о каком-то безнадежно чистом небе». Она как бы не относится к Елизавете и Ивану. Но совсем не случайна в тексте... В простой как-будто жизни родинских героев далеко не все выражено словами. И само настроение, доступно далеко не каждому читателю.

«...Завтра, быть может, Сережа сделает мне предложение. А, может быть, и не сделает. Все равно – да здравствует завтра!»

Так завершается четырехстраничный рассказ «Цветы», пронизанный трогательной девичьей верой в «завтра». Верой, ценимой, но вряд ли разделяемой автором.

Это – не искусственная недосказанность; просто герои Родина живут, далеко не всегда зная, что их ждет, но исподволь почти постоянно готовые к чему угодно. Вот и Лариса («Море, солнце, любовь») поняла, что ее случайный курортный знакомый – «хороший человек». К сожалению, они «не успели толком поговорить». Но она упрямо будет ждать обещанного телефонного звонка. Ждать – волнуясь и уповая на лучшее. Не зная – дождется ли.

Это не головоломка, придуманная, чтобы заманить читателя. Это, если угодно, настойчивое приглашение к размышлениям над «банальными» фактами, над встречами, что проходят косым дождем. А жаль! Они раскрывают жизнь сплошь и рядом с интересной, с примечательной стороны, – не менее интересной, нежели, скажем, детективный сюжет или сюжет о сексуальных похождениях. Кто-то вкалывает в цеху, кто-то стоит за прилавком, а талантливого, но житейски непрактичного математика Валерию Марковну не занимают интриги начальства («Наша Валерия»). Героиня взирает на них словно бы со стороны, но коль ее «тематика не устраивает», пренебрегает и службой, и деньгами.

Авторское предпочтение мимолетному, не бросающемуся в глаза вовсе не означает безразличия к трагической стороне действительности. Это А. Родин подтвердил лучшим, на мой взгляд, рассказом «Ночной разговор на даче Сталина».

Автомобиль, везущий Никитину из Бутырок на «ближнюю» дачу, где Сталин томится бессонницей и желает побеседовать с арестованной, с которой некогда случайно свел знакомство, вначале точно повторяет маршрут, прекрасно известный нам с Сашей. Мы неоднократно проделывали его, бродя по Сущевке и Новослободской. Правда, мы расхаживали там днем, а машина с Никитиной выехала из ворот Бутырок в ночь на 16 марта 1936 года, перед самым рассветом. Миновав Курниковский дом и проехав немного вперед, она уперлась в канаву, – рабочие ремонтировали прорвавшуюся трубу, – и, круто развернувшись, через Палиху выскочила на Сущевскую.

Заключенная Никитина ахнула. Сущевская была улицей ее детства и юности. Она помнила, как школьницей просиживала все вечера в расположенной там Суриковской читальне. Мы с Сашей делали то же самое. Короче говоря, она ехала мимо своего дома, где жила, как и Родины, в коммуналке на первом этаже.

На даче происходит вполне доверительный разговор, Никитина достаточно откровенно излагает свои взгляды вождю, отыскавшему наконец, чем заполнить часы бессонницы. Впрочем, ничего крамольного она не провозглашает и не думает. Ее бросили в тюрьму без всякой вины.

Завершив разговор и почаявничав, Сталин вежливо благодарит гостью за визит. В тоне непринужденной беседы он делится кое-какими соображениями и с бригадным комиссаром, сопровождавшим зечку. С привычной цепкостью уловив мысль вождя, комиссар по возвращении в Бутырки приказывает незамедлительно расстрелять Никитину. Она действительно ни о чем предосудительном не помышляла. Но Сталин не исключал: может в дальнейшем и помыслить.

«...Часов до двух вождь спал хорошо, проснулся свеженький, в этот день ему предстояло работать над проектом новой конституции, которая потом будет названа сталинской».

Расстреляют также мужа Никитиной, обрекая на сиротство и дискриминацию их сына.

Саша держал в памяти не только маршруты школьных лет. Он помнил время и понимал, что, подобно Никитиной, могли бросить в тюрьму его отца – активного партийца. Сколько машин с арестованными промчалось по нашим улицам, примыкавшим к Бутыркам!

Рассказ этот принадлежит писателю-профессионалу, доказавшему собственный талант, собственное мастерство. Но поиски своего места в литературе этим не исчерпывались. Родин собирался продолжать их еще долго...

Я предполагал, что о них-то и пойдет разговор, когда мы, как намечалось, встретимся. Только запланированной встрече не суждено было состояться...

Сперва он не надолго попал в больницу, а потом рак, словно наверстывая упущенное, стремительно довершил свое дело.

«**ĬĀĬĬ Ū ĄĒĀĬ Ē ŌŌ ĄĚĚĬ Ō ĬĬ ĄĚĚŌ ...**»

Ĭ ēđđā ĄmĚç

Ĭ adĬĀĬ ū ē ōĀĬĀĬ ēē đmĚēĬĬ ē ŌĀĬĀĬ ēē, ēĀĬ ēĬ đđđmĬ ĬĬĀĬ Ō ĄēĀĬ ēē ōĀĬĀĬ ōĀ ĄĀĬ Ą (đĀĀĀēĀ Ĭ ĬēĬĀĬĀ) ŌŌĬ ad đĬĀēĀĬĬ Ā 1918 ĀĀŌ Ā ĬĀĬĬĀ Ąē ēmĬĬēĬēĬĬĬ ĄŌ ū đĀ ĄĀĀ, ēĬĀĬĬ ĬĬ ūĬ ĬĀđĀĀĀēĀ Ā ĬĬēĀĬ ĬŌĀĬ đĀĬ ū, ĬĬēĬĬ đēĬĀēĀēĀ, Āū ē ĬđŌĀĬĬĬ ĬĬēĬĀĬĬĬ ĬĀĀĀĬ ēĀĬĬĬ ēĬ đŌēŌŌĀ ēĬ. ĘĀĬ ēĬĀ; ĬĬ – ĀĀŌĬ đĬ ĬĬĀŌ ŌĀĬ ēēĬĀĬĬ ĬĬ ēēĬĬĬ ēē ĄēŪ ĬĬĀĬĬ ēē ōēĬĬ ū ē ĀūĬ ūŌ çĀĀĀĬ ēē. Ĭ. ŌŌĬ ad ōĬ đĬ ēĬ ĬĬ ēēĀĬĬ ēĀĬēđ Ĭ ōŪĬ ēē ĬŌĀĀĬĬĬ Ĭ đĬ ē çĀđĀĀēĬ đĬ ēē ŌĀĀĀŌŌŌ ē Ĭ đĀēđĀĬĬ Ĭ đēĬĀē. Ĭ ĀŌ ū đĀĬ ū, Ĭ ĀđēŪ ĘŪĀĬĬĀ, ĀūēĀ Ĭ ēēđĬ ēēĬĬĬĬ. ĬĬ ĬŌĬĬĬĬ ĬŌŪĀ ĬĬŌēĀ ēēŌŪ ĄĬĬĀ – ĬŌĀđŌĀŪ ĬĬŌđĀ đĀĬ ū, ĬĀĬēĬĀŌĀŪ ĬĀĬēĬĬĬ ēēĬĬĬ ūŌ ŌĀĬ ēēĬĀ ĬĬ đĀĬŪĬ đĀĬĀēĀĬ ēēĬĬĬē.

đĀĬ Ā ŌŌĬ ad ĬĀ ĬŌēđĬŌēē ĬĀđĬĬĬ ēēŪ Ĭē ĀūĬŌĀēē Ā đmĚēĬĬ ēē ĄēĀĬ ēē ōĀĬĀĬ ōĀ 2003 ĀĀ

Рена же в 1949 году окончила Московский институт прикладного и декоративного искусства. Ей посчастливилось: в ту пору там преподавали известные художники А.А. Дейнека и А.Д. Гончаров. Живописному мастерству она обучалась у Р.Р. Фалька, а композиции – у В.А. Фаворского. Ее первые керамические работы относятся к началу 1950-х годов. Тогда на художественных выставках еще не появлялась декоративная керамика. Рена стояла у ее истоков. Время новой керамики – время, когда «посудные» формы – вазы, блюда, чаши – зачастую переставали быть утилитарными вещами, превращаясь в подлинно художественные произведения. На них наносились натюрморты, пейзажи, портреты, другие живописные изображения, которые постепенно становились все более тонкими и сложными по цвету. Росписи Р. Цузмер отличались несомненным своеобразием. В вековые традиции древнего искусства она внесла свой неповторимый талант. Ее декоративные керамические композиции оставляли ощущение

красоты, гармонии. Она и стихи – любительские, но очень искренние, – писала о своей любимой работе:

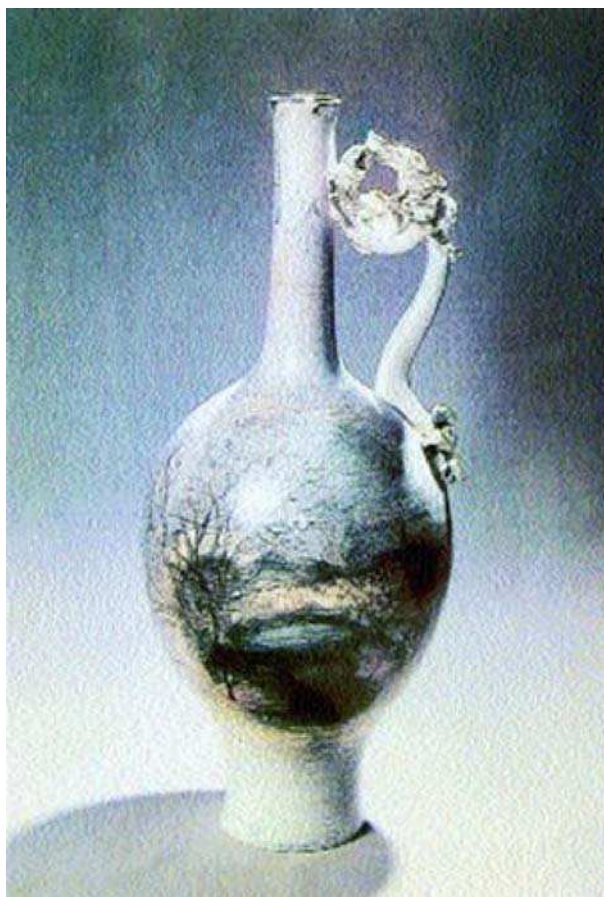
*Ḫḫæääí íäý èç íääð çäi èè çäi ëý,
çäi ëý, ÷òí íðíñòí æéííḫ çíääòíý,
Áííðúää òáíð-áíéíí ñáíáííí
ðàçíëüüòíý.
Áíçíèèèäý èç íääð çäi èè çäi ëý.
Íääíüñáðèàḫüèè òó æéíóííæèò,
Íääíüç ÷òí á æóáéíá çäi èè í äðòääò,
×òí ñçéääò áíí è ðàçðóáääò.
Íääíüæèíé òó æéíóííæèò.
È çääèñòääò áá-ííñòüá çäííéíí
ñíèääá òíí,
Áòíí ñéääá, ÷òí èáðäí èéíé çíääòíý.
Íääíüñáíáíé áíáíýðèè ñíëüüòíý,
×òíá çäíèýèà áá-ííñòüá òðòíéíí
ñíèääá òíí ...
Óü òáè ííääòèèää, óíðúää è òáíéá,
Áéääííé, ñéíáííí ïðèòà, íðèèáðääòü
Ḫíñóñíéòíüüòüè òíðí óíáðòääòü
Áííääà èçí áí÷èää, èíáððíà è áíéüíà
Áíáúòäý èç íääð çäi èè çäi ëý,
Èíòíððḫ í ü æéííé íáçíääáí,
Áñáíáííüð, ÷èñòüð òíðí äð íæéääò,
×òíáú, çäíòüá ííýòüóéòè ááèá!*

Í añòáííá íáííí «Í íñéáíí éé éó:».

Óáííñ

Первая выставка работ Р. Цузмер состоялась в 1953 году, а пока последняя – через полвека, в залах Академии художеств. В течение пятидесяти лет художница участвовала более чем в двадцати отечественных и зарубежных выставках. В ее керамических работах слились, по ее собственным словам, три стихии – скульптура, живопись и графика. Творчество ее высоко оценено специалистами. Вице-президент Академии художеств, народный художник Т. Салахов назвал ее талантливейшим мастером в области декоративного искусства. Скульптор О. Комов восхищен ее работами, выполненными, как он пишет, с высоким вкусом и подлинным ощущением формы. В его комнате висит фаянсовый светильник ее работы. Присмотревшись к нему, видишь, говорит О. Комов, что «перед вами сложная пространственная скульптура, только подвешенная к потолку... Она будит воображение своей изысканной пластикой, напоминает... XVIII век. То в ней видится екатерининская карета, то какие-то архитектурные детали великолепного интерьера..., а то и просто парадный сервиз...»

Áàà «Dàí íÿ cèí à».

Óàÿíí

Искусствовед Н. Воронов тоже высоко оценивает работы Рены Цузмер, относящиеся к разным периодам ее творчества, – к более раннему, живописному, и к позднему периоду – скульптурно-пластическому.

Художница успешно проявила себя и в больших формах, связанных с архитектурой. Ею, к примеру, создана декоративная решетка «Цветы и птицы» для Дворца культуры Волгодонска, фриз «Земля цветет» для Дворца молодежи в Благовещенске-на-Амуре, керамические композиции для пансионата «Дружба» в Ялте и многое другое. Для музея первого космонавта в городе, носящем его имя, Цузмер создала своеобразный мемориал «Небо над родиной Гагарина».

Óðáá áí ó í áíðáí í íá í áí í í «Nóæáí é ó ú».

Óáúíí

С годами в ее творчестве все более ощущается психологизм. Ее декоративное блюдо «Старые деревья» – это не просто пейзаж, а, в известном смысле, символ стойкости и мужества. Она сама говорит, что деревья для нее – живые существа со своими радостями и печалью; молодые – полны радостью бытия, старые – негибаемы, мудры и готовы к уходу. Подобно колоннам, возносятся они к небесам. Колонны вообще занимают немалое место в творчестве художницы. Они, пишет Рена, «словно столбы света, пронизаны воздухом... В их мерцающей глубине летают стаи птиц, распускаются и сбрасывают листву деревья, возникают города и селения, расстилаются поля и текут реки, рдеют закаты, идут дожди». Созданные ею колонны увенчиваются иногда вазами, лепными травами и листьями.

Темы живописных и графических работ Р. Цузмер – природа, город, театральные персонажи, карнавал. В них отражены ее восприятие мира, впечатления жизни, мечты.

Γαῖοαίη ἰάη αἰή «Ἄνθ' ἰεῖ αἰεῖ Ἐσώη αἰή» (ἰὰ ἰ ἀνθά ἐσώη ἀνθ' ἰα ἀνθ' ἰα). Ἐδανῖ αἰ ἄεῖ ἰα

Большинство ее керамических ансамблей связано с пушкинской темой. И это не случайно. Вот как она рассказывает об этом: «Я держу в руках маленький томик Пушкина, изданный к столетию со дня его смерти... Думала ли я, посылая книгу на фронт моему мужу Владимиру Писаржевскому, что вернется она ко мне после его гибели? “Пришли мне Пушкина, он мне необходим, с ним легче убить фашизм, я обязательно вернусь, и мы вместе будем наслаждаться великими стихами”, – просил он в письме».

В.В. Писаржевский пошел на фронт добровольцем и погиб в 1944 году. Рене прислали его орден Отечественной войны I степени и тот самый томик Пушкина. Она говорит: «Все эти годы лежал на душе моей долг перед его памятью, и я, наконец, решилась прикоснуться к пушкинской поэзии, столь зримо и вдохновенно вошедшей когда-то в нашу жизнь, в ее счастье и горе». Выполненная ею многопредметная композиция «Памяти поэта» приобретена Третьяковской галереей. За эту работу Р. Цузмер удостоена Государственной премии России им. И. Репина и награждена золотой Пушкинской медалью.

Ἐξ ἐπὶ ἰῆρῶν «Ἰ ἀϊ γὼὲ ἰῆρῶν».

Ἰ ἀϊ ἀϊ ἰῆρῶν «Α.Ν. Ἰ ὁρῶν».

Ὀἰῆν

Композиция – восемь творений из керамики. Портрет поэта заключен в медальон и как бы вырастает из окружающей среды. Вся композиция опалена осенью: фаянсовый рельеф «Михайловское. Вид с балкона», медальон «Река Сороть», чаша «Дуб уединенный», чаша «Осень»... На колонне – ваза с изображением места последнего упокоения Пушкина.

Основные вехи творческого пути Р. Цузмер нашли свое отражение в статьях отечественных искусствоведов. Ее керамические, живописные и графические работы представлены в Третьяковской галерее, Русском музее, Историческом музее, в музее керамики («Усадьба Кусково»), во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства, Музее истории и реконструкции Москвы, Музее-заповеднике А.С. Пушкина в Михайловском, в музеях Костромы, Ярославля, Сергиева-Посада... Монументально-декоративными работами Цузмер украшают гостиницы «Россия» и «Урал» в Москве, Дворцы культуры некоторых российских городов... Большое количество ее работ находится в ее личной мастерской, составляя единую коллекцию, которая представляет собой прекрасную основу для персональной музейной экспозиции творчества Рены Цузмер.

ИЗ ЧИСТОГО ИСТОЧНИКА

DaááéíóĬ íoá-Ōàèì ÉóòàòòĬ.

Áààò òááíĬò.

ĀeáéĬáĬá ĩĩĬááò ĩ éđĬááĬéŷ

Ēáđŷáèèì : Ĭ ááŷĬ á-ŌáĬđ,

2003 — 477 ĩ ĩĬđááèĬĬáéáĬ.

ÁĬ éòđèé ĬđĬéĬóŷáá

Иерусалимское издательство «Мааян а-Тахор» («Чистый источник») пользуется широкой известностью в интеллектуальных и религиозных еврейских кругах как авторитетный издатель памятников иудейской мысли. В этом году «Мааян а-Тахор» предлагает одно из своих изданий русскому читателю.

Имя Моше-Хаима Луцатто знакомо любому, кто сколько-нибудь серьезно интересовался иудаизмом, еврейской историей или литературой. Несмотря на то, что Луцатто прожил только 40 лет (родился в Падуе в 1707 году и умер в Кфар-Ясиф близ Акко в 1747-м), он успел приобрести репутацию одного из виднейших кабалистов и крупнейшего специалиста в области еврейской этики. Кроме того, перу Луцатто принадлежат сотни стихотворений и три драмы в стихах. Многие представители еврейского Просвещения («Аскалы») считали Луцатто своим предшественником. Некоторые исследователи видят в нем одного из основоположников новой ивритской литературы.

«Даат твунот» («Познание разума») – один из трех трактатов Луцатто по проблемам еврейской морали наряду с «Месилат ешарим» («Путь праведных») и «Дерех а-Шем» («Путь Г-споден»). Формально книга посвящена анализу и разъяснению четырех из тринадцати основ веры (по классификации Рамбама) – Б-жественному провидению, Награде и наказанию, Приходу Мошиаха и Воскрешению мертвых. Однако фактически автор не ограничивается раскрытием этих фундаментальных понятий иудаизма – он дает философское осмысление и отношения Господа с миром, и цели жизни человека в Мире Б-жьем. Соответственно, основной пафос «Даат твунот» – этический: М.-Х. Луцатто объясняет, какова основная функция человека в мире, что мы должны делать, чтобы соответствовать Б-жественному замыслу.

Основной принцип и основная цель существования человека согласно Луцатто – приближение к «совершенству», то есть «увеличение» причастности человека к святости Всевышнего, наслаждение постижением славы Творца без преград и препятствий. Эта цель не может быть достигнута в полной мере, пока человек пребывает в материальном мире, поскольку сущность Б-га непостижима; «более того, наложен вечный запрет на любую попытку понять Его сущность» (34). Но человек в состоянии составить общее представление о совершенстве и предпринимать действия по приближению к нему

– «исправлению»: «То, чего хочет Г-сподь, благословен Он, от человека, – чтобы исправил он все недостатки создания и возвышал себя ступень за ступенью, пока не станет причастен к святости Его» (101).

Все в этом мире – от Г-спода. Поэтому, как бы ни казалось это парадоксальным, всё, кроме Г-спода, не является абсолютным. «Ни одно из его созданий не может противостоять Ему даже посредством законов и порядков, Им же установленных. Ведь Он – тот, кто их установил, и Он же может изменить и упразднить их в любой момент по своей воле».

Соответственно, и зло в этом мире создано Г-сподом. Однако Г-сподь «сотворил» зло, а не «творит» его. Г-сподь «дал место тому... что необходимо живущим внизу для достижения совершенства. Скрыв лицо Свое, он дал место несовершенству, а также тому труду, который необходим для устранения этого несовершенства», «хотя зло – это недостатки, разрушение и смерть, однако оно несет благо человеку, поскольку именно со злом связана заслуга и возможность служения человека» (194). Иными словами – зло есть испытание, преодолевая которое человек приближается к Г-споду. «Творить зло», то есть отказаться приближаться к Г-споду и даже отдаляться от него, есть исключительная прерогатива человека. «И Он положил перед человеком все возможности удаления и их следствия, и все возможности приближения и их следствия» (101).

В соответствии с «мерой добра и зла» Г-сподь обычно судит человека, наказывая и вознаграждая его. Но «правосудие», как и любой, созданный Б-гом закон мироздания, имеет относительный характер. Г-сподь волен прибегнуть к «мере награды и наказания», а волен – и к «мере добра». «Согласно мере награды и наказания истинное правосудие Всевышнего в том, чтобы воздать человеку по делам его, мера за меру... И каждый найдет то, к чему шел, – то ли добро, то ли наказание. Однако в силу замысла доброты Его и в силу Его совершенства общая конечная цель того и другого – возратить все к совершенному добру и полному исправлению» (41).

Наконец, и применение «правосудия» и «милости» Г-сподом всякий раз неодинаково. Оно различно, поскольку неодинаковы времена совершения тех или иных поступков, неодинаковы и сами люди, те или иные поступки совершающие. Мало этого – «один и тот же человек неодинаков в своих силах в разное время» (147). Поэтому пытаться осознать причину того, почему в данном конкретном случае Г-сподь применил «правосудие», а в другом случае – «милость», есть задача для человека непосильная: мы должны уповать на Г-спода и принимать любой его приговор как единственно правильный.

Несмотря на кажущуюся простоту языка текст трактата очень сложен для осмысления. Иногда переводчик вынужден добавлять собственный комментарий, чтобы прояснить авторскую мысль. Вот как, например, Луццатто объясняет тот факт, что Г-сподь не всегда воздает злодею по заслугам: «Это происходит, когда зло усиливается так, что мир не может устоять перед правосудием Всевышнего... В это тяжелое время Всевышний ради будущей цели поддерживает минимальное существование Творения властью своего единства». Чтобы понять, что автор имеет в виду, недостаточно прочесть даже весь трактат, необходимы серьезные знания многих других произведений по проблемам еврейской этики. Поэтому переводчику приходится «вмешаться» и разъяснить существо тезиса: иногда Г-сподь «не обращает внимания на отсутствие заслуг, иначе, если в такой ситуации Он прибег бы к власти правосудия, мир просто прекратил бы свое существование».

Впрочем, в некоторых местах русского языка все равно не хватает и, чтобы понять точный смысл сказанного, необходимо свериться с ивритским оригиналом. Например: «...Для раскрытия и яркого освещения единства (Гспода) необходимо было создать зло как альтернативную возможность обратной стороны, противостоящей воле Всевышнего и Его единству». Как ни переводи текст на русский, невольно создается впечатление, что возможно нечто, противостоящее воле Г-спода. Только обращение к оригиналу позволяет понять, что эта возможность – кажущаяся, существующая лишь в несовершенном человеческом восприятии. Именно поэтому, несмотря на огромную работу переводчика, книга М.-Х. Луцатто издана на двух языках параллельно: каждая страница на русском (слева) и на иврите (справа).

Так или иначе – трактат «Даат твунот» навряд ли может быть в полной мере оценен читателем, не обладающим сколько-нибудь серьезными познаниями в еврейской этике. Отчасти – но только отчасти – эту проблему решают подробнейшие, едва ли не поабзацные, комментарии раввина Хаима Фридлендера.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2003 ХЕШВАН 5764 – 11(139)

ĪÄÈĪ Ī × ĀÑÒĀĪ ÑĪ ĀÐÒÈ

Bàêîâ Øàáòàé.

Yî èëîã

Ðî ï.

Ī . : Ī ĩñòú êéëüò óóú ;

Jerusalem : Gesharim,

2003 – 332 ñ

Āî èòðéé Ī ðĕĭôüüá

«Эпилог» Яакова Шабтая – классический роман о смерти. Тема серьезная и очень важная для художественной литературы. Кроме того, Шабтай был настоящим интеллектуалом и прекрасным стилистом, благодаря чему его последний роман, впервые изданный в 1980 году, выдержал девять переизданий в Израиле и переведен на основные европейские языки. Теперь издательство «Гешарим – Мосты культуры» предоставило возможность познакомиться с ним и русскоязычному читателю.

Итак – архитектор Меир, работающий в строительной фирме в Тель-Авиве, в возрасте 42 лет начинает испытывать патологический страх смерти. Врачи не подтверждают диагноза сколько-нибудь серьезной болезни: слегка повышенное кровяное давление плюс (чем дальше, тем более ясными намеками дается это понять) природная мнительность. Но Меир оптимизма врачей не разделяет, и очень скоро вся его жизнь превращается в непрерывный поиск чудодейственных средств, продлевающих жизнь и возвращающих молодость. А размышления главного героя вращаются главным образом вокруг упущенных возможностей: теперь, когда он убежден, что безнадежно болен и очень скоро навсегда покинет этот мир, эти возможности упущены уже навсегда, и ничего не исправить.

Автор изображает своего героя существом несимпатичным и безнадежно инфантильным. На женщин он хочет в основном смотреть, самое большее – готов трогать рукой. И такую же инфантильность проявляет в других сферах общения. Каждый раз, оказавшись среди чужих людей, он стремится познакомиться и разговориться, словно потерявшийся ребенок, но не может выдать из себя ничего, кроме общих мест. Он надоедает, от него вежливо уходят или нервно убегают.

Описанию больного сознания главного героя, изводящего себя и окружающих, посвящены три из четырех частей романа. В первой части Меир сводит счеты с теми немногими людьми, с которыми он в той или иной степени близок, – с женой, с единственным другом, с родителями. Желая жену он занудливо и злобно ревнует к давней случайной связи (будучи сам, между прочим, отнюдь не образцом верного мужа); другу отчаянно завидует, безосновательно считая его удалым бонвиваном; к родителям, особенно к отцу, относится с явным презрением. На самом деле никого-то он не любит, ни

о ком не способен заботиться, и именно эта неспособность обрекает героя на бесконечное обсуждение с самим собой его действительных и мнимых болезней.

Во второй части неожиданно умирает мать Меира (едва не написал «вместо него самого»); герой на время забывает о том, что он зол на жену, и принимается злиться на отца, который не может прийти в себя от страшного удара. Похоже, Меир органически неспособен понять, что такое потеря любимого человека – опять-таки, поскольку сам никого не любит. Он посещает родительский дом, пока в пластмассовой коробке остается печенье, приготовленное матерью, а съев последний кусочек и подобрав крошки, уходит оттуда навсегда.

Затем Меир решает немного «проветриться» и отправляется в Европу. Бросив жену, бросив старика-отца. Ну, это ладно, ему как раз никто замечаний не делает. Но поездка дает те же жалкие результаты, что и вся предыдущая жизнь в Тель-Авиве. Ни с кем Меир не подружился, не познакомился, даже «бабу не склеил», хотя мечтал об этом днем и ночью. Зато в Лондоне таинственная болезнь ударила вновь: он чувствовал, что не владеет ногами (хотя при этом прекрасно ходил) и руками, а потому не в силах написать открытку домой. Врачи ничего не находят, кроме слегка повышенного давления, и уже открытым текстом говорят, что причины недомогания носят скорее психический, нежели физиологический характер.

В четвертой, заключительной, части повествования Меир возвращается в Тель-Авив. Первым делом посещает своего лечащего врача, немолодую уже женщину, затаскивает ее в постель – и выпадает из обыденного мира. Дальше путешествие героя по жизни разворачивается на природе (горы, леса, пляжи) и обратно – по оси времени. И все-то у него получается, и все-то шансы, упущенные в другой реальности, он использует – шаг за шагом, из зрелости в молодость, потом в юность, в детство и, наконец, в миг рождения. Что это? Смерть и «тот свет» для неверующих? Или предсмертная агония мозга? А может быть – просто здоровый сон после здорового секса? В конце концов, на иврите, как и на английском и французском, «мечтать» и «видеть сны» – один и тот же глагол...

Но даже если на самом деле Меир не умер, если через десять минут он откроет глаза, поблагодарит доктора Рихтер и отправится домой, – все равно «Эпилог» – это роман о смерти. И не только потому, что герой чувствует себя умирающим. Он ведь и не жил никогда – или, по крайней мере, уже очень давно не живет. Потому что жизнь без любви – это существование в смерти. В этом смысле навряд ли оправданно сравнивать агонию Меира со «Смертью Ивана Ильича», как это делает переводчик Наум Вайман в послесловии к роману. Герой Шабтая близок скорее к бесконечно умирающим персонажам Беккета и их израильским аналогам – многочисленным больным, полумертвым и совершенно мертвым персонажам Ханоха Левина.

Кстати, о переводе. Переводить хорошую ивритскую литературу на русский очень трудно. Прежде всего из-за синтаксиса. Фраза на иврите может спокойно растянуться на полторы страницы и при этом восприниматься совершенно естественно и не представлять ни малейших затруднений для читателя. Шабтай в этом смысле не одинок: точно так же строит фразу другой известный израильский прозаик, Йорам Канюк, эта же стилистика характерна для раннего А.-Б. Иехошуа, для прозы Ханоха Левина, кое-где появляется у Амоса Оза, у десятков менее известных израильских писателей. И не забудьте: точно так же синтаксически выстраивает текст автор главного бестселлера ивритской и мировой литературы – Г-сподь Б-г наш.

Попытка сохранения синтаксиса при художественном переводе, – ее, собственно, и совершил Наум Вайман, – представляется небезынтересной, но в данном случае не слишком удачной. По крайней мере, первые несколько десятков страниц текста читаются с огромным трудом. Чего стоит, например, предложение, в котором 28 раз повторяется союз «и» и 11 раз глагол «сказал»! Впрочем, такие синтаксические монстры попадаются и далее по тексту – например, в одном предложении семь раз повторяется частица «бы». Для иврита подобные «завороты» нормальны, для русского – безусловный перебор.

Перевод грешит и буквализмами – прежде всего, при переводе имен, образованных от прилагательных. Зачастую возникают лексические уродцы – «они только возбуждали этим его гневливость», «в нем начала распространяться какая-то затуманенность», «чувство бодрости и загорелости» и т.д. Кое-где чувствуется, что переводчик просто забывает русский язык; тогда появляются «авантюры, воспалявшие фантазию», «деревянные бревна», «радость щекоталась в нем» и пр. Немало обычных редакторских «ляпов» – «плотные..., как у плотника, ладони», «бросил взгляд на газету, брошенную на диван», «...ни к чему не обязывающее и не требующее обязательств, пренебрегающее общепринятыми правилами и обязанностями»...

Список претензий можно, разумеется, продолжить. Однако, пусть и в небезупречном переводе, издательство «Гешарим – Мосты культуры» позволяет нам знакомиться с действительно высококлассными образцами израильской литературы. Все равно стоит прочесть.

ŃÒÀŃĪ BÒŮŃŅ ÒÓÒ Ī Ā×ĀĪĪ

ĀđàéàĪ ĀĕàĪ àĕĕĕ

Я причесывалась перед зеркалом, когда в спальню вошла Хильда и говорит:

– Дженни, он мне нравится, ей-ей нравится, ты таких симпатичных давно не приводила.

А я ей:

– Я так рада; правда, он ужас до чего интересный?

А она:

– Еще бы, а он еврей?

А я ей:

– Между прочим, да, но, правда же, ни чуточки не похож?

А Хильда мне:

– Нисколько.

А потом и говорит:

– Ты сегодня тоже ужас до чего интересная.

Я ее расцеловала, впрочем я и сама знала, что тафтяное зеленое платье и бриллиантовые серьги, папин подарок ко дню рождения, мне идут и выглядят я хорошо.

Мы с Хильдой отлично ладим и всегда ладили с тех пор еще, когда она совсем малышка была; кстати говоря, я и отношусь к ней не как к племяннице, а как к ровеснице. Потому, наверное, что мы ужас до чего похожи и не так лицом, – хотя глаза у нее те же, да и нос тоже загибается книзу, правда, она, понятное дело, пока еще совсем тоненькая, – как повадкой. Она порывистая точь-в-точь, как я, вечно порет горячку, говорит все, что на ум взбредет, а потом раскаивается. Соображает она быстро, слишком даже быстро и оттого не очень и хорошо, и временами мне ее ужас до чего жалко, и я думаю: она наделает тех же ошибок, что и я; если б только я могла ее от них уберечь, да где там, никто никого ни от чего уберечь не может.

Чарльз разговаривал с Джеком – они, похоже, сошлись, потому что, если Джеку кто не по нраву, он или вовсе разговаривать не станет, сидит себе и молчит, или слова не дает сказать, затыкает рот. И я подумала: а ведь оба всем взяли, хоть они и совсем разные. Джек мужественный, спортивного склада и выглядит так, точно он не на Уорддор-стрит* день провел, а на площадке для гольфа. Чарльз – тот куда более лощеный, нос у него длинный, прямой, волосы вьющиеся, совсем светлые. Разговор они, по-моему, вели об общем рынке.

Когда я вошла в гостиную, Айрин в безрукавном платье от Бальмэна^{**}, привезенном из Парижа, зажигала свечи, и я подумала: сколько она ни ест, а ни чуточки, ну ни на полкило, не потолстеет, где тут справедливость? Она вскинула на меня глаза и говорит:

– А он не голубой, нет?

А я ей:

– Г-сподь с тобой, с чего ты взяла?

А она:

– Говорит он так.

А я ей:

– Так, лапуля, образованные люди говорят.

А она:

– Вот оно что.

Тут я как взвьюсь:

– А тебе бы только придраться, – говорю. – Он – само обаяние. И зачем только я его к вам привела?

И вышла: не хотела до скандала доводить, знала – она так говорит только чтобы меня позлить. У них с Джеком на редкость узкий кругозор. Они то и дело ездят за границу, знакомства у них сплошь среди киношников, и они с них обезьянничают, Айрин, та в особенности, но в душе они ужас до чего буржуазные.

По правде говоря, мне иногда кажется: не будь мы с Айрин сестрами, мы бы с ней и вовсе не встречались, но с сестрой столько всего вместе пережито прежде, столько вместе прожито, что, если даже жизнь у нас сейчас совсем разная, каких гадостей ни наговори, а друг другу прощаешь. Бывает, мы по месяцу не видимся, ну а потом я беру трубку или она берет трубку, или мы сходимся у папы, и ведем себя так, будто ничего плохого между нами и не было.

Правда, и тут есть исключение, потому что не о мелочи речь: я их слушала, когда они на Сидни наговаривали, смотрела на него их глазами и, в конце концов, разошлась с ним. С виду Сидни еврей-евреем, прямо с карикатуры, и ужас до чего скучный да и вышла я за него, пожалуй что, с перепугу после той истории, и семейка его – кошмар что такое. Зато он был добрый и... словом, все лучше, чем одной куковать.

И вот ведь какая странность: они с евреями больше общаются, чем я; я что хочу сказать – и среди моих знакомых много евреев, таких, как Чарльз, но мои знакомые занимаются искусством, а не деньги заколачивают. Сколько раз я себе слово давала: никогда никого больше к ним в гости не приводить, но обещание никогда не держала – отчасти и потому, что, как ни крути, они мне родные, а отчасти потому, что мне хотелось сказать им, в особенности Айрин: «Съели?», чтоб она не очень-то задирала нос.

А когда вернулась в гостиную, где Чарльз разговаривал с Джеком, я еще вот что подумала: это нечестно – я же помню, сколько слез она пролила из-за Джека, она его любила, но боялась, что он на ней ни за что не женится, я тогда очень ее жалела, а теперь, глядя на нее, никогда ничего такого и не подумаешь – до того она самодовольная.

Когда я вошла, Чарльз говорил:

– Не знаю, я так думаю, в киноиндустрии самая завидная доля у экспериментаторов.

А Джек ему:

– Завидная -то она завидная, но на их фильмы зритель валом не валит.

А я и говорю:

– Послушайте, что же это такое: не успела я выйти из комнаты, а вы уже затеяли спор.

А Чарльз и говорит:

– Никак нет, на мой взгляд, понять, почему фильмы выпускают на экран и какие фильмы выпускают, захватывающе интересно.

Я поняла, что он имел в виду, а до Джека не дошло.

Особенно хорошо в Чарльзе то, что он чувствует себя, как рыба в воде, в любом обществе, а уж сколько всего знает. Я что хочу сказать: он ведь издает ноты, а говорить может о чем угодно – о литературе, машинах, живописи, кино и даже о тряпках. Я сразу поняла: Айрин, хоть она поначалу и вредничала, он понравился, потому что за обедом она подстраивалась под него, говорила: «Это так, но правда же, Ингмар Бергман ужас до чего устарел?» или: «Быть бы ему лучшим оператором Англии, если б его дружок то и дело не бросал его».

А Хильда и спроси:

– Чей дружок, мам?

А Айрин ей:

– Фредди Познера, детка, но ты нас не слушай.

А на мой взгляд, такие разговоры не для детских ушей.

Чарльз замечательно держался с Хильдой, сразу нашел верный тон: с детьми ведь разговаривать очень трудно – с ними нельзя вести себя покровительственно и в то же время нельзя говорить так, как с взрослыми.

Тут Хильда его и спроси:

– Какую музыку вы издаете?

А он ей:

– Всякую, но, по преимуществу, классическую.

А она ему:

– А Брамса вы издаете? На меня он наводит скуку смертную. Мы его проходили на уроках музыкальной культуры.

Джек попытался было ее одернуть, говорит:

– Хильда, Брамс – великий композитор.

А Хильда ему:

– Ну а на меня он все равно наводит скуку.

Сейчас, думаю, они сцепятся, но тут Чарльз – он ужас до чего находчивый – и говорит:

– Великие художники часто наводят скуку, на меня, к примеру, наводит скуку Достоевский.

Тут Айрин обнаружила, что у них с Чарльзом много общих знакомых в киношных кругах. Айрин хлебом не корми, только дай посплетничать: знает ли Чарльз, что у того-этого роман с тем-этим, и знает ли он, почему на самом деле та-эта прекратила сниматься в том-этом фильме, и, в конце концов, у меня лопнуло терпение, и я и говорю:

– А что, разве это так уж важно? Я что хочу сказать: разве не важно только одно – хороший фильм снимают или нет?

А Айрин мне:

– Извини, лапуля, я понимаю, тебе скучно: ведь мы говорим о людях, которых ты не знаешь.

Только их австрийская горничная принесла кофе, как в дверь позвонили. Айрин вскакивает и говорит: «Я сама открою», чего она обычно никогда не делает, а я гадаю, кого же это она ждет. И тут – Б-г ты мой! – слышу папин голос и говорю Чарльзу: «Мой папа пришел». – Он мне потом сказал, что я стала белая как мел, а Хильда и говорит: «Это что, дедушка пришел? А я и не знала, что он должен прийти». Ох и обозлилась же я на Айрин: она-то не могла не знать, что папа придет, кому это надо, чтобы он – вот те на – явился посреди обеда, да еще когда приглашен гость, с ним незнакомый. Я что хочу сказать: не то чтобы я папы стеснялась или что, только... словом, когда знакомятся с Хильдой или, скажем, со мной, никому и в голову прийти не может, что у нас такой родственник.

По папе сразу видно, что он с «прежней родины», внешность, акцент – все его выдает, и говорить он может только о деньгах: оно и понятно, бедный папа, он с четырнадцати лет работает; его надо знать по-настоящему, иначе он производит не то впечатление. Я что хочу сказать: он и впрямь хочет для меня всего самого лучшего и

впрямь чего только и для меня, да и для Айрин и даже для Джека, когда тот был помоложе, ни делал, но до чего же некстати он сейчас пришел.

Папа вошел со словами:

– Ну, ну, здравствуйте, здравствуйте, что же это получается: у моей дочери не нашлось для меня местечка за столом вечером в пятницу; после обеда – вот когда меня пускают. Хильда, детонька, здравствуй, здравствуй, Джек, здравствуй, Дженни. Здравствуйте, молодой человек, вы – друг Дженни?

Чарльз встал и говорит:

– Да, вы не ошиблись.

А папа ему:

– Как говорите, ваша фамилия? Левертон? Такая фамилия может быть и у еврея и у нееврея, на еврея вы непохожи.

А Чарльз и говорит:

– Да и вы непохожи.

И я подумала: а он дерзит.

Все расположились в креслах пить кофе, и я молила Б-га, чтобы папа не подверг Чарльза допросу, только моли-не моли, иначе и быть не могло. Чем Чарльз занимается? Доходное ли это дело – издавать ноты?

А Чарльз ему:

– Есть много дел и подходящее.

А у Чарльза «ягуар» и просто изумительная квартира на Портмен-скуэр.

Тут папа и говорит:

– Я что хочу сказать: можно на доход с него прожить? Я так думаю, если дело не приносит пяти тысяч в год, прожить с него нельзя.

А Чарльз ему:

– Прожить, полагаю, можно.

Я услышала, что Айрин говорит на кухне с горничной, прошла на кухню и, когда мы остались одни, говорю ей:

– Могла бы и предупредить.

А она мне:

– Лапуля, с какой стати? Он же не сказал точно, что придет; мне и так стоило большого труда сделать так, чтобы он пришел после обеда. И потом, ты же не стесняешься его, ведь нет? Чарльзу раньше ли, позже ли, все равно пришлось бы с ним познакомиться.

А я ей:

– Ты же знаешь, не о том речь.

Когда я вернулась в гостиную, разговор у них шел об акциях и дивидендах, и я поняла: вечер загублен; а они все говорили и говорили – что поднимается в цене, что падает, и я готова была уже криком кричать. Чарльз включился в разговор – он просто чудо, но я совсем извелась, я же видела: его эти разговоры так же занудили, как и меня.

Ну а Айрин, Хильде и мне ничего не оставалось, как сесть в уголку и завести свой разговор, время от времени я обращалась к Чарльзу – давала ему шанс присоединиться к нам, но папа тут же снова вовлекал его в разговор, и на третий раз Чарльз жалобно посмотрел на меня, давая понять: ну что тут поделаешь? И в конце концов до того дошло, что я даже не слышала, о чем говорят Айрин и Хильда.

В половине десятого я и говорю:

– Айрин, нам и впрямь пора, мы вчера вечером поздно засиделись в гостях.

А папа говорит:

– Я только пришел, а вы уходите, где это видано? Оставайтесь на полчаса, ничего с вами не сделается.

И я поняла: если мы сейчас уйдем, он, как водится, устроит сцену – и пиши пропало. Так что я замолчала, а Айрин передернула плечами в смысле: ты же его знаешь, но я все равно думаю – это она подстроила, и она знает, что я знаю.

Я еще раз попыталась помочь Чарльзу.

– Пап, – говорю, – ты завладел Чарльзом, не даешь нам с Айрин и словом с ним перемолвиться.

– Завладел? Зачем мне это? У нас интересный разговор, он деловой человек – голова у него варит.

А Чарльз ему:

– Не так хорошо, как у вас.

Тут завязался общий разговор, только какой разговор можно вести при папе. Кончили тем, что стали рассказывать еврейские анекдоты, чего я не выношу. Папа рассказал один анекдот с бородой – его все знали, Чарльз рассказал несколько уморительно-смешных, и папа очень смеялся, потом перевел взгляд на меня – головой качает, подмигивает: показывает, что Чарльз ему понравился, оставалось только надеяться, что Чарльз этого не заметил.

Тут горничная принесла чай, и папа давай ворчать: почему, мол, к чаю ватрушки не подали, а Айрин и говорит:

– Пап, если бы мы знали точно, что ты придешь.

А он ей:

– Это почему же ты не знала, конечно же, знала.

И то хорошо, что к этому времени мы уже выпили чай, так что можно было и распрощаться.

На обратной дороге, в машине, я и говорю Чарльзу:

– Чарльз, мне очень жаль – ты так скучал.

А он мне:

– Детка, зря ты конфузишься, я что хочу сказать: посмотрела бы ты на моего папу.

Но я-то знала: сорвалось, опять сорвалось.

Ἰ ἀλλὰ εὖ πάλιν ἐπέτα Ἐ. Ἀντιθέτα

** Ὅτι δὲ πῶς ἐὸν – εἴ τι αἰτίαν αἰεὶ ἔχει, ἢ ἐπὶ τῷ ἐπιπέδῳ ἐπιπέδου ἢ ἰσοπέδου ἐπιπέδου ἰσπέδου.*

*** Ἀλλὰ γὰρ – ἐπιπέδου ἰσπέδου ἢ ἀντιθέτου ἢ ἰσπέδου.*

Въ двадцатилѣтніи годахъ прошлаго столѣтія центромъ напряженнаго вниманія не только русскаго, но и всемірнаго еврейства неожиданно сдѣлался безвѣстный дотошъ небольшой, хотя и съ крупными историческими прошлыми, бѣло-русскія городокъ Велижъ.

Не прошло еще и пятидесяти лѣтъ, какъ, по первому раздѣлу Польши, городъ этотъ изъ-подъ польскаго владычества перешелъ къ Россіи. Войствующій католицизмъ еще не успѣлъ здѣсь окончательно слать своихъ позиціи, православное благочестіе (по официальной тогдашней терминологіи), несмотря на то,—а можетъ быть, и вследствие того,— что насандалось очень твердой рукой, не успѣло еще завладѣть сердцами только-что присоединеннаго христіанскаго населенія. Очень слабо выдерживавшая эту двустороннюю атаку, унія, которую поголовно исповѣдывали всѣ почти, такъ называемые, „коренные“ мѣстные жители, дѣлала послѣднія отчаянныя попытки къ самооборонѣ, главнымъ образомъ, въ сторону официальнаго православія, постепенно, однако, сглаживая послѣднія грани, отдѣлявшія ее отъ Рима *). Отъ остраго столкновенія этихъ враждующихъ силъ неизбежно должна была родиться искра. И унавъ на благодарную, хорошо разработанную почву въковой злобы и ненависти къ тѣмъ, которые стояли совершенно въ сторонѣ отъ всего этого спора и менѣе всѣхъ заинтересованы были въ его исходѣ, искра эта очень скоро разгорѣлась въ яркое кровавое зарево.

*) М. Колломенъ. „Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ стар. времени“ (стр. 334 и слѣд.).

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2003 ХЕШВАН 5764 – 11(139)

ВЕЛИЖСКОЕ ДЕЛО В ОСВЕЩЕНИИ ПРЕДАНИЙ,

ДОКУМЕНТОВ И ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

İ edîi Dûâeî

*Ā āāāāāōāōā āāū ī ēīōōōāā (XIX-ā. – Dūā) nōīēāōēy
ōāī ōdîī āīēī āīēy īā ōīēūēī dūāīā, īī ē āūī ēdīīā āāōēīōāā
īāīāēāīīī nūāēāy āāāāōīūē āōīēā īāīēūōīē, ōīōy ē ī
āāāī āē ēīōīōēāē, āāēī dūāīēē āōīāīē Āāēēā.*

*Īā ī dīōēī āāēā īīēāēā īī ōāō īīd ēāē īīīēā īāōāīā
dāāāēā Īīēūēē āōīā yōīō ēyīīā īīēūēīā āēāāū-āīōāā īāōōāē ē
Dūāīē. Ēāōīēēōēī āīā īā ōūāē īēīī-āōāēīī īāāōūā Āāēēāā īāīē
īīēōēē, ā "īdāāīēāāī īā āēāā-āīōēā" (īī īōēōēāēūī īē ōīāāōīāē
ōāī ēīīēīāē), ōīōū ē īāīāēāāēīīī āāūī ā ōāāāīē dūēīē, ōīāēā īā
ōūāēī ā āīēēīīē īē īāā çāēīāāōūī nūāōāī ē āāōpūēō ā ōēīōēāīīēīā Ā-āā. Nō ōdūāīī āīāāēēāāōāy
yōō āāīōīdīīīp āōāēō ōīēy (ōīēāōāī ē āā āūēē īīāēīāīī āā ēēē īī-ōē āā ōāē īāçūāāāī ūā
"ēīōāīūā" āēōāēē) āāēāēā īīīēāīēā īō-āyīīūā īīīūōēē nāī īīāīōīyōūīy, āāāīūī īāōāçīī īō
īōēōēāēūīīā īdāāīēāāēy, īāīīāōāī āīīī nōēōāy īīīāī īīāō īīīēāīīp āāāū īōāāēyāōōp āā īō
Dēī āī. Nōīēēīīāīēā āāāēāōpūēō īēē īāēçāēīī āīēāīī āūēī āūīā-ū ēīēdā Ōīāā īā āēāāāāōīōp,
ōīōīōī ōīāāīāēāīōp īī-āō āāēīāīē çēīāū ē īāīāāēīōē ē ōāī, ēōī īdāāūāāē ā nōīōīā īō yōēō
āīdāīēē ē ī āīāā āīūō çāēīōāōāāīī āūē ā ēō ēīōīāā, ēīēdā yōā ī-āīū īēīōī dāçāī dūēāūī ē ēdīāāāīā
çāōāāī āīōāēī īāā āōīāīī.*

Евреи были первыми брошены в костер. Победенные с его помощью думали задержать наступление победителей, совершая последнюю попытку собрать воедино свои уже готовые рассеяться рати. Но и побеждавшие, и побежденные в конечном счете выполняли одну и ту же работу: с одинаковой одержимостью подбрасывали в огонь все, что могло дать ему новую пищу, что должно было разжечь его еще сильнее, превратив во всееврейское пожарище. Каждый жертвовал что мог. Войствующий католицизм не пожалел своих тонких политических расчетов, уния отдала накопленный за два столетия темными народными массами злобный фанатизм, пропагандисты официального православного «благочестия» вывалили в огонь свое косное полицейски-крепостническое «правосознание»². И двенадцать лет багровый отблеск раздутого объединенными усилиями пожара озарял ярким пламенем, на виду у мира, всю глубину еврейского бесправия, всю безнадежность борьбы с прочно въевшимся в сознание широких масс кровавым призраком.

Жуткий миф, вспоенный кровью, миф, осмеянный наукой и неоднократно осужденный церковью, через шесть лет после официального «упразднения» его престолом (высочайшее повеление от 28 февраля 1817 г.) снова завладел умами и двенадцать лет держал в оцепенении миллионы евреев, миллионы христиан. Даже изблеченный перед лицом правды, в свете правосудия он дрогнул было, но не рассеялся.

Через сорок лет после заключительного акта велижской трагедии (дело официально закончилось 18 января 1835 г.) в Велиже, где пишущий эти строки провел свои первые сознательные годы, сохранились лишь слабые следы события, некогда потрясшего город до самого основания. Целое поколение отделяло нас, детей, чье пугливое воображение распалялось страшными пересказами полузабытой легенды, от тех, для кого эта страшная сказка была

действительностью. Старые, заброшенные могилы, принявшие в себя первых жертв кровавого и ложного обвинения, терялись среди нестройных рядов могил новых, недавних, и дорожки к ним густо заросли травой. Город существовал как обычно. На площади, на прилегающих к ней улицах, возле домов, еще недавно служивших тюрьмами, и в самих этих домах, внутренние помещения которых десять лет подряд оглашались только мерным лязгом цепей, – повсюду шумно творилась жизнь. Так же, как и за полстолетия до того, на Петербургской улице, у реки, недалеко от перевоза, бойко торговал шинок Ханы Цетлин, теперь принадлежавший сыну ее Ильке, и так же гостеприимно, как пятьдесят лет назад, раскрывал свои двери перед толпой второй, лежавший по другую сторону улицы; хозяином его некогда был один из героев пережитой трагедии – Носон Берлин. И точно так же как тогда, незаменимой в домашнем еврейском обиходе личностью была вечно пьяная, распутная баба – без роду и племени, умная и наглая, с синими запекшимися губами и маленькими бегающими глазками. Водоноска, истопница, судомойка, она по субботам тушила свечи, доила коров, «распечатывала» печи, в пасхальную ночь выпивала «остатки», коверкая, твердила еврейские благословения, прислуживала родильницам, встречала новобрачных, провожала умирающих, всем говорила «ты», всем лгала и всех ненавидела. Это была типичная Марья Терентьева (хоть и звали ее Олёной), чей лживый заплетающийся язык полстолетия назад, фигурально выражаясь, заковал в кандалы десятки ни в чем не повинных людей. И за полтинник меди или полуштоф водки первый же встречный, если бы это ему понадобилось, легко мог и впрямь превратить ее в новую Терентьеву, вызвав из тьмы забвения давно растаявшую в тумане кошмарную тень.

Жизнь залечила старые раны. И только раз в год, в 18-й день месяца шват, в годовщину открытия запечатанных некогда еврейских молелен, город один вечер предавался праздничному веселью. Синагоги – особенно в первое время после трагедии – богато иллюминировались плашками, кое-где раздавалась музыка, и знаменитый местный маэстро Рувим Берсон замечательно играл на своей маленькой послушной скрипке. Женщины устраивали хоровод, а Итка Берлин³, в черном шелковом чепце с красными цветами и развевавшимися по воздуху голубыми лентами, ловко приседала в такт музыке, прихлопывая пухлыми белыми ладошками.

Потом, вместе с кончиною Итки, прекратились и эти праздники.

Три года назад, в 1906 г., умер последний из тех, кто был так или иначе связан с Велижским делом. Лейзер Рудняков звали этого человека. Незадолго до смерти он поведал пишущему сии строки о своем далеком детстве. Мать его, Лея, арестованная одновременно с мужем (Зусей Рудняковым), увела Лейзера с собой в тюрьму. Он тогда только начал ходить. Здесь, в заключении, мальчик и вырос. Мать брала его с собой на допросы, которая учиняла специальная комиссия. Надзиратели разрешали ему играть в тюремном дворе. Хаим Хрипун научил его грамоте, Итка Цетлин веселила своими песнями. И когда вместе с отцом и матерью он вышел на свободу, ему пошел уже 12-й год.

На нем обрывается связь доживающих в Велиже поколений с теми, что непосредственно приняли на себя весь ужас кровавого навета.

Только в шести верстах от города, в корчме «Брусованка», до сих пор (апрель 1909 г.) живет еще старушка Рехель, племянница Зелика Брусованского, одного из многочисленных узников, так и не вернувшихся на свободу и встретивших смерть под тюремными сводами. Пока ее дядя был жив, она носила ему в тюрьму еду. И теперь, долгими зимними сумерками, когда метель заметает дорогу и жалобным воем в трубе

будит давно уснувшие тени, она обращает печальный взор к городу, и крупные слезы текут по ее глубоко залегшим морщинам.

Святые стариковские слезы, они льются вот уже более 80 лет!

I

Фактическая сторона Велижского дела отражена в опубликованных архивных материалах⁴.

25 марта 1823 г., в праздник Благовещения, за месяц до христианской Пасхи, психически больная девушка по имени Анна Еремеева, занимавшаяся предсказаниями и ворожбой, объявила окружающим, что в первый день Светлого Христова Воскресения «одна христианская душа будет загублена евреями». Накануне Пасхи она подтвердила свое предсказание и при этом сообщила некоторые подробности: христианский мальчик, которого она узрела в первом своем «представлении» (видении), назначен страдать «в иудейском, что против зарева на рынке, большом угловом каменном доме». То есть в доме Мирки Аронсон.

Действительно, 22 апреля, в первый день Пасхи, у жившего на окраинной Сибирской улице рядового местной инвалидной команды Емельяна Иванова пропал мальчик трех с половиной лет по имени Феодор. На третий день праздника к жене Емельяна, Агафье Ивановой, пришла неизвестная ей женщина Марья Терентьева, подруга Еремеевой и ее наставница, тоже занимавшаяся гаданиями и ворожбой, и, пустив воск на воду, заявила, что мальчик находится в доме еврейки Мирки в погребе, откуда его еще можно взять живым; если же его не освободят, то он будет умерщвлен. Мать не пошла выручать сына, а отправилась в деревню Сентюры к Анне Еремеевой, которая в точности повторила ей слова Терентьевой. Поиски пропавшего мальчика так даже и не начались, и 2 мая труп его был случайно найден в полуверсте от города на кочке в лесу, «чем-то в нескольких местах пронзенный».

5 мая в доме Мирки Аронсон, где вместе с нею жил ее зять Шмерка Берлин, был произведен тщательный обыск, не давший ровным счетом никаких результатов.

Ėāēçāĭ Dvāi ūēīā

Тем не менее полиция, по указаниям Марьи Терентьевой и Анны Еремеевой, представила 15 декабря 1823 г. в городской магистрат материал для привлечения к суду купца Шмерки Берлина и сына его Гирши, велижской мещанки Ханы Цетлин и случайно проезжавшего через г. Велиж и остановившегося в доме Шмерки Берлина полоцкого мещанина Иоселя Гликмана.

16 июля 1824 г. поветовый суд вынес резолюцию, в коей постановлено Хану Цетлин и Иоселя Гликмана оставить в сильном подозрении, а последнего, кроме того, еще и арестовать; смерть Феодора Емельянова «предать воле Божией, умерщвление же оставить в подозрении на евреев».

Витебский главный суд, куда дело поступило на утверждение, приговор сей отменил и постановил евреев «оставить без всякого подозрения». Терентьева же «за воровку и блудное житие» была приговорена к церковному покаянию.

Осенью 1825 г. дело, однако, по жалобе Терентьевой было возобновлено, и в Велиж прибыла специальная следственная комиссия во главе с чиновником Страховым.

22 ноября Марья Терентьева заявила перед этой комиссией, что она сама принимала участие в умерщвлении христианского мальчика совместно с евреями и бывшей служанкой Ханы Цетлин Авдотьей Максимовой. 1 декабря последняя была арестована, а 7 декабря, после некоторой путаницы в показаниях, «утвердилась» наконец на версии оговорившей ее Терентьевой, повторяя теперь уже за ней дословно все, что произносила та.

15 декабря была арестована бывшая служанка Берлиных Прасковья Козловская, которую Терентьева и Максимова тоже назвали как соучастницу. Два месяца ее показания

шли вразрез с утверждениями двух других доказчиц, и только после целого ряда допросов все три христианки-обличительницы «утвердились» на единогласном показании, которое вкратце сводилось к следующему.

За неделю до «еврейского праздника мацы (пейсаха)», в Великий пост 1823 г., еврейка Хана Цетлин попросила Терентьеву привести ей «хорошенького христианского мальчика». Встретив на мосту солдатского сына Феодора Емельянова, Терентьева повела его в дом Ханы и Евзика Цетлиных, где его приняла из ее рук служанка Максимова и отнесла к хозяйке в горницу, за что обе они «были напоены допьяна» и, кроме того, каждая получила по 2 рубля серебром. Вечером того же дня эти женщины отнесли мальчика в дом Шмерки Берлина к Мирке Аронсон⁵, где было тогда «очень много евреев обоего пола», за что также получили водки и по 2 рубля каждая. В понедельник мальчика понесли обратно к Хане Цетлин, во вторник утром обратно к Мирке, а вечером снова к Хане. В среду он весь день оставался в доме Цетлиных, а в четверг утром Терентьева снова отнесла его в дом Мирки, откуда его уже более никуда не выносили.

В понедельник на Фоминой неделе Хана Цетлин, напоив Терентьеву и Максимова вином, привела обеих в дом Мирки, в горницу дочери ее Славки Берлин, где были собраны те же евреи обоего пола. Там они обе, при содействии Козловской и соучастии всех присутствовавших при том евреев и евреек, принялись истязать раздетого донага младенца (окунали в бочку, обрезали, подкалывали, мыли, обтирали и снова подкалывали), после чего Терентьева по приказанию евреев завязала ему платком рот, взяла его со стола и в сопровождении всех находившихся при том евреев и евреек понесла в еврейскую школу. Там истязания ребенка продолжались и завершились мученической его смертью, причем кровь, которая была из него источена, собрали в стоявшую тут же «начевку», в которой евреи мочили холст, и раздавали всем присутствующим.

Здесь же совершились надругательства над похищенным из Ильинской униатской церкви антимином, а также изображениями святых; кроме того, все три христианки были обращены в жидовскую веру.

По окончании всего присутствующие «разошлись по домам, и Максимова понесла за Цетлиной одну, Козловская за Берлиновыми две бутылки и Терентьева за Орликом Девирцом бочонок с кровью, который, отнеся за ним в угольный каменный дом с зеленою крышею, на Рыночной площади находящийся, поставила в оном в особую каморку».

Кровь же, по показанию Терентьевой, нужна евреям по той причине, что тряпкою, вымоченной в крови, «протирают глаза родившимся младенцам, потому что евреи рождаются слепыми, а немного христианской крови евреи кладут в муку, из которой пекут мацу (опресноки)».

Бочоночек с кровью, который хранился в горнице у лекарского ученика Орлика, был на другой год отвезен Марьей Терентьевой вместе с двумя сопровождавшими ее еврейками в Витебск, а оттуда с теми же самыми еврейками в местечко Лезнуб.

Результатом всех этих показаний явилось то, что 44 человека были арестованы, закованы в кандалы и заключены в одиночные камеры⁷. Независимо от этого в августе месяце 1826 г. после всеподданнейшего доклада генерал-губернатора князя Хованского о ходе следственного дела последовало высочайшее повеление: «В страх и пример другим жидовские школы в Велиже запечатать впредь до повеления, не позволяя служить ни в самых сих школах, ни при них».

II

Таков официальный сюжет Велижского дела, который нашел свое отражение в архивных материалах и который так или иначе занесен в документы, хранящиеся в правительственных канцеляриях.

В нашу задачу входит, однако, по мере сил и возможности показать другую сторону трагедии, ту, что не могла быть использована официальным делопроизводством. Речь пойдет о мыслях и ощущениях тогдашнего еврейства, связанного с Велижским делом, до такой степени застигшим его врасплох, что через пятьдесят лет, отделяющие мои воспоминания от самого события, не все еще сумели правильно разобраться в происшедшем. Собранные мной сведения не могут, конечно, претендовать на полноту и абсолютную достоверность; однако упускать их из виду невозможно и несправедливо.

И поскольку за эти полвека восприятие велижской истории не претерпело изменений в умах потрясенных ею людей, я должен был прийти к недвусмысленному заключению: велижские евреи с того самого момента, как на них обрушилось страшное несчастье, с полной ясностью понимали, что стали жертвами гигантского заговора. Что заговор этот очень плохо продуман, но заговорщики зато действуют с чрезвычайной грубостью и наглостью. Именно эта грубость, эта безнаказанность, а также то, что клеветники не потрудились придать кровавому навету хоть какое-нибудь юридическое обоснование, не позаботились об элементарных доказательствах, повергали велижских евреев в особое уныние. Было абсолютно очевидно, что над ними совершается расправа, что любые, самые убедительные аргументы там, где приговор вынесен заранее, звучат по меньшей мере нелепо. И те, кто не умер сразу от сознания своего бессилия, мало-помалу свыклись с мыслью, что защищаться бесполезно. В конце концов они даже отказывались отвечать на вопросы членов следственной комиссии. Практический интерес представлял для них только вопрос о том, насколько широко раскинута опутавшая велижское еврейство сеть, где ее пределы. В сплетении же ее принимали одинаковое участие почти все представители местного христианского общества – начиная пьяницей-сапожником Петькой Азадкевичем и кончая городским головою Хрулевичем. Задействованы были и представители духовенства: католического (ксендзы Серафимович и Лукович), униатского (Тарашкевич, Гнида, Перлашкевич), православного (отец Симеон). И вся местная администрация тоже – от будочника Устинцова до земского исправника, князя Друцкого-Соколинского включительно. Пока казалось, что список врагов обрывается на председателе следственной комиссии коллежском советнике Страхове, евреи возлагали кое-какие надежды на генерал-губернатора князя Хованского. Когда же выяснилось, что в этом чудовищном деле князь – чуть ли не глава, не «мозговой центр», взоры их обратились к еще более важным лицам. Полная безнадежность овладела всеми лишь тогда, когда командированные в Велиж по высочайшему повелению и для участия в работе следственной комиссии флигель-адъютант генерал Шкурин и статский советник Беклешов быстро перешли на сторону так называемых «доказчиц», отдавая себя в полное распоряжение заговорщиков.

Вокруг бездыханного тельца никому не известного трехлетнего Феодора Емельянова стояли люди разного общественного положения, разных религиозных и политических воззрений. Характерно: все сохранившиеся среди велижских евреев предания о причине смерти этого мальчика едины в том, что участники заговора воспользовались трупом ребенка случайно, а вовсе не были виновниками его гибели.

Наиболее распространенной среди велижских евреев считается версия о том, что мальчика будто бы нечаянно подстрелил из ружья, заряженного дробью, неизвестный

охотник, издали принявший его за зайца. Труп был тотчас перенесен в аптеку Лангебека, и там, еще до прибытия штаб-лекаря Левена, дробинки поспешно извлекли из ранок, отчего создалось впечатление, будто мальчика кололи каким-то длинным предметом, и кололи глубоко.

Версия эта опровергается, однако, сохранившимся в деле протоколом вскрытия, где указано, что платье осталось на мальчике нетронутым.

Не менее распространена была среди местных евреев и другая версия. Она утверждает, что мальчика кто-то переехал, когда он переходил дорогу; для сокрытия преступления труп его отнесли в сторону и бросили на кочку. Эта версия тоже опровергается протоколом вскрытия.

Очень многие евреи Велижа придерживались третьей версии. Она относит момент смерти Феодора Емельянова на полгода назад. По этой версии, мальчик вышел из дому не 22 апреля 1823 г., а 1 октября 1822 г. Был праздник Покрова, и мать его Агафья, зарабатывавшая продажей на базаре горячей лапши, накануне уехала в близлежащее селение Чепли, на Покровскую ярмарку, оставив мальчика одного, без всякого присмотра. Федор не усидел дома и пошел разыскивать маму. Пошел он по той дороге, по которой мать все лето водила его с собой в Смоленское предместье на огороды. Она нанималась их полоть. С Сибирской улицы, где находился домик Емельяна Иванова, ближайший путь к Смоленскому предместью лежит через лесок Гуторов Крыж. Дойдя до леска, мальчик сбился с дороги, заблудился в кустах и замерз. Всю зиму он пролежал под снегом и только на следующую весну был случайно найден прохожим.

Эта версия всегда казалась местным евреям наиболее достоверной, потому что прежде всего значительно смягчала обстоятельства, на основе которых был составлен заговор. Пропавший, а не убитый мальчик – это совсем иное дело. Кроме того, версия эта делает более понятным поведение Анны Еремеевой и Марьи Терентьевой. Они предсказали то, что уже свершилось, поскольку мальчика не было в живых. Он погиб от холода.

Версия эта была утопической. Время смерти ребенка было запротоколировано в деле с абсолютной точностью. Но велижские евреи упрямо настаивали на том, что все началось со случайной находки трупа. Что Феодор Емельянов погиб в результате несчастного случая, а не принял мученическую смерть. И пусть уличавшая евреев Марья Терентьева, подробно описывая, как она истязала несчастного ребенка, приходила при этом в неопишное иступление и из глаз ее, в которых застыл ужас, лились самые настоящие слезы, они все равно были убеждены, что она возводит на себя напраслину и рассказывает то, что ей кем-то внушено и чего на самом деле не было. Что кровавый призрак, сделавший их существование кошмаром, к живому ребенку не имеет отношения. Заговорщики, ища повода, просто ухватились за труп.

Множество людей заплатили жизнью за ложь, за злобу, которой не заслуживали, но впереди всех в этом списке умерших, в этом мартирологе идет младенец Феодор трех с половиной лет, чья ранняя могилка первой поднялась на высоком берегу Двины – там, где ниже города река делает второй свой поворот, отражая в голубых волнах невысокую ограду придвинувшегося к самому берегу Михайловского, бывшего униатского, кладбища. И уже после того, как ребенок нашел там свое последнее упокоение, земля старого еврейского кладбища на противоположной окраине города стала тоже укрывать в своих недрах одного за другим тех, чья гибель была страшна, а вина

придумана палачами. С ними в глубь могилы ушли их страдания, их страх, их скорбь. Кому, однако, могли понадобиться эти гекатомбы?

III

Оставаясь в той эпохе, среди ее немногочисленных памятников, пощажённых временем, а также пожарами, за восемьдесят лет совершенно изменившими внешний вид города, мы должны отвести взор от затерянной в траве могилки младенца Феодора на Михайловском кладбище и перевести его на высокую каменную громаду храма св. Илии, высящуюся над городом на углу Ильинской и Слободской улиц.

Странная невидимая нить с первого же момента возникновения велижского дела протянулась между этими двумя точками – из одного конца Велижа в другой. Священник («местоблюститель») Ильинской униатской церкви Маркел Тарашкевич с самого начала работы следственной комиссии играл при ней несколько необычную в таких обстоятельствах роль «увещателя» трех христианок, признавших уже в своих преступлениях и ничего решительно от следователей не скрывавших. «Увещания» эти производятся каждый раз, когда в показаниях трех самообличительниц обнаруживаются какие-нибудь существенные разногласия. После этого они чрезвычайно удачно «приводят себе и друг другу на память» все детали события, и разноречие устраняется. В таких случаях «увещания» производятся не в помещении самой комиссии, а в той же Ильинской униатской церкви или же, еще чаще, на дому у самого Тарашкевича, куда женщины, по объяснению следственной комиссии в ответ на запрос сената, «не отпускались, а посылались и посылаются... для истребления в них приметных еще остатков еврейской веры»⁸. Священник Тарашкевич – не только «увещатель при следствии», но и «духовный отец» доказщиц⁹. Из Ильинской же церкви были будто бы теми же доказщицами в разное время похищены и преданы поруганию в еврейской школе святые дары и антиминс. В 1813 и 1817 гг. христианские мальчики и девочки будто бы пропадали или по дороге в Ильинскую церковь, или на обратном пути из той же церкви. Словом, Ильинская униатская церковь постоянно находится в центре происшествий, из которых, удачно или неудачно, формируется тот или другой ритуальный процесс¹⁰. Какая же роль выпадала во всех этих случаях на долю если не на самих униатских каноников, то по крайней мере добровольных ревнителей католической унии из темной, невежественной массы?

Каменная, двуглавая, огромная по величине, незаурядная по архитектуре Ильинская церковь начала строиться в 1772 г., в год перехода города от Польши к России. Это, несомненно, был акт скорее политический, чем религиозный; ему следовало служить противовесом новым влияниям, связанным с отторжением униатов от католицизма, казавшимся неизбежным после перехода населения в новое подданство. В 1780 г. здание было закончено, а в 1781 г. совершено было при многочисленном стечении народа и с необычайной торжественностью освящение церкви известным полоцким униатским архиепископом Иасоном Юношей Смогоржевским, тайным ревнителем католицизма и врагом православия¹¹. Через несколько лет после освящения строители церкви и ее «распорядители» стараниями епископа получили из Рима от папы Пия VI индульгенцию на латинском языке¹².

Дальнейшая история унии в районе Велижа есть история борьбы с православием, борьбы, в которой партизанские выступления темного, приведенного в состояние фанатизма населения часто значительно превышали тот предел, до которого простиралось влияние католического духовенства¹³. Путь религиозного воздействия на массы посредством возбуждения ритуальных дел против евреев – это был путь старый, испытанный и дававший очень хорошие результаты (Ленчицкий процесс 1639 г., Слуцкая

история 1690 г., Паволоцкое дело 1753 г.). И было бы странно, если бы в поисках средств для создания в массах известного настроения ревнители унии упустили из виду и этот способ.

В самом начале прошлого столетия русское правительство ассигновало значительную сумму денег на устройство в г. Велиже православного храма. Но городской голова, униат Короновский, употребил отпущенную из казны сумму на постройку костела, за что и был отдан под суд. В 1810 г. приступили к сооружению нового грандиозного Свято-Духова униатского храма в центре города, на углу Базарной площади и Духовской улицы. По плану ограда нового храма почти непосредственно примыкала к ограде помещавшейся на соседней школьной улице главной еврейской синагоги (она же – Большая синагога и Большая школа).

Синагога эта была построена в пятидесятые годы XVIII столетия, когда город еще находился под властью Польши, из дубовых брусьев и по особому плану. Она представляла собой грандиозное, отличавшееся прекрасным стилем здание – с высоким острым шпилем и узкими стрельчатыми окнами. Их переливавшиеся на солнце разноцветные стекла смотрели во все стороны света. Синагога была выше всех соседних домов, и при приближении к городу первую бросалась в глаза еще издали. Восемнадцать молелен ютились в ней и вокруг, и под ее высоким куполом могли одновременно поместиться более двух тысяч человек¹⁴.

При тогдашних настроениях «давивший» все соседние здания своей старинной стильной архитектурой еврейский храм, неожиданно для себя очутившись в центре узкого пространства, образовавшегося между католическим Успенским костелом, с одной стороны, и вновь сооруженным униатским собором, с другой, не мог, конечно, не почувствовать некоторой тревоги за свою судьбу. И действительно: на небе вскоре стали собираться первые черные тучи нависающей над евреями мощной грозы, и первый удар молнии поразил именно высокий шпиль старой синагоги.

Весною 1823 г. Свято-Духов униатский собор был закончен постройкой и освящен, и тогда же на Гуторовом Крыже был случайно найден труп младенца Феодора Емельянова.

IV

Вокруг высокой старой синагоги, в тесном единении с нею, жило бойкое многотысячное еврейское население, деятельное, энергичное и трудовое, державшее в своих руках почти всю местную промышленность и торговлю. Столетия спокойного и благополучного пребывания под покровительством польских королей, их привилегии¹⁵ развили в них самостоятельность, и в конце XVIII и начале XIX столетий велижская еврейская община достигла наибольшего своего расцвета.

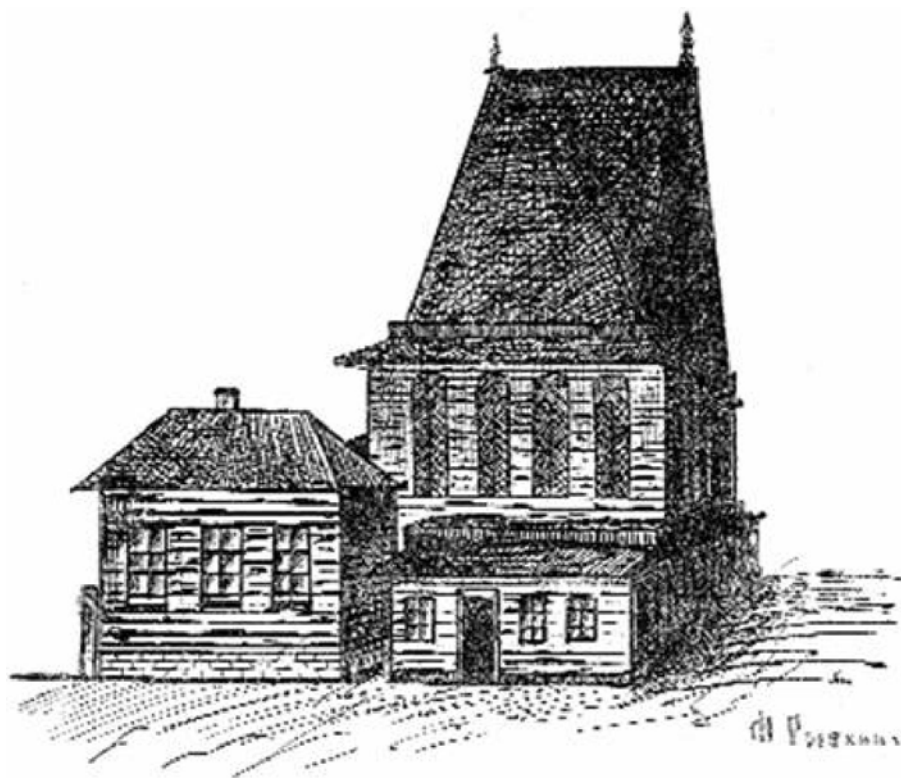
В городском и сословном самоуправлении евреи занимали выдающееся положение, и численный состав выборных от евреев превосходил число избираемых христиан¹⁶. Лесное дело было целиком в руках евреев. Сплав на Динабург и Ригу сосредоточивался в руках евреев; почти весь мелочный торг, торговля красными товарами и питьем – все это было исключительно делом евреев. Центральная часть города, базар и примыкающие к нему улицы были застроены еврейскими домами и торговыми складами. Евреи владели недвижимостью и вне пределов города, приобретая в собственность или же арендуя близлежащие имения. Шмерка Берлин, например, владел селением Красное; брат его Меер держал в аренде имение Крутое; имение Плоское состояло в аренде у Ноты

Прудкова; еврей Шолом арендовал корчму «Семичевую», Брусованские владели имением Брусованка, Лейзер Зарецкий держал корчму «Лобок»¹⁷.

Самый же большой и богатый дом в городе принадлежал Мирке Аронсон. Огромное угловое каменное здание в два этажа, с мезонином одним своим фасадом выходило на Базарную площадь, другим – на Ильинскую улицу. В этом доме, кроме старухи Мирки, жила дочь ее Славка с мужем, 3-й гильдии купцом Шмеркой Берлиным, сыном Гиршей Берлиным, женатым на Шифре, и дочкой Ланкой, славившейся своей необычайной красотой. Жених этой последней, Янкель-Гирш, жил у своего отца, бывшего бургомистра Шмерки Аронсона, старшего сына Мирки. Два других ее сына, Носон и Моисей Аронсоны, обитали поблизости, на той же улице, а дочь Лея жила в Петербурге в замужестве за Гиршем Броудо. Брат Шмерки Берлина, Носон, жил на Петербургской улице против ратмана Евзика Цетлина. Другой же брат, Меер, поселился в имении. По субботам и праздникам в огромном доме Мирки собиралась вся семья, и тогда за стол садилось около сорока человек. Горничная Паша (впоследствии Козловская) еле поспевала убирать комнаты, кухарка Гене-Михля едва управлялась на кухне. Двери дома постоянно были открыты для нищих всякого звания, и промышлявшая подаванием никому неизвестная Терентьева не раз переступала порог этого дома, чтобы уйти из него с туго набитой торбой. Высокие амбары во дворе были полны разнообразных товаров, и нагруженные доверху возы длинными вереницами въезжали и выезжали во двор, искусно направляемые опытной рукой главного приказчика Берлиных Иоселя Мирласа. Широкие ворота закрывались только на ночь, и два ночных сторожа, Абрам Глушков и Иосель Турновский, оба старенькие и оба глухие, лениво перестукивались с обоих концов двора, поочередно засыпая на крылечке.

В нижнем этаже дома, со стороны базара, помещалась большая питейная контора, принадлежавшая Берлину, а со стороны Ильинской улицы находился лучший в городе гастрономический магазин Баси Аронсон, к которому особенно часто любили подъезжать поляки-помещики и высшее начальство города. Рядом помещался небольшой кабачок шляхтича Козловского. Никто из «чистой» публики его не посещал, потому что вся местная чиновная аристократия предпочитала угощаться исключительно у Ханы Цетлин. У Козловского постоянный приют находили только вечно пьяная нищенка Марья Терентьева и «воскресшая из мертвых» девица Анна Еремеева, с которой сам содержатель кабачка состоял в каких-то особенных отношениях. И здесь же, перед крылечком, раскинувшись поперек оживленной и шумной улицы, вечно валялся пьяный до бесчувствия сапожник Петька Азадкевич.

Кабачок торговал очень плохо, потому что всю торговлю в своих руках держали Хана Цетлин и Носон Берлин. К Анне Еремеевой, когда она неожиданно «обмирала» на крыльце у Козловского, чтобы тут же начинать предсказывать, шел народ недужный, темный и нищий. А нужно было, чтобы «представления» (видения) Еремеевой оказались способны остановить на себе внимание куда более значительных лиц...

Áíëíóàÿ ñèí àãíñ à Áàèèæá (ññ ðàèà à 1868 ã).

25 марта 1823 г. Еремеева, как известно, предсказала, что ровно через месяц «одна христианская душа будет загублена евреями». В ночь на Светлое Христово Воскресение она уточнила, что мальчик, которого она видела в первом своем «представлении», будет претерпевать мучения «в иудейском, что против зарева, на рынке, большом угловом каменном доме». На третий день праздника Марья Терентьева наворожила матери пропавшего мальчика, что сын ее находится в доме еврейки Мирки. При этом она настоятельно посылала ее проверить предсказание к Анне Еремеевой в Сентюры, но советовала, чтобы по дороге к Еремеевой она, хотя бы на минутку, зашла в дом Мирки, что та в точности и исполнила. Еремеева же, повторив ей слова Терентьевой, прибавила, что по дороге к ней она заходила в тот самый дом, где в настоящее время находится ее мальчик.

Известно также, что мать пропавшего Феодора не пошла искать его по точно указанному ей двумя женщинами подробному адресу (погреб в доме Мирки Аронсон). Можно, однако, безошибочно предположить, что если бы Агафья Емельянова пошла по указанному следу, она бы в тот же день нашла своего пропавшего сына еще живого, хотя, может быть, и наполовину замученного¹⁸, и нашла бы его именно в доме Мирки, в погребе, по крайней мере в той его части, с которой Козловский, как квартиронаниматель, имел беспрепятственное общение.

В доме Мирки Агафья, однако, сына своего на третий день праздника не искала, и последствия, которые были предсказаны Еремеевой на случай, если этот предельный срок будет упущен, снова сбылись с поразительной точностью. Ребенок был умерщвлен, и как раз тем, по-видимому, особенным способом, который заставил штаб-лекаря в пункте «е» своего свидетельства сделать заключение, что «солдатский сын рассудительно замучен», и подробности которого с такой ужасающей последовательностью и точностью описывала на следствии в минуты исступления Марья Терентьева.

Нет, Марья Терентьева, по-видимому, не лгала, когда подробно рассказывала следователям, каким образом она мальчика колола, обмывала, снова колола, как мочила в его крови кусочек холста, который был потом действительно найден зашитым в ее ватной кофте. Она не лгала и тогда, когда утверждала, что все это происходило в доме Мирки Аронсон. Это происходило именно там, но двумя этажами ниже и в другом конце огромного здания.

Она только в первое время не могла с точностью указать следственной комиссии, куда маленький трупик девался. Первоначально, наверное, предполагалось бросить его в воду; но уже без ведома Терентьевой тело мальчика свезли за город и положили на кочку. Это ее несколько смущало. Однако после первого же «увещания» местонахождение трупа сделалось ей известным, и Терентьева «привела себе на память», что труп был отнесен за город и брошен на то самое место, где он впоследствии был найден¹⁹.

От Гуторова Крыжа, где лежал исколотый мальчик, липкий кровавый след первоначально потянулся только по двум строго указанным направлениям: в дом Мирки Аронсон на Базарной площади и в шинок Ханы Цетлин на Петербургской улице. В то время от него еще было далеко до центра местной еврейской жизни, Большой синагоги, далеко и до тех больших и маленьких домов, в которых ютилось все остальное еврейское население города. Взмах занесенной над евреями властной руки еще не был так широк, и удар предназначался не еврейству *en masse*, а конкретным, определенным представителям нации. Да и не по плечу было одной только Марье Терентьевой, даже при содействии душевнобольной Еремеевой и беспутно-пьяного Азадкевича, сочинить и разыграть столь масштабное действо, которое позволило бы отправить на эшафот практически все велижское еврейство. Для сведения личных счетов ей в то время могло показаться совершенно достаточным уничтожить, разорить дом Мирки, заковать в кандалы ненавистную ей Хану Цетлин. Из всего ее предприятия не получилось ничего, кроме вынесенного ей же самой довольно сурового приговора «за ворожбу и блудное житие». Предприятие сорвалось, и кровавый призрак вроде бы исчез из глаз. Кровь младенца Феодора, казалось, была пролита напрасно.

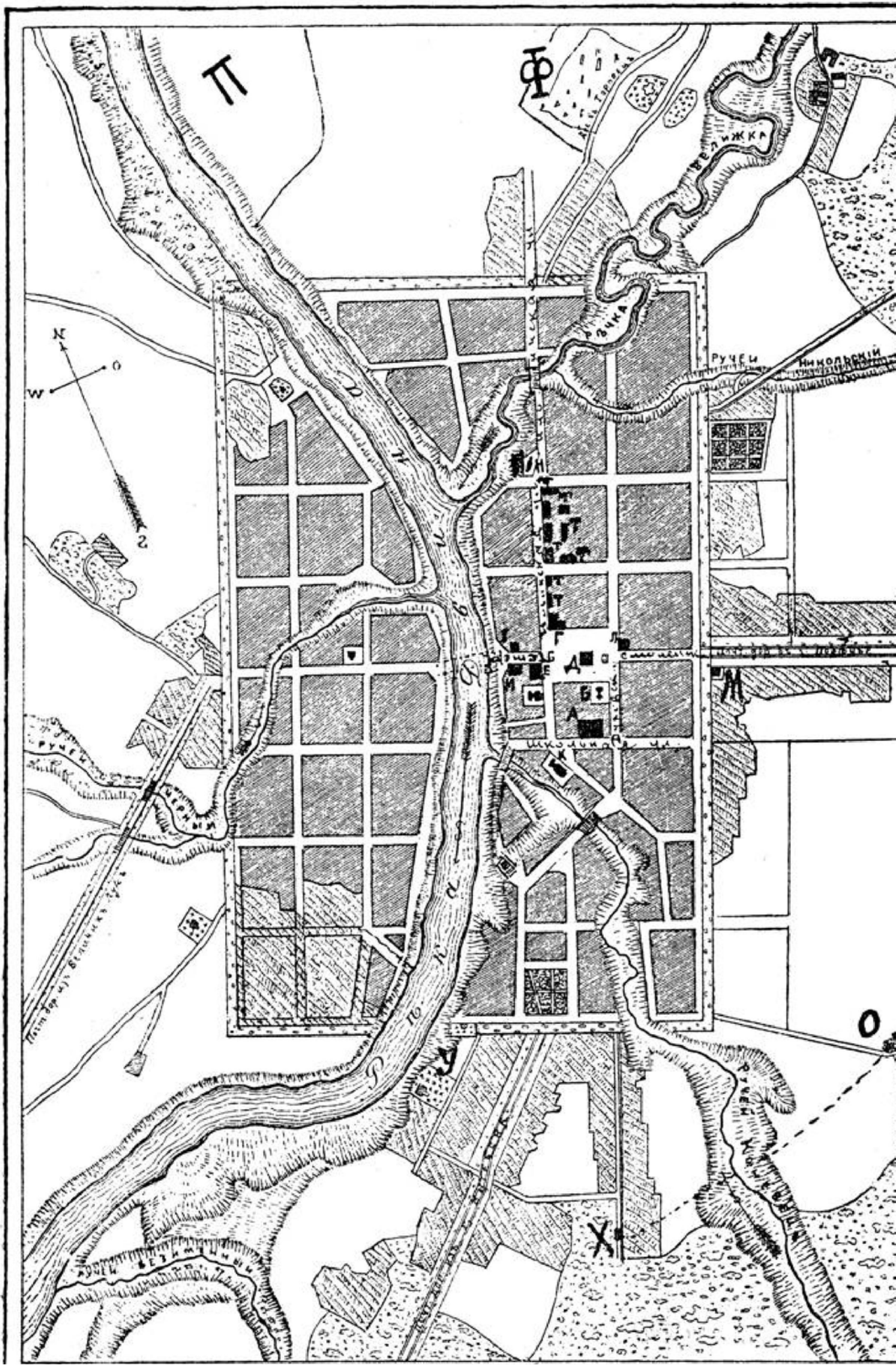
В то время Терентьева и не подозревала, что содеянное ею еще понадобится и настоящее люди, которым она будет нужна, придут только через два года.

Для того, чтобы над заросшей могилкой младенца Феодора снова замаячил полузабытый призрак, понадобились две вещи. Во-первых, местному униатскому духовному начальству следовало смениться почти в полном своем составе. В начале 1825 г. на место умершего униатского священника Лаврентия Перлашкевича был назначен молодой, ловкий и в высшей степени умный Маркел Тарашкевич, а велижского декана, прелата Савинича, сменил каноник Калиновский. Во-вторых, во главе витебского, смоленского и могилевского генерал-губернаторства должен был стать князь Николай Николаевич Хованский.

Хованский прибыл в Витебск из Петербурга в конце 1823 г., но в феврале 1824 г. снова вернулся в столицу для представления начальнику главного штаба Дибичу новых подробных объяснений по делу об убийстве Феодора Емельянова, случившемся при его предшественнике. Это было время, когда в высших придворных и административных кругах столицы, под влиянием возбуждающих речей архимандрита Фотия, велась отчаянная агитация против министра народного просвещения и духовных дел князя А. Н.

Голицына, с именем которого был связан знаменитый циркуляр от 6 марта 1817 г., запрещавший обвинять евреев в умерщвлении христианских детей с ритуальными целями. После торжественного провозглашения архимандритом Фотием анафемы «духовному Наполеону», «вождю нечестия» Голицыну последний пал, и Аракчеев бесповоротно сомкнул два звена цепи: государство и церковь. И сам выступил олицетворением этого единства. Хованский был одним из его ставленников и по возвращении на место своего нового служения начал немедленно обнаруживать незаурядное рвение.

В подведомственных ему губерниях, особенно в Витебской и Могилевской, евреи жили не только в местечках и городах, но также и за чертой городских поселений, на помещичьих землях. Знаменитая 34-я статья «Положения о евреях» 1804 г., хотя официально и не отмененная, фактически не применялась после трехлетней работы Комитета о евреях (1809 – 1812 гг.). В Велижском уезде сельское еврейское население благодаря издавна сложившимся добрым отношениям с тамошними помещиками было особенно многочисленно и богато. Евреи не только содержали здесь корчмы, но брали в аренду также и мельницы, и заводы (Шмерка Берлин имел собственный стеклянный завод), и целые имения.

Хованский приступил к решительному выселению евреев из окрестных селений в город без всяких послаблений. Никакие ходатайства об отсрочках, никакие хлопоты самих помещиков о дальнейшем оставлении у них евреев ни к чему не приводили, и всю зиму 1824 – 1825 гг. в город целыми вереницами тянулись подводы, на которых евреи перевозили с насиженных мест остатки своего разоренного хозяйства, предвидя будущую нищету и лишения. На месте искать защиты было не у кого, и обездоленные люди только и ждали случая, чтобы как-нибудь донести свою обиду до сведения высшей власти.

Случай этот представился в начале осени 1825 г.

Император Александр I совершал свою последнюю поездку на юг. Он выехал из Петербурга 4 сентября по Белорусскому тракту, но на границе Псковской губернии повернул через Торопец на Тульский. 10 сентября царь добрался до Велижа, где имел дневку и делал смотр войскам на Покровском поле. На обратном пути со смотра, при въезде на высокий деревянный мост через речку Велижку, он был встречен поджидавшей его группой представителей местного еврейского населения во главе с купцом Шмеркой Берлиным, бывшим бургомистром Шмеркой Аронсоном и ратманом Евзиком Цетлиным. Здесь же находились и почти все остальные евреи, недавно насильно выселенные из деревни в город.

– Государь, помилуй! – раздалась общая мольба.

Один из евреев (по преданию, Нота Прудков) вскочил на подножку экипажа, держа в руках бумагу – жалобу на действия Хованского.

Государь слегка отстранился, и бумагу принял сидевший рядом с ним начальник главного штаба барон (впоследствии граф) Дибич.

Сопровождавшие императора казаки оттеснили толпу просителей, и экипаж отправился далее по Ильинской

улице. На Базарной площади у здания ратуши государь остановился. Здесь его ждало с хлебом-солью именитое

местное купечество, а также генерал-губернатор.

– Твои приятели меня только что атаковали! – улыбаясь, сказал государь, подавая руку князю.

Из рядов выступил городской голова Хрулевич, чтобы сказать приветственное слово.

Но в эту минуту к Александру I рванулась какая-то низкорослая, бедно одетая женщина.

– Батюшка, Государь! Услышь мольбу несчастной матери...

Она упала на колени, из глаз ее брызнули слезы.

На голове у нее лежало сложенное вдвое прошение.

Ее быстро окружили, подняли и арестовали.

Это была Марья Терентьева.

Стоявший невдалеке Азадкевич шарахнулся в сторону и быстро смешался с толпой.

В тот же день Дибич передал обе бумаги князю Хованскому.

VI

В октябре 1825 г. из Витебска в Велиж прибыл чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе – надворный советник Страхов.

Отправляясь к месту назначения, он получил от князя категорический приказ строжайше расследовать дело об умерщвлении евреями Феодора Емельянова, судьбою которого заинтересовался сам государь.

Он приехал инкогнито и в течение шести недель скрывался от всех. Переодеваясь и гримируясь, часто бродил, смешиваясь с толпой, по базару, заходил в шинок Ханы Цетлин, фланировал по Школьной улице вокруг Большой синагоги, а по вечерам, сидя дома, усердно и внимательно изучал литературу.

Преподаватель уездного училища Петрища любезно перевел для него с польского на русский книгу Пикульского «Злость жидовская»²⁰; священник Маркел Тарашкевич охотно принимал его у себя; их оживленные беседы часто длились далеко за полночь и происходили при спущенных шторах и плотно запертых ставнях. Представитель местного дворянства, поветовой маршал Алексианов слыл вольнодумцем и другом евреев²¹, но и он мог дать кое-какие ценные сведения о тех, с кем, как местный помещик, находился в довольно тесных сношениях. И визиты Страхова к Алексианову были почти так же часты, как и посещения городского головы Хрулевича. Приехавший вместе со Страховым для участия в расследовании дела штабс-ротмистр Бенкендорф оказался большим формалистом и слишком уж педантично относился к букве закона. Он связывал Страхову руки, и по открытии деятельности комиссии был почти сразу отослан обратно в Витебск²². Содействовавший членам комиссии при производстве следствия полицмейстер Воронец обнаружил недостаточную расторопность и поэтому в наиболее серьезных случаях заменялся земским исправником князем Друцким-Соколинским, в высшей степени исполнительным и бравым экс-капитаном. Так или иначе, но комиссия едва только успела начать свои правильные действия, как в ее распоряжении уже 22 ноября 1825 г. оказалась обвиняемая, добровольно признавшаяся в истязаниях и умерщвлении Феодора Емельянова.

Это была Марья Терентьева.

За два месяца до того она на площади всенародно, в присутствии властей предстала перед государем в роли неутешной матери безвинно загубленного сына, за кровь которого вот уже два года бесплодно требует возмездия евреям. А годом раньше она давала показания перед следственной комиссией по тому же делу, но лишь как случайный очевидец похищения мальчика еврейкой Цетлин, после чего (по позднему разъяснению Страхова) «не за лжесвидетельство, а лишь за воровку и блудное житие» была подвергнута наказанию.

По-видимому, церковное покаяние все же оказалось бессильно излечить эту женщину от ее главного порока. «Блудное житие» Марьи Терентьевой не только не

прекратилось, а, напротив, с момента открытия деятельности комиссии Страхова приняло особенно откровенную форму. Теперь это тоже был сплошной «блуд», но словесный.

«Я, Марья Терентьева, собственными своими руками колола и резала мальчика сперва в доме Мирки, а потом в большой жидовской школе вместе с тобою, Ханка, и вместе с тобою, Евзик, и еще многими и многими евреями. Ты, Славка, подостлала под ним белую скатерть; ты, Шифра, маленьким ножичком обрезала ему на руках и ногах плотно к телу ногти; ты, Поселенный, бритвой или похожим на оный ножом отрезал у него кусочек кожицы. Ты, Орлик, подал мне светлое, похожее на иглу со шляпкою железо, которым я первая кольнула мальчика под пазухой в левый бок. Ты, Иосель, подвел меня к шкапику, перед которым евреи молятся Б-гу, обратил меня в жидовскую веру и назвал Лейею; ты, Руман, заставил меня перейти через жидовский огонь и поставить на горячую сковороду сперва левую, потом правую ногу; ты, Янкель, положив предо мною тетрадку с изображением святых, приказал мне плюнуть в них девять раз...»

Так говорила Терентьева (а вслед за нею и повторявшие слово в слово ее речи Максимова и Козловская) на очных ставках с «изобличаемыми» евреями, обливаясь при этом горючими слезами, слезами ужаса и раскаяния. А комиссия вместе с первоприсутствующим генералом Шкуриным и Страховым жадно ловила каждую фразу, тут же заносила ее в протокол и сопровождая замечаниями на тот счет, что евреи «под действием сих улик» менялись в лице, плакали, вздыхали и отпирались, «ясно обнаруживая стачку». Что Хайка Черномордик «побледнела зверским образом»²³ а Славка Берлин отвечала с «остервенением и злобою», и следователи, «дабы дать ей почувствовать замеченные в ней изменения, заставили ее посмотреться в зеркало»²⁴. Обстоятельно и подробно следователи записывали в протокол, как «еврей Мирлас слушал про улики, злобно улыбаясь, а когда взглянул на показанный ему лоскуток кровавого холста, мгновенно побледнел и, схватившись за живот, пришел в совершенное изнеможение»²⁵; как у Ицки Беляева на очной ставке с Терентьевой «нижняя губа была в непрерывном движении и тряслась, что происходило, как полагать должно, от злости»²⁶; как Абрам Кисин «смотрел на присутствующих блуждающими глазами» и, наконец, «упавши вниз лицом на пол, повторял: помилуйте! ратуйте!»²⁷ Очень картинно изображалось, наконец, как Шифра Берлин на очной ставке с Максимовой «впала в истерический припадок с сильными судорожными во всем корпусе движениями и кривляньями лица» и как, «увидев сие, Максимова объявила, что точно такие же кривляния лица и судороги во всем корпусе были и с солдатским сыном во время умерщвления его в большой еврейской школе»²⁸.

Все это комиссия Страхова тщательнейшим образом заносила в протокол, как единственный против евреев, хотя и с «полнейшей несомненностью изобличающий оных», материал. Но с не меньшей обстоятельностью было занесено в тот же протокол и неожиданное заявление Терентьевой (после «непризнания» ею Шифры Берлин, виновность которой в преступлении почему-то особенно нужна была Страхову), что «назло следователю евреев уличать не станет»²⁹.

Уличать или не уличать евреев Терентьева и ее подруги соглашались только в зависимости от настроения Марьи и отношений ее со Страховым. Когда отношения эти были хороши, следствие подвигалось вперед беспрепятственно и тюремные двери широко раскрывались перед новыми и новыми жертвами. Когда же отношения почему-либо портились, все дело на время приостанавливалось, визиты Страхова к священнику Тарашкевичу учащались и отсылки доказниц к духовному отцу для новых «увещаний» становились все более многочисленными.

Странная судьба связала следователя Страхова с Терентьевой и двумя оговоренными ею христианками. В одном доме, под одной крышей жили все четверо³⁰. Хороший уход, вкусная пища, приличная одежда, постоянные прогулки и приемы у себя (чаще всего Петрищи и Азадкевича) – все это должно было создать доказчицам такие условия, при которых Страхову никакого труда не стоило добиваться от них тех именно показаний, какие ему были нужны³¹. Но и за всем тем капризные выходки всех троих и в особенности Терентьевой не раз доставляли ему неприятные минуты. Капризы эти возрастали по мере «разрастания» самого следственного материала и главным образом вследствие естественного душевного утомления доказчиц, на долю которых выпала трудная обязанность не только повторять слова, влагавшиеся им в уста, но и оставлять место также и для собственного творчества³². По временам они не только отказывались отвечать, но и прямо отвергали свои же собственные прежние показания, вступая между собою в пререкания и драки, причем Страхову приходилось в комиссии самому их разнимать и мирить³³. И по мере того, как количество подобных случаев росло, нервное напряжение Страхова усиливалось и душевное равновесие все больше и больше его покидало. В одиночных камерах, где он тоже чаще, чем раньше, оставался по вечерам один на один с допрашиваемыми, раздавались громкие крики истязуемых, и нечеловеческие стоны далеко разносились вокруг, собирая под заколоченными окнами домов, превращенных в тюрьмы, толпы обезумевших от скорби евреев. В комиссии на допросах Страхов теперь то и дело бросался с кулаками на Славку Берлин, на Евзика Цетлина и других, деятельно «вразумляя» их говорить правду. Наказание плетью арестованных в присутствии остальных заключенных теперь становилось уже обязательным и повседневным явлением. Страхов явно чувствовал, что следствие, слишком затянувшееся, вопреки ясно выраженной воле государя поскорее доискаться «до корня», может зайти в тупик, понимал, что собственное признание евреев в умерщвлении ими Феодора Емельянова теперь совершенно необходимо, ибо «единогласные» показания трех доказчиц начинают терять прежние четкость и уверенность. А их не могли заменить ни литературные опыты добровольно явившегося в комиссию для составления перевода некоей несуществующей «Гандомы» крещеного еврея Грудинского, ни научные изыскания раздобытого откуда-то Страховым другого выкреста из евреев, ксендза Паздерского...

В 1828г. по распоряжению генерал-губернатора двое членов комиссии отправились вместе с Терентьевой в Витебск и Лезну для опознания тех домов, куда она, по собственным ее словам, в 1823 г. отвозила кровь, и тех лиц, коим кровь эта была ею передана. В Витебске она, однако, в первый же день сбилась, запуталась и своего оговора подтвердить не смогла. А в Лезне прямо заявила, что уличать никого не может, «чтобы не осталось у нее на совести и чтобы не оговорить кого, Боже сохрани, напрасно...»

Кровавый узел готов был, казалось, распутаться, когда Страхову вдруг блеснул последний луч надежды. В комиссию явился ксендз Лукович и заявил, что Грудинский, уже уличенный однажды во лжи Паздерским, открылся ему, Луковичу, и рассказал, что некогда совершил ритуальное злодеяние, совершил лично, но в присутствии многих евреев, в местечке Бобовне. Метод самообличения с целью изобличения евреев был хорошо знаком Страхову; при нем он впервые и был использован в велижском процессе. И – кто знает? – может быть, Грудинскому именно и было суждено довершить наконец то, что теперь оказалось уже не под силу усталой, измученной, замордованной допросами Терентьевой?

Дальнейшие события сложились, однако, совершенно неожиданно для Страхова.

Для проверки показаний Грудинского из Петербурга прибыл подполковник Рутковский. Он повез Грудинского в Бобовну, и там замысел лжеца был тотчас же обнаружен. Он признался, что ни в каких убийствах христианских мальчиков никогда не участвовал, показания же его в велижской комиссии были им измышлены для того, чтобы улучшить свое материальное положение щедротами следователя Страхова.

26 марта 1830 г. последовало высочайшее повеление наказать Грудинского плетьюми и сдать в солдаты. А через несколько дней после этого Страхов был найден в своей постели мертвым.

VII

Кончиною Страхова завершился второй, наиболее мрачный период велижской эпопеи.

Пять лет подряд этот железный человек держал в своих руках судьбы многотысячного еврейского населения. Никто не знал, какая мысль сверлит его усохший, желтый, безволосый череп, какая загадка запечатлелась на тонких, крепко сжатых губах. Ужасом веяло от его неподвижного холодного взгляда, и длинные костлявые пальцы, когда они сжимались в кулак или гневно бились о деревянную крышку стола, казались протянутою из мрака рукою смерти.

Один, в сопровождении своего огромного сенбернара, он иногда показывался на улице, и взрослые испуганно отходили в сторону, а дети с криком бросались врассыпную. Через 50 лет после его смерти еврейские матери еще унимали своих плачущих малюток именем Страхова. Да и теперь, 80 лет спустя, его имя редко произносится среди велижских евреев без проклятий.

Àðàò Í. Ñ. Í òðäèíîá

Страхов!.. Никто из евреев ни минуты не сомневался в том, что душою всего дела в этой его фазе является именно он, что в руках Страхова сосредоточены все

пружины адского заговора. В комиссии хозяйничал не губернский стряпчий или заседатель и даже не флигель-адъютант в шитом золотом мундире с аксельбантами и шарфом, а именно он, маленький сухонький человечек в зеленом сюртучке с желтыми пуговицами и без всяких орденов. К его голосу прислушивался не только генерал-губернатор Хованский, его мнение имело вес и в Петербурге. И когда в сентябре 1826 г., накануне Рош а-Шона, велижских евреев постигло ужаснейшее, неслыханное дотоле бедствие – опечатание молелен и арест в присутствии полиции священных свитков Торы, все знали, что это дело рук Страхова. И когда вслед за тем евреям было запрещено не только собираться где бы то ни было для совершения молитв, но даже останавливаться на улицах – хотя бы вдвоем или в одиночку, все знали, что «осадное положение» это введено по инициативе того же Страхова. В городе в конце концов не осталось уже почти ни одного заметного еврейского дома, откуда не были бы, без всякого предупреждения, взяты люди, закованы в кандалы и рассажены по одиночным камерам. Евреи и тут знали: Страхов на этом не успокоится и пойдет дальше.

Пять лет жили люди в этом гнетущем кошмаре. Большая синагога сиротливо стояла посреди широкого двора, зимою занесенного снегом, летом густо заросшего бурьяном и крапивой³⁴. Черная железная цепь опоясывала ее с четырех сторон, и часовой инвалидной команды мерно шагала вдоль цепи, позвякивая вскинутым на плечо тяжелым ружьем. Все замерло, все притаилось. Евреи скрывались дома, никуда не выезжали, никого не принимали у себя. Частная переписка конфисковывалась, и город оказался отрезанным от всего мира³⁵. Священные книги, после тщательных обысков в частных домах, отнимались и сдавались «на присмотр полиции». Для отправления богослужений евреи собирались в погребках и проводили там долгие часы без света и воздуха³⁶.

Самые большие дома в центральной части города или стояли наглухо заколоченными, так как все жители их сидели под арестом, или были отведены под тюрьмы. Количество тюрем росло с каждым днем, и ни один человек, вступая туда, не мог поручиться, что когда-нибудь снова вернется на волю³⁷. Глухой мрак окутывал велижских евреев со всех сторон, и неоткуда было ждать просвета.

Томившиеся в заключении по-разному реагировали на постигшую их беду. Одни усматривали в действиях Страхова обычные преследования за веру. Другие воспринимали случившееся как шаг политический, за которым кроются некие непонятные на первый взгляд важные планы правительства. Третьи же были убеждены, что все дело имеет чисто практическую подкладку: просто идет яростная экономическая борьба между евреями и христианами. Но все сходились в одном: велижская история вышла далеко за рамки местных проблем и превратилась во всееврейскую. И поэтому каждый заключенный был уверен, что претерпевает страдания за весь еврейский народ; сознание это давало ему силы нести свою ношу мужественно и даже с радостью.

Хаим Хрипун, к примеру, был уверен, что Страхов вместе со всей своей комиссией появился исключительно для того, чтобы закрыть еврейские молельни и всех обратить в христианство. Он был меламедом, до тонкостей знал Талмуд, и в его мозгу напряженно работавшем только в определенном направлении, все переживаемое выглядело новой «гзейрой», имеющей целью окончательное искоренение народа Израилева. Готовность принять мученическую смерть («ал кидуш а-Шем») созрела у него уже после первого допроса.

– Что касается меня самого, – заявил он комиссии, – то мне ничуть не страшно сидеть в остроге, потому что, видно, так угодно Б-гу, а от Б-га надобно принимать и хорошее, и худое. Но если нужно, я готов дать себя повесить.

Когда ему стали известны показания Терентьевой, он с наивной убежденностью принялся уверять комиссию, что она лжет, ибо он, еврейский учитель, знает все еврейские книги и ни в одной из них не сказано, что евреям нужна какая бы то ни было кровь.

Довод его, однако, показался слушателям неубедительным. Страхов, разумеется, продолжал настаивать на том, что младенец Феодор был замучен и убит евреями, которым необходима христианская кровь. И тогда Хаим, первым из заключенных, бесстрашно крикнул ему в лицо:

– Вы! Вы мучаете и убиваете нас! Вы хотите пить кровь наших детей!

Он жил в уверенности, что станет искупительной жертвой за всех евреев; в записках, которые он писал на лучинках и бумажных лоскутках, краях тарелок из-под присланной пищи и прочих предметах, Хаим постоянно уговаривал своих: «Бегите по всем краям, где рассеян Израиль, и громко кричите: “Горе! Горе!” Пусть жертвуют жизнью, пусть взывают к Всемогущему: у нас уже нет больше сил молиться...»

«Знайте, – писал он в другой раз, – что замыслы их простираются очень далеко. Они хотят (не допусти Б-же) истребить весь израильский народ!..»

Впрочем, в заботах обо всем израильском народе он не забывал иногда и свои личные дела. Среди тарелок, в которых ему приносили пищу, однажды оказалась тарелка Страхова, и он спешит известить об этом жену, и просит, чтобы та оградила его от трэфной посуды. В другой раз он требует сообщить ему, все ли уплачено меламеду за обучение его детей, не вышло ли, не дай Бг, какой-нибудь задержки...

Письма его неуклонно перехватывались Страховым, и на каком-то очередном допросе в комиссии по поводу их содержания Хаим уже, казалось, совершенно потерял ощущение опасности.

– Разбойники! – гремел он. – Обманщики! Бездельники! Вы уморили богатырей – Шмерку и Янкеля (Берлина и Аронсона). Они умерли в кандалах и были выкинуты из острога, как падаль! Но и вас может постигнуть то же самое...

Не меньше неприятностей причиняла комиссии Славка Берлин.

Гордая, властная, величественная, она и в тюрьме, несмотря на страдания, сохранила свою библейскую красоту. Тюрьма отняла у нее все. Один за другим умерли и были «выкинуты, как падаль», те, кого Хаим назвал «богатырями». Муж, жена сына, муж дочери – все ушли в лучший мир, оставив ее одну среди ужасов темницы. Где-то далеко сидел закованный в кандалы ее единственный сын Гирш. Из братьев не спасся никто. И при всем том огромная внутренняя сила одухотворяла ее, помогала выстоять – и когда неизвестные ей и жуткие пьяные бабы в лицо называли ее своей соучастницей в убийстве невинного христианского младенца, и когда Страхов с помощью кулаков «вразумлял» ее, как надо стоять перед комиссией, и когда генерал-губернатор Хованский останавливался у двери ее камеры, снимая треуголку и не смея переступить порог.

– Она рассказывает то, что ей велел Страхов, – убежденно и бесстрашно говорила она, выслушивая бесконечные показания Терентьевой и быстро оправляясь от волнения. – Но это ничего: Славка снова станет Славкой, а вы все будете наказаны.

В последние свои тюремные годы она категорически отказалась давать какие бы то ни было показания. Комиссия в сопровождении Шкурина и Беклешова приходила допрашивать ее в камеру, но она никого не удостоивала ответом.

Больше всего хлопот причинял комиссии Нота Прудков.

В тюрьме у него была одна только цель: немедленно разоблачить тех, кто устроил заговор против евреев. Он не был оговорен Терентьевой и попал в тюрьму лишь вследствие неосторожных попыток сойтись со Шкуриным и разоблачить перед ним Страхова. Ему казалось, что у Шкурина собственный, отличный от принятого, взгляд на дело, и поэтому шитое белыми нитками обвинение Страхова расплывется по швам, едва только ему, Прудкову, удастся пролить свет на всю историю с кровавым наветом.

Попытки его, однако, успехом не увенчались. Перед комиссией он держался независимее всех.

– Вы сами разбойники! Вы все в комиссии разбойники!.. Вы на нас напали, вы нас разорили, подучиваете этих баб для того, чтобы истребить всех евреев... Но мы не боимся; лишь бы дело ушло из комиссии, вы тогда увидите, что ничего не будет. Мы наперед все знаем. А вас будут судить³⁸.

В тюрьме Нота Прудков³⁹ сделал подкоп, через который периодически сообщался с внешним миром, давая, кому нужно, необходимые разъяснения и получая извне сведения, потребные для дела, после чего добровольно возвращался в свою камеру. С целью вступить в непосредственные сношения с Хованским он однажды ночью бежал из тюрьмы и на небольшом ялике пустился в половодье вниз по Двине, чтобы попасть в Витебск. В Сураже, однако, был схвачен и снова водворен в камеру. Во второй раз он заявил комиссии, что желает дать весьма ценные для обвинения показания, но сделает это только с глазу на глаз самому Хованскому. Комиссия обрадовалась скорому исходу дела и отправила его в Витебск, но вместе с ним откомандировала также и Страхова. В присутствии последнего он, конечно, никаких разоблачений сделать не мог, и ожидания комиссии не сбылись.

Тем не менее он совершил третью попытку бежать – чтобы лично добраться до Петербурга. Но и она окончилась неудачей⁴⁰.

Были и такие, что умели переносить свои страдания кротко и терпеливо.

– Я нахожусь в несчастье вот уже другой год, – спокойно заявил комиссии Ицка Нахимовский, – и от этого несчастья у меня только три вещи остались в полном здравии: память, язык и душа. Память будет помнить, язык будет говорить, а душа будет чувствовать правду насчет моей обиды, насчет моих мучений, насчет всего дела. И хотя дело это меня самого касается мало, но я должен спасти людей, потому что человек дорог Б-гу так же, как и государю... 41

А Иосель Мирлас подошел к происходящему с совершенно неожиданной стороны. Выслушав внимательно рассказ Терентьевой, он вдруг усмехнулся и покачал головой:

– Ай, Россия! Умеет учить! Правду говорят, что в России нет ничего невозможного! Россия умеет делать дела!.. Ей-ей, мастера! Бывало, деды наши говорили,

что и в Польше на евреев устраивались оговоры. Но там хотели денег, и из этого ничего не выходило...42

Сломить упорство мужчин не было никакой надежды. Но и женщины держались стойко. Только один раз Фрадка Девириц, в минуту помрачения, начала лепетать перед комиссией нечто бессвязное, безумное. Из ее лепета Страхов тем не менее во что бы то ни стало пожелал извлечь обвинение против евреев.

– Горбатый школьник Руман... Он – черт. Все зло у него в горбу сидит... И он мне сказал, что солдатского сына, обрезавши сперва по еврейскому обряду, умертвили евреи в большой еврейской школе...

Радость комиссии была тем сильнее, что Фрадка обещала принести тот самый нож, которым было произведено обрезание мальчика, а также и оставшийся от этой операции кусочек кожицы, которые хранятся у нее в кровати под периной43.

И то и другое было ею действительно принесено... Только нож оказался, по определению самой комиссии, «простым тупым крестьянским ножиком», а вместо другой реликвии, кусочка ссохшейся кожицы («который, по неосторожности подпоручика Семенова, переломлен») в распоряжении дознавателей оказался... рыбий желудок.

Блеснувшая, было надежда добиться изобличения евреев их же собственными показаниями, неожиданно появившись, быстро исчезла. И когда, все в том же припадке безумия, Фрадка Девириц вышибла окно, чтобы осколками стекла перерезать себе горло, Страхов вынужден был признаться самому себе, что на самообличение подследственных расчеты плохи. Тем не менее он решил, что дело все-таки может быть благополучно доведено до конца, если умело использовать уже добытый материал.

Поведение Терентьевой в Витебске и Лезне, однако, сильно осложнило эту задачу. А приключение с Грудинским неизбежно должно было полностью разрушить возведенное им стройное здание обвинения.

В начале апреля 1830 г. он принял яд.

VIII

Последующие события показали, однако, что с самоубийством Страхов поторопился. Для того чтобы кровавый призрак, которому он отдал столько чужих жизней, а потом и свою собственную, исчез, время еще не настало. И оружие, неожиданно выпавшее из его рук, было тут же ловко подхвачено самим Хованским.

27 августа 1830 г. он представил всеподданнейший рапорт, где писал, что «...убедившись совершенно всеми обстоятельствами, следствием открытыми, вновь осмеливается повторить пред Его Императорским Величеством прежнее заключение свое, согласное с заключением следственной комиссии: солдатский сын Емельянов действительно умерщвлен евреями». Копия этого рапорта поступила на рассмотрение сената, и окончательное решение участи полусотни истерзанных долголетним заключением велижских евреев снова отодвинулось почти на целых пять лет.

Впрочем, этот третий и последний период велижской эпопеи был для евреев менее тягостен, нежели два предшествующих. Многие заключенные успели привыкнуть к своему положению, да и надежда на освобождение теперь уже чаще прежнего посещала

тех, кто изверился было в возможном торжестве правды. Трагический конец Страхова многим из заключенных казался возмездием⁴⁴, и это окрыляло их, внушало упования. Посетившая город летом 1830 г. холера заставила администрацию улучшить содержание арестованных, а случившийся тем же летом пожар уничтожил все временные тюрьмы, в том числе и здание, где помещалась следственная комиссия, незадолго до этого завершившая свою деятельность. Все арестованные были переведены в единственный сохранившийся большой двухэтажный каменный дом на углу Базарной площади и Петербургской улицы; одиночный режим там за отсутствием места поневоле должен был быть заменен обыкновенным. И в общих камерах за общим столом сходились иногда целые семейства (Цетлиных, Рудняковых, Нахимовских и др.). Люди теперь вместе коротали дни заключения.

Синагоги, однако, оставались по-прежнему запечатанными, а свитки Торы продолжали лежать в полиции под присмотром городских. Разорение продолжалось, нищета росла. Неизвестность томила всех. Это теперь было тем труднее переносить, что все ясно чувствовали: конец близок, для полного торжества правды необходим один только шаг.

И шаг этот, как известно, был сделан. Его сделал тот, на кого велижские евреи с самого начала возлагали единственную свою надежду.

То был велижский помещик, адмирал (впоследствии граф) Николай Семенович Мордвинов.

Имение Мордвинова Селезни лежало в 20 верстах от Велижа и первоначально принадлежало иезуитскому ордену, но было отнято Екатериной II и подарено вместе с двумя тысячами душ отцу Николая Семеновича Семену Ивановичу Мордвинову. Огромный барский дворец в Селезнях большей частью пустовал, потому что сам Николай Семенович свою морскую службу проходил на юге России под началом Потемкина. К концу царствования Екатерины Мордвинов, вследствие разлада с Потемкиным, оставил службу и последнее десятилетие XVIII века почти безвыездно провел вместе с семейством в Селезнях, в близком соприкосновении с велижскими евреями.

В начале царствования Александра I он снова переселился в Петербург и до самой кончины своей (Мордвинов умер в 1845-м, 91 года от роду) играл там выдающуюся роль.

Просвещенный гуманист, англичанин по воспитанию, выдающийся финансист, последователь Адама Смита, ученик и поклонник Бентама, друг и вдохновитель Сперанского, покровитель Рылеева⁴⁵, убежденный противник смертной казни, президент вольно-экономического общества, проповедник веротерпимости и всеобщего уравнивания в правах, он был на несколько голов выше большинства своих современников.

С 1821 г. он занимал важный пост председателя департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета, участвовал во всех наиболее крупных судебных процессах и не упускал случая смягчить участь осужденных.

Велижским процессом он заинтересовался с самого его возникновения – как одной из наиболее ярких форм проявления той нетерпимости, с которой он боролся всю свою жизнь.

Живший в Петербурге зять Мирки Аронсон Гирш Броудо часто навещал его в его большом доме на Театральной площади, доставляя туда материалы и сведения о ходе следствия и судьбах арестованных. Восемидесятилетний Мордвинов не раз пытался так или иначе обуздать рвение следователей и ввести действия комиссии в рамки закона. Но попытки его разбивались об упорство Страхова, поддерживаемого, с одной стороны, генералом Шкуриным, а с другой – генерал-губернатором Хованским.

Непосредственное вмешательство его сделалось возможным только с переходом (в порядке судопроизводства) всего следственного материала в департамент духовных дел, председателем коего он состоял.

В мае 1834 г. дело поступило в департамент, а в ноябре того же года перекочевало в общее собрание Государственного Совета вместе с подробной запиской Мордвинова и по существу обвинения, и по поводу ценности добытых комиссией Страхова материалов. Надо ли удивляться, что его глубокого анализа, его умных аргументов, его едкой иронии с лихвой хватило для того, чтобы сооруженное на лжи и человеческих страданиях здание с грохотом рухнуло и развалилось на куски?

28 января 1835 г. (18 швата) прибывший из Петербурга через Псков и Торопец фельдъегерь подъехал к дому Орлика Тевелева на углу Базарной площади и Смоленской улицы, где в верхнем этаже помещалась гостиница, и занял номер. Через час во всем городе стало известно, что чиновник привез с собою приказ открыть синагоги и вернуть евреям отнятые у них священные свитки. Огромные толпы народа стали стекаться к дому Тевелева, запрудив вскоре всю улицу и прилегающую к ней часть базара. Представители евреев – духовный раввин реб Беньямин-Гирш, бывший ратман Беньямин Иоф, кагальный резник Берка Зарх и другие – вошли внутрь, и через несколько минут к Большой синагоге потянулась целая процессия.

Уже смеркалось, и многие, захватив свечи, зажгли их и понесли перед собой. Процессия, по рассказам очевидцев, торжественно двигалась по Духовской улице. Впереди шла бабушка Цирля, маленькая старушка в толстой ватной кофте, густо пропитанной дегтем, которым она торговала на базаре. Притоптывая и хлопая в ладоши, она кричала (почему-то по-русски):

– Наш Б-г! Наша школа! Наш Б-г! Наша школа!

Зима была очень снежная, и, дойдя до синагоги, процессия должна была остановиться. Впереди высились огромные сугробы.

Тем не менее путь тотчас расчистили руками. Железная цепь прорвалась под дружным напором толпы, засов упал, и тяжелая дубовая дверь, скрипя ржавыми промерзшими петлями, отворилась перед благоговейно замершими людьми.

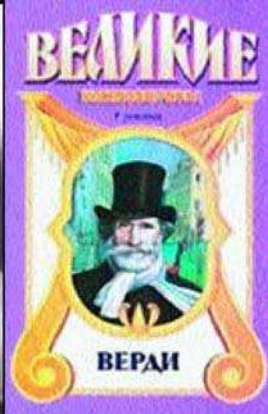
Внутри было пусто и холодно. Разбросанные полуистлевшие книги, сдвинутые в беспорядке скамьи, сорванный со стены рукомойник, наполовину сползшая со стола тяжелая шитая скатерть, раскрытый настезь пустой кивот... Все имело точно такой же вид, как и девять лет назад – в тот день, когда храм был неожиданно запечатан⁴⁶.

В кивоте тотчас замерцала поставленная кем-то свеча, и два глухих удара об стол пронесли под сводами храма.

Слепой кантор Рувим снова стоял на амвоне: белые клубы пара вырывались у него изо рта, и над головами собравшихся прозвучали древние как мир слова:

– Борху эс а-Шем а-мворох!

Благословите Г-спода! Он же благословен!..47

ΑΙ ΕΝΘΕΙ Ο Ι Ύ ΑΔΑΟΥΣ

Ὀδὴ ὁ Ἀδόαῆϊ

Франц Верфель, родившийся в Праге в 1890 году и умерший в 1945 году в изгнании, принадлежит к числу известных писателей XX столетия. Австрийский еврей, Верфель в молодости был членом знаменитого литературного «Пражского кружка», дружил с Кафкой и Максом Бродом; друзьями его последних лет стали Генрих и Томас Манны. Он был одним из зачинателей экспрессионистского движения: уже ранние сборники стихов («Друг всего мира», 1911, «Мы живем», 1913) принесли ему славу. Участник первой мировой войны, Верфель всегда оставался убежденным сторонником человеческого братства. Он печатался в знаменитых экспрессионистских антологиях «Сумерки человечества» и «Друзья человечества». Некоторые его стихи тех лет сразу после их появления перевели Пастернак и Мандельштам

С середины двадцатых годов Верфель, до того выступавший как поэт и автор бунтарских новелл (реже – как драматург), обращается к жанру романа. В свет выходит его роман «Верди» (1924). Верфель с юности любил музыку (он был женат на Альме Малер, вдове композитора Густава Малера). Старый Верди в его романе – воплощение гуманности и духовной гармонии.

Откликом на поднимающуюся волну национального экстремизма становится едва ли не самый известный роман Верфеля «Сорок дней Муса-Дага» (1934). Изображая страшную резню армян в султанской Турции в 1915 году и героическое сопротивление ей небольшой группы вооруженных смельчаков, Верфель словно предвидел события, которые вскоре произойдут в Европе.

В 1938 году после аншлюса Австрии фашистской Германией Верфель уже не мог оставаться дома. Он ненадолго переезжает во Францию. Затем по опасным горным тропам пробирается в Испанию, оттуда – в Португалию. С 1940 года Верфель живет в Соединенных Штатах и работает над своими последними произведениями. Наибольший успех имела «Песнь Бернадетте» (1941) – история бедной французской девушки из крестьянской семьи, которая по Б-жьей милости научилась творить чудеса. Этой книгой Верфель как бы воздал благодарность высшим силам за свое спасение в годы второй мировой войны.

Все три названных романа знакомы теперь и русскому читателю. Гораздо меньше знают у нас поэзию Верфеля. Однако именно в стихах, как именно в стихах Верфеля, начиная с юности как уже говорилось, звучит его неколебимая вера в то, что все люди рождены братьями.

В - ὀαίε, ἦ - ἀϊῶ, αἰ ἐνθεί οἰ ὑ ἀδαούϛ!

Ὀὰε ἰά μῖ ὄι ὀεᾶῆῆῆῆῆ ᾶ ἰ ἰά ἰὰ ρῆῆ!

Ἴ, αἰῆε ἰ ὀαῆ ἰ ὀεᾶῆῆῆῆ ὀὰε ἰ ἰᾶῆ,

×òíá ì ù áðáááðááá áðíñèèèñí á íáúýòúý!

Ê ÷ è ò à ò á è þ, 1911.

Í áðááá Á. Í áñ ò áðí á è á

Можно себе представить, какой болью отзывались в сердце поэта известия об унижениях, которым подвергались евреи в Австрии после аншлюса. Об этом – стихотворение «Доброе место в Вене», впервые переведенное на русский язык.

Áíáðíá ì áñ ò í á Ááí á

Á Ááí á ááðááýì çáì ðáíáíí í ñáíáò ù á ðíáñèè á ñáú è í áðèè.

Ðáèè ì íáðáçíí, áýý í ò áúòá è ì í ò ááááí í èèè ù áááí í á èáááè ù á, áá è ì ááòíý ò: áñ ò í è ñ ááðáèñèè è çáòí ðí á í èýì è.

Êç áñçáò (èþí ù 1938 á)

Ê Í ðá ò áá, è Í áðíáí ù è ñáá

Ðáá ò áí ù þ ì áý ýáí í ðáá

Í í áýý ááðááá áðáí ý ñ ò áð ò í:

Áñá è ð ò áá ò ù ò áá ò ò ò ò í áð ò áú á

Êí ñáá í í èáí ááí ù è çí í è í ù è ÷ áñ

Ñí è áá ò í á Ááí á, áñý è è è ð áç

(Í ð è ò á è í í á ò á è ç è ò á ì ð áá è è ì !)

Ááðáè Ááí ù áá ò è í ð áá è á ì.

× áí ç è ì í áð è í á è ç á ñ ò á í í á ì ?

Í í ÷ á ò í á ááðá, á ááí ù áá ì.

Ê ò í ç á ì è á ò è è, ò í ò è á è á á á á ò.

Ðá è ñ é á á ñ ý, ðá è á ý ý è á á á á!

Ê á í á è è í, á æ á ð è è è ááí ù áñ á á á á

Ç á á á í á è í ù è è á í ð í á á

Æ á í á è á í ÷ ù - è á è í á í á ð á á á

Í í áñ á í á ò áð á í í í ì í á ð ý á á

Ê è á á á è ù á í ñ è è ñ ò í è á ò í è è ñ á

Áú è «áí á ð ù ì ì á ñ ò í ì » ç á ò ù ý ý ð á á

Ùàí àáí íí ñò àè ò àèèì í ò èðí ò í.

Í ò çéí áí ù ò í ðá - í áí à çà ù è ò à

Í áæá ò í í à è à ì è í à ð í á

Òóà ñí óà ò, ñ þ á à ñí óà ò.

Óææü ì ðéÿ à ò è á è í í : è í ó

Ñáí þ ñí ðá à èÿ þ ò ñ á í à ù è í ó?

Ááç á ò ñí í ò è ò è ì á í à,

Í à è à ì í á í á à ì è ñí : ò ù à è á í à

Í í í ç à í í : á í í ù á ð á : è

È á à ò ñ è è ì è à : ñ è ù ó í ù à è á : á

È ç ð à è è ù ñ è ù ò è ò è è ì ð è è á ç?

Í í, ò ð è í è ù è, ì ð í ç á ò : à è ñ è : à ñ

È á è í é ò à ì í ò á ù ò? Í í ì ð è è á ç

Í à è è á á à è ù á ò ù á á á ò ù ñ á ç ù

Ò á á á á ñ ò à è ñ ÿ è è í é ç à ì è è,

× ò í í ð á á è è ò í è è è è ò á í è,

Í ò í ù í á ç á ñ í, í á ñ : á ñ ò í ù é æ è ò á è ù

Ò á ÿ ç à è í í í á ÿ í á è ò á è ù

È ò í ñ è ò ç á ñ í, ò á á ð ù á á ð è è í í,

× ò í í ð á á í á ñ ò ù è á ñ ò ù ç à è í í.

Í ò á è í í á á ð ç è í è á á ñ : á : í í

È á í ó è à ÿ ò í ò ò í è ì í á á á : í í.

Ó ñ í ò è é, ç ð è ò è è á ñ í ç í ù é á ù ì

Í á á í á è ò á è è ù à ì ò á í è ì ?

Á í è è á á ò ù á ò á í í ò á ç ç á ñ í ù è é?

Í á ð ò á á ò á á ñ í ù á ò ñ æ è á á ù è ì :

Æ è á í é, á ò í á ÿ ñ í á á à è ù í è é í ò ù

Í á ñ è á á ù á ì á ð ò á ù ò í á ç á á á ù

Í óòáì æáñòíêèì, íáñòáííúì

Óááá áéóæáàòúíí ðáçíúì ñòðáíáì.

Ëçðáèèÿ ñèúóèóúèè ìðééàç?

Íí áñíçáì, ñèíáíí òðóáíúé æéáñ

Ííèá íáñòáè ì íæéúííé òáíúð,

Óú - ìðáááì èðòíì óíðáçðáíúð.

Ííèá íá áðáçáèññý òáíé ñèáá

Á :óæíé íáñé íá ì ííáñ èáò,

Óááá çúì èÿ íá ñòáíáò ðááì :

Óú ííáñáì áñòíí íðáçèðááì.

À ýòíñòú :áðí è òáè ñèéúí á!

Óááÿ ññ áòáò ñçáì èè ííá

Óú ñèóæèóúçáì úñèáì, ííéóáá

Á íí :è òáÿúèì ññ ííá ññ óáíì.

Áñò óí èáí èá è íáðááí á ç íáì áðéíáñ Áðáéí áì á Ðáò ááóçá

אִתּוֹ

עִינֵי עֹסֵי אִוִּיָּה

Даша появилась в нашем доме, когда мне было семь лет. Ей – пять. Я уже ходил в школу, и появление этой малявки не вызвало у меня никакого интереса. У меня была своя компания, в которую вообще никакие девчонки не допускались. Впервые на нее я обратил внимание, когда она однажды вечером зашла к нам со своей матерью, – они недавно переехали в наш дом и жили рядом, через площадку. Я был занят очень серьезным делом: расположившись на ковре, разбираю на составные части только что подаренный заводной грузовик. Наши мамы вполголоса обсуждали какие-то свои взрослые проблемы, а Даша, стоя рядом со мной, с интересом наблюдала за тем, как игрушечная машина превращается в грудку мелких металлических деталей.

– А зачем?– спросила она тихо.

Я поднял голову и посмотрел на нее с подобающим презрением: не объяснять же этому несмышленищу,– первое, что следует сделать с заводной игрушкой, это разобрать ее и выяснить, что у нее внутри.

Она смотрела на меня, задумчиво склонив голову набок, широко распахнув ресницы, огромными, почти черными глазами, которые со временем станут для меня самыми прекрасными в мире. Но это– со временем. Тогда я не обратил внимания ни на ее глаза, ни на странную манеру задавать этот вопрос– «а зачем?» Манера была действительно странная. Она спрашивала так, будто и не ждала ответа, будто вопрос этот она задавала самой себе.

– Так надо!– сказал я небрежно, продолжая заниматься своим делом.

– А зачем?– снова спросила она.

– Отстань!– бросил я раздраженно, и она отошла от меня.

В отличие от большинства своих сверстников, которые обычно спрашивают «почему?», Даша во всех аналогичных случаях спрашивала «зачем?»

Задать вопрос «зачем?» можно по-разному. Все зависит от интонации. «Зачем?»– может означать: «не надо», «не хочу», «не стоит». Это же слово может звучать как недоумение, сожаление, разочарование и произноситься со смехом, с удивлением, с горечью. Но иногда– задумчиво, именно с тем значением, которое вложено в это слово изначально. Так чаще всего звучало оно у Даши. И значило больше, чем просто «для чего?»

Отец звал ее не Дашей, а уважительно– Дарьей. Он подчеркнуто серьезно относился к ее вопросам и пытался, по мере возможности, обстоятельно отвечать на них. А Даша снова и снова повторяла свой вопрос.

– Дарья– прирожденный философ,– говорил он жене, когда та раздражалась не находя нужный ответ на надоевшие Дашины «зачем?» – Вопрос «зачем?», в сущности, едва ли не главный вопрос философии.

– Какая еще философия?! Просто детская дурь!– не соглашалась мать.– Пройдет.

Отец с сомнением покачивал головой.

Однако во всем остальном Даша была веселым и общительным ребенком. И через какое-то время оказалась первой девчонкой, допущенной в нашу «мужскую» компанию. Впрочем, не сразу, а только после того как выпросила у нас лук,– не самодельный, а «почти настоящий», принадлежавший Вовке Моторину, и трижды попала в цель– в рваную, найденную где-то на помойке тряпичную куклу. Такое, разумеется, не могло не вызвать у нас уважения. Даша была признана своим парнем и быстро прижилась в нашей компании. Лишь иногда, когда затевалось что-нибудь, что было ей неинтересно или просто не нравилось, она, чуть наклонив головку, задумчиво спрашивала:

– А зачем?

– А затем!– отвечали ей обычно, поскольку мы и сами не всегда знали зачем. А если кто-то пытался дать какой-то разумный, по его мнению, ответ, она снова спрашивала:

– А зачем?

– Не будь занудой,– не выдерживал Вовка Моторин, и она прекращала свои вопросы.

Занудой она не была. Кем угодно– только не занудой. Она охотно принимала участие во всех наших играх и вылазках, обнаруживая смекалку и смелость, частенько большую, чем многие из нас.

Но по-настоящему наша дружба с Дашей началась, когда она перешла в шестой класс, а я– в восьмой. По вторникам и пятницам у меня, как и у нее, было по пять уроков, и мы вместе возвращались домой. Став старше, Даша реже спрашивала «зачем?» с той задумчивостью, с которой задавала этот вопрос когда-то. А если иногда спрашивала, то чаще– попросту, так сказать, в русле самого разговора. А разговоры были самые обычные, какие ведут ребята в этом возрасте. Главное было не в разговорах: главное было в том, что домой она шла не с Вовкой Моториным, и не с Валькой Курдюмовой, тоже жившими в нашем доме, а именно со мной.

Мальчишки из моего класса подсмеивались надо мной. Понятно– завидовали. Хотя Даша была моложе нас на два года, ни одна из наших девчонок и сравниться с ней не могла. Впрочем, я вовсе не был влюблен в нее. Вернее, не подозревал, что влюблен.

Однако вопрос «зачем?», в том смысле, в котором ее мать считала его чисто детским, а отец– философским, по-прежнему волновал ее, хотя она вроде бы и вышла из детского возраста. Однажды она спросила, зачем я ношу с собой в школу заячью лапку.

– Говорят, она приносит удачу.

– Кто говорит?– уточнила она.

– У негров есть такое поверье.

– И что, приносит удачу?– снова спросила Даша.

Удачи заячья лапка, как правило, мне не приносила, да и была она просто проявлением чисто мальчишеского пижонства. На экзаменах ребята ее одалживали у меня, кому-то она, похоже, и приносила удачу.

– Хочешь, подарю тебе?– спросил я.

– Хочу,– кивнула она.

Я вытащил из кармана белую пушистую заячью лапку и отдал ей.

– Спасибо,– сказала она.

– Благодарить не надо– дурная примета.

Она рассмеялась.

– Беру «спасибо» обратно. Откуда она у тебя?

Я столько врал о том, откуда эта лапка взялась, придумывая самые экзотические варианты, что не сразу признался, просто нашел ее– на сиденье такси, когда мы с мамой ехали куда-то в гости.

– А Вовке ты говорил, что тебе ее подарил Поль Робсон. Врал?

– Врал...

– А зачем?

– Не знаю.

Она внимательно, чуть задумчиво посмотрела куда-то мимо меня.

– Интересно, зачем люди врут?

Спросила в той странной своей манере, будто вопрос задает самой себе. Если бы она спросила конкретно, почему я врал про заячью лапку,– я бы еще что-нибудь и ответил, а то и просто отшутился. Но зачем вообще люди врут, вернее, почему им свойственно врать? На этот вопрос я ответить не мог.

– Да так...– пожал я плечами.

Как-то, глядя на летевший высоко над нами самолет, она спросила:

– Зачем люди летают самолетами?

– Для скорости,– ответил я, слегка удивившись ее вопросу.– Самолетом быстрее, чем поездом.

– А зачем нужно быстрее?

Действительно, зачем нужно быстрее?

Интересно, кто первым задал вопрос: «почему?» На каком этапе развития человечества? И когда возник другой вопрос– «зачем?»

Скорее всего, «почему?»– вопрос более практический, можно сказать, даже деловой. Он и был задан прежде, чем чисто созерцательный «зачем?». Для первобытного человека выяснить причину случившегося естественней, чем задаваться не имеющим практического значения вопросом «зачем?» Так или иначе, оба эти вопроса возникли у человека уже мыслящего, способного задуматься. И, наверное, предпочтение одного из них определялось психологическим складом личности. Можно сказать, что в самом предпочтении одного из этих вопросов таилось разделение человечества, грубо говоря, на людей дела и философов. Или точнее– определяло присущий им образ мышления и отношения к действительности.

Говорят, развитие человека с момента рождения повторяет развитие человечества. Спросив впервые «почему?», ребенок тем самым обнаруживает готовность осознавать окружающий мир. А вот, задаваясь вопросом «зачем?», он в какой-то мере проявляет способность к мышлению абстрактному.

Я в своем раннем детстве был типичным почемушкой. Бесконечно донимал родителей вопросом «почему?» Да и разбирая в тот раз на части заводную игрушку, разве я по существу не задавал тот же вопрос– почему? Однако Дашино настырное «зачем?» постепенно стало беспокоить и меня. Я вдруг ловил себя на том, что, делая что-нибудь, даже самое привычное, сам себя спрашиваю: «А зачем?» И далеко не всегда могу ответить.

Скажем, задаю себе вопрос: зачем я иду в школу? Ответ сам собою разумеется– чтобы учиться. Кажется, ясно. Но тут возникает новый вопрос, посложнее: а зачем учиться? Но и на этом не останавливаешься, ответ вызывает новый вопрос– «а зачем?» И так до бесконечности...

Впрочем, и с «почему?» не так все просто: тоже может последовательно увести– и обязательно уведет!– в бесконечность. И еще, я понял, что на вопрос «зачем?»– далеко не всегда есть ответ. А отсутствие ответа вызывает ощущение беспомощности и собственной неполноценности, что при моей мальчишеской амбиции меня никак не устраивало. Я решил не углубляться в эти дебри с бесконечной цепочкой «зачем?» и, если употреблял в разговорах это слово, то без того философского смысла, который бессознательно вкладывала в него Даша.

Вместе с тем Даша была натурой увлекающейся, причем все ее увлечения были самыми неожиданными. Так, однажды она уговорила меня прыгать с парашютной вышки. Я, поддразнивая ее, спросил: «А зачем?» Она только пожалала плечами.

Однажды летом она приехала с матерью погостить к нам на дачу, которую мы снимали в деревне на Оке, под Серпуховом. Я уже окончил школу и готовился к поступлению в институт. Перед домом была площадка, на которой хозяйские дети играли в крокет– игра, которой увлекались наши деды и бабки еще в начале века. Вот и мы с

Дашей целыми днями лупили деревянными молотками по шарам, что Даша делала с увлечением и ловко. Я, как правило, оказывался в проигрыше. А если не играли в крокет, отправлялись в лес. В тот год в лесу было много малины и черники. Я обедался малиной, а Даша пощипывала чернику. Но неожиданно замирала и подолгу разглядывала застывшую возле лужицы лягушку. Или долго, не отрываясь, смотрела на подпрыгивающую по лесной дорожке трясогузку. Я окликал ее. Она взглядывала на меня, и я видел в ее глазах все тот же вопрос— «зачем?»

В деревне в старенькой, покосившейся избе жил одинокий старик. Может, он был вовсе и не одинокий. Просто, проходя мимо, мы никого, кроме него, не видели. Он всегда сидел за одноногим столиком, с которого свисали длинные куски лыка, и плел лапти. Заметив нас, отрывался на минуту от работы, улыбался нам поверх стареньких, в металлической оправе, очков. И снова принимался за дело, ловко орудуя шилом или острым самодельным ножом разрезая куски лыка на тонкие полоски.

— Зачем он плетет эти лапти?— спросила она, когда мы отошли.

— А ты спроси у него.

На другой день спросила.

— Не знаю,— ответил старик и пожал плечами.— Нынче лапти никто не носит. А в прежние времена вся деревня носила, редко кто сапоги. Опрошлый год один из Москвы две пары хотел купить. Я ему за так отдал. Носить будешь?— спрашиваю.— А он— нет, на стенку повешу.— Старик хихикнул.— На стенку... Сапоги, небось, на стенку не повесит. Никому мои лапти не нужны. А зачем плету? Да так, для себя. Для собственного удовольствия. Хочешь, подарю?— Он протянул ей пару крохотных детских лапоточек.— Повесь их на стенку.

— Спасибо. Обязательно повешу,— серьезно сказала Даша.

— Вот тебе и ответ,— заметил я, посмеиваясь.— Зачем? А не зачем! «Зачем арапа своего младая любит Дездемона?»

Затем, что ветру и орлу, и сердцу девы— нет закона».

— Причем тут это?

— А притом, что не на всякое «зачем?» есть ответ. Зачем? А не зачем!

— Нет, ответ есть!— твердо заявила она.— Должен быть!

— Если бы ответ был...— я не договорил, взглянув на нее, и забыл обо всем.

Передо мной стояла совсем не та Даша, которую я так хорошо знал. Я вдруг понял, нет— почувствовал, что вижу ее в первый раз, что до этого я ее по-настоящему и не видел. Я молчал, глядя на нее. Она удивленно посмотрела на меня и, встретив мой взгляд, покраснела.

— Не смотри на меня так...— прошептала она.

Знаю, в таких случаях любая девушка кажется красавицей. Да, со мной именно так оно и было. Но, поверьте, Даша была действительно очень красивой, а для меня – единственно красивой на всем белом свете! Не знаю, как долго стояли мы, глядя друг на друга, пока я не приблизился к ней и не спросил, с трудом выдавливая из себя самые простые и в то же время – совсем не простые слова:

– Можно, я тебя поцелую?

Она не спросила: зачем? Просто молча смотрела на меня своими огромными глазами. Я поцеловал ее в щеку. До этого я ни с кем не целовался, и, конечно, поцелуй этот был довольно неуклюжим.

Даша закрыла глаза и слегка закинула голову.

– Еще, – шепнула она.

С трудом сдерживая дрожь, я поцеловал ее в чуть приоткрытые губы... Из леса мы возвращались, держась за руки.

Дома на террасе сидела Анна Андреевна, мать Даши, мои родители и какая-то незнакомая женщина. Нас встретили напряженным, пугающим молчанием.

– Что случилось? – испуганно спросила Даша, бросаясь к матери.

Мать молча прижала ее к себе и вскинула голову, как это бывает, когда стараются удержать слезы.

– Мы едем домой, – сказала она.

– Сейчас?

– Да, сейчас. Поезд через двадцать минут. Мы успеем.

– Папа? – чуть слышно спросила Даша.

Мать кивнула. Они ушли вместе с той незнакомой женщиной. Уходя, Даша уже в дверях обернулась ко мне.

– Прощай, – произнесла она почти беззвучно.

– Арестовали Дашиного отца, – сказала моя мать в ответ на мой вопрошающий взгляд.

Был июль тридцать восьмого года.

Когда мы вернулись в Москву, Дашина квартира была опечатана. От соседей узнали, что мать Даши тоже арестована, а Дашу какая-то женщина – кажется, двоюродная тетка, – увезла в Киев.

Тридцать девятый, сороковой, сорок первый...

Я поступил в институт иностранных языков, играл с институтской командой в баскетбол, ходил со знакомыми девочками на танцы. Жизнь шла так, будто никакой Даши и не было. Нет, я не забыл ее. Сидя в читальне и готовясь к очередному зачету, играя в шахматы с Володей Моториным или танцуя танго с Леночкой Мироновой, самой красивой девочкой нашего курса, я вдруг, без всякого к тому повода, вспоминал нашу прогулку по лесу, ее задумчивый, углубленный в себя взгляд и слышал обращенный ко мне вопрос— «Зачем?»

— Что с тобой?— спрашивала Леночка, заметив мою рассеянность и некоторую отстраненность.— О чем ты думаешь?

— Да так, ни о чем...

А думал о том, что на месте той, которая со мной сейчас танцует, могла быть Даша... Первое время пытался разыскать ее. Несколько раз писал в адресный стол Киева. Получал стереотипный ответ: «В списках адресного стола не значится». Ждал— вдруг придет письмо, ну хотя бы открытка... А если она оказалась там же, где и ее родители? От этой мысли становилось не по себе... А может быть, не пишет потому, что дочь репрессированных родителей, боится переписываться со мной, чтобы не подвергнуть меня хорошо понятной опасности... Или те поцелуи в лесу были просто детским порывом и значили для нее совсем не то, что для меня? Да, скорее всего, именно так... И все-таки, когда кто-нибудь случайно произносил это знакомое «зачем?», я снова вспоминал задумчивый, устремленный в себя взгляд Даши.

Тридцать девятый, сороковой... сорок первый... война...

В августе сорок четвертого мы хоронили старшего лейтенанта Володю Лямина, командира нашей роты, погибшего при переправе через Вислу на Сандомирский плацдарм. Молодой— три дня назад ему исполнилось двадцать два года— веселый, жизнерадостный, никогда в разговоре с бойцами не повышавший голоса, по-детски мечтавший после войны разводить породистых лошадей, он был единственным сыном известной в свое время исполнительницы старинных романсов. Да и сам прекрасно пел их, когда выдавался спокойный вечер... Мы были друзьями.

Отзвучал салют из автоматов, все стали расходиться, а мы все стояли у свежей могилы с Прошкиным, пожилым солдатом из-под Вологды, его ординарцем, заботившимся о нем так, как можно заботиться только о собственном сыне. Не потому ли он так привязался к Володе, что сын его, еще совсем молодой, как и Володя, в самом начале войны погиб под Киевом?..

Плацдарм был еще небольшим, и совсем близко звучали автоматные очереди и разрывы мин. В небе появлялись то наши, то немецкие самолеты.

— Зачем люди на свет являются?— тихо спросил Прошкин.— Зачем живут, детей рожают, убивают друг друга? Зачем Г-сподь сотворил человека? Неужели для— этого?

Я не ответил ему. Я подумал, что, окажись здесь, рядом со мной Даша, она задала бы точно такой же вопрос.

– Г-сподь-то знал, зачем,– помолчав, проговорил Прошкин задумчиво.– Знал... А нам того не дано. Да... не дано...

Он перекрестился и вздохнул.

Возвращались с плацдарма на другую сторону Вислы уже в темноте. Изредка от взмывающих в небо ракет становилось светло: высвечивалась сидящая впереди меня фигура Прошкина, и тут же все снова погружалось в темноту. С той стороны,

где шли бои, доносилось глухое уханье разрывов...

Не дано нам знать– зачем...

Не дано, не дано, не дано,– звучало во мне в такт ударам двух пар весел.

– Наверно, Кольку Запрудного ротным поставят,– сказал Прошкин, когда мы сошли на берег.– А то, чего доброго, и нового пришлют. Лучше уж Кольку...

Будто и не он час назад задавался вечными вопросами. Сейчас его волновал вопрос конкретный– кто займет место Володи? И это было для него важнее вопроса: «Зачем люди на свет являются?», ответ на который нам знать не дано. А ночью, в деревушке Коло, на сеновале пана Вежанского, мне снилась Даша. Что именно снилось, проснувшись, я уже не помнил. Осталось только ощущение ее присутствия в моем сне и знакомое чувство безвозвратной потери...

После войны я еще три года прослужил в Германии, в оккупационных частях, и только летом сорок восьмого снял свои лейтенантские погоны.

В Дашиной квартире напротив нас жила семья полковника КГБ, и это соседство не давало мне забыть Дашу. Но воспоминание о ней не вызывало во мне прежнего волнения. Все проходит... Еще до этого, когда я в сорок шестом приехал в отпуск, мне сказали, что звонила какая-то женщина и просила, чтобы я, когда вернусь, позвонил ей. Она оставила свой номер телефона, однако он, записанный на случайной бумажке, куда-то пропал. Бумажка нашлась, заложенная в томик рассказов Чехова, только в пятидесятом. На бумажке были записаны телефон и имя-отчество– Антонина Сергеевна. Мне это ничего не говорило. Я подумал, что это мать кого-нибудь из тех, с кем я воевал и кто с войны не вернулся. Я позвонил. Ответили: никакая Антонина Сергеевна здесь не живет.

Мне и в голову не приходило, что номер телефона имеет какое-то отношение к Даше. А он имел и– самое непосредственное. Удивительно, но буквально на следующий день после моего звонка Антонина Сергеевна позвонила сама и предложила встретиться у памятника Пушкину через два часа.

– Мне поручено кое-что вам передать,– сказала она.

– От кого?– спросил я.

– Встретимся– расскажу,– сказала она после небольшой паузы.

– Я мог бы зайти к вам,– предложил я.

– А ко мне некуда, я с вокзала на вокзал. Вы меня узнаете по голубой жакетке и синей сумочке.

Пожилая женщина в голубой жакетке сидела на скамейке против памятника и болтала с девочкой лет пяти. Антонина Сергеевна показалась мне по-своему привлекательной– легко можно было представить, как она выглядела в молодости. А в молодости была, по всей видимости, веселой и смешливой. Но в то же время чувствовалось, что жизнь была у нее не легкой. Мне она понравилась. Понравилось, как она смеялась вместе с незнакомой девчушкой.

– Антонина Сергеевна?– спросил я, подойдя к ней.

– Да, это я,– сказала она.

Я назвал себя.

– Не знаю, как начать...– проговорила она, задумчиво глядя на меня.– Вы сядьте.

Девочка недовольно взглянула на меня и неохотно отошла, уступая место рядом с Антониной Сергеевной. Антонина Сергеевна открыла синюю сумку и достала из нее деревянную лакированную коробку с изображением Ивана-Царевича с Аленушкой на сером волке. Я узнал ее– это была Дашина коробка, в которой она хранила свои детские секреты.

– Откуда она у вас?– вырвалось у меня.

– Она вам знакома?

– Очень хорошо знакома! Я видел ее у Даши... у Даши Ковалевой.

Антонина Сергеевна внимательно посмотрела на меня.

– Вы хорошо знали Дашу?

– Да... Мы в детстве... дружили.

– Хорошо знали...– повторила она .– Мне тоже казалось, что я хорошо ее знаю...

Я машинально поглаживал тусклую поверхность Дашиной шкатулки и молчал.

– Да, это ее шкатулка. Она оставила ее у меня в тот день... в тот день... когда она ушла....

– Ушла? Куда ушла?

Она ответила не сразу.

– Вы слышали про Бабий Яр?– спросила она тихо.

Бабий Яр...

...Крещатик, главная улица Киева, горел. Один за другим взрывались дома... Это было двадцать шестого, двадцать седьмого, двадцать восьмого сентября сорок первого года, через два дня после занятия Киева немцами. Взрывались дома, в которых располагались немецкая комендатура, кинотеатр, кондитерская, заполненные немцами... Погибло множество немцев. А двадцать девятого появился приказ: «Все жида города Киева ... должны явиться... кто из жидов не выполнит этого распоряжения, будет расстрелян»...

Но и те, кто выполнил это распоряжение, были расстреляны. Тысячи, многие тысячи «жидов города Киева». Там, в Бабьем Яру...

– Бабий Яр? Но она ... она же не еврейка.

– Она пошла туда... вместо Сони Гуревич...

– Пошла вместо Сони Гуревич?– повторил я растерянно.– Кто это– Соня Гуревич?

Антонина Сергеевна говорила тихо, даже монотонно, глядя прямо перед собой.

– Соня Гуревич жила со своими родителями в том же доме, что и Даша. Они были подругами. Соня была хороша собой, можно сказать– красавица, заканчивала музыкальную школу. Даша была убеждена, что она станет пианисткой не хуже самого Софроницкого. В тот день Даша пришла ко мне, оставила эту шкатулку и попросила, если с ней что-то случится, передать ее вам. Соня была светленькой, одного роста с Дашей. И когда пришли немцы... она выдала себя за Соню и ушла... Ушла со всеми... с евреями...

Ушла... Это слово застряло в моем сознании. Ушла...

– А зачем?– слышался мне Дашин голос.– Зачем?..

Ушла...

– А эта... Соня... Что с ней стало? – спросил я почти механически.

Антонина Сергеевна посмотрела на меня с удивлением.

– Соня Гуревич... Разве вы не слышали этого имени?

Да, конечно... Соня Гуревич... Пианистка. Видел это имя на афише консерватории. Шопен, Скрябин... Лауреат какого-то международного конкурса. Софья Гуревич...

– И она, Соня... приняла это?

– Она лежала больная, в бреду, ничего не знала.

Ушла... Ушла, не спрашивая – зачем? Ответила себе на этот мучавший ее вопрос... Ответила своей жизнью.

Я открыл шкатулку. Там лежала заячья лапка и маленькие лапоточки. И записочка, вложенная в конверт. На конверте мое имя.

В записке всего несколько слов. «Не спрашивай, зачем. Так надо. Я люблю тебя. Прости!»

Так надо...

– Зачем люди на свет являются? – спрашивал Прошкин.– Зачем живут, детей рожают, убивают друг друга?

Зачем Г-сподь сотворил человека? Неужели

для этого?

Нет, не для этого! Даша знала – не для этого.

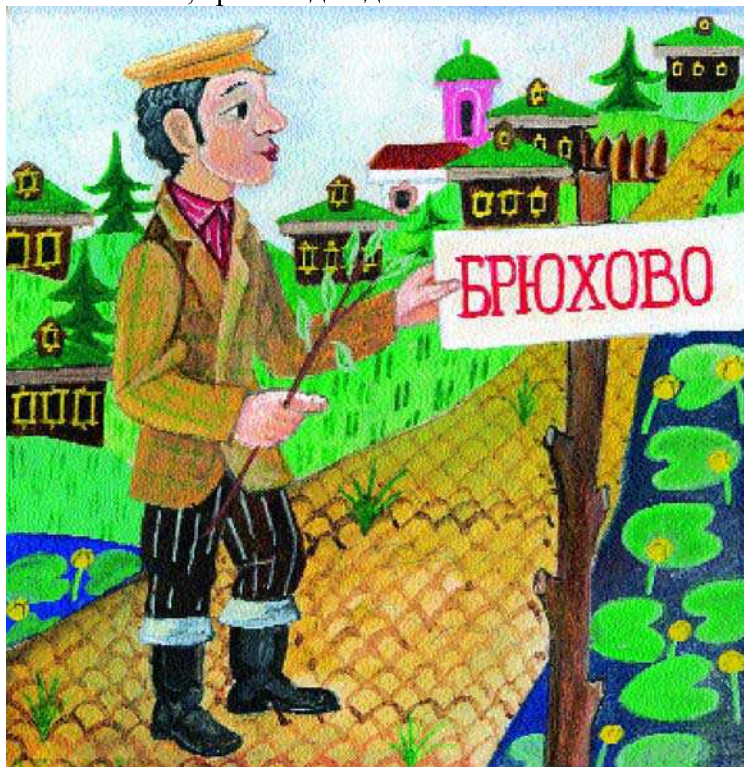
יְדַאְצִי עֵי וְעֵי יְעִי

אֲדִיאֵאָאָ

Дорогу оттуда досюда знаете? «Фридманка» называется.

Вон академик Шухов со мной по соседству, на Шаболовке, башню возвел. Так она так и идет – «башня Шухова». Или в Париже – Эйфелева... А Хрущев Никита Сергеевич, помните? Четыреста верст бетона уложил, чтобы родное село к цивилизации подключить... Хрущевка!

Эх, разве дождешься! Хоть себя лично

на бифштексы изрежь!.. И кому скажешь, куда пойдешь, где голову приклонишь?

К двадцатилетию революции (обсчитали?) назначили Шаю Фридмана в Северный дорожный отдел. Начальником. Может, и главным. Вот он быстренько снарядился да по объектам и укатил. На «эмочке» или на «форде». Уж что у них там в гараже имелось.

А только что б за ним ни прислали – лежит меж болотами наша деревня Брюхово. Не Брехово, обратите внимание. И не лежит, – а как бы это образно сформулировать? – располагается.

Здесь восточное нашествие увязло. Деревня наша Брюховка собой Европу и заслонила. А когда норманны пошли Китай завоевывать, тут и споткнулись.

А тем более «эмочка» или «форд».

Наша деревня Брюхово. По нам ни пройти, ни проехать. Только на пузе проползти.

И возмутилась быстрокрылая Шаина душа. НАМ НЕТ ПРЕГРАД НИ В МОРЕ, НИ НА СУШЕ! НЕТ ТАКИХ КРЕПОСТЕЙ... Да с песнями и с танцами не пойдешь в инстанции. Там обязательно про оркестр спросят – кто, то есть, музыку исполнять будет?

Развернул Шая «форда» – и прямым ходом наверх. Мимо милиционера. По широкой лестнице. По ковровой дорожке...

Ах, как «эмочка» по ступенькам скачет!

Силы Небесные, какая машина была! Их немцы в войну позахватывали – с места двинуть не могут. А Шая бы на Памир взлетел. Не то что в кабинет товарища Пифагорова.

Он после на юге орудовал – северный наш Пифагоров. По маслу и молоку Америку догонял.

И перегнал!

Колхозы, блин, план выполняли за счет магазинов: мясо и молоко покупают да государству-то и сдают... А товарищ Пифагоров концы с концами увязывает!

Пифагоровы штаны на все стороны видны!

Вот голая наша спина и открылась. И как уткнулся в нее Хрущев Никита Сергеевич – совсем духом пал.

– Да ну вас! – сказал. – Здесь тысячу лет ничего не будет!

Махнул рукой и взялся собственную семью обеспечивать.

А Пифагоров (не знаю отчест

ва) плешивую голову под пулю подставил. Нажал там чего следует, и готово дело. «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой!» – как Шая Фридман ему в кабинете пропел.

– Брюхово, говоришь? – сказал Пифагоров-Северный и тряхнул чубатую еще головой. – Используя внутренние резервы...

– Брюхово! – прошептал Шая и от переполняющих чувств даванул на клаксон. – С опорой на собственные силы...

«Эмочка» взвыла.

– Давай! – сказал северный Пифагоров и рубанул воздух с твердостью Пифагорова-Южного. – Нам бы только начать, развернуться... А там в правительство с просьбой войдем: помогите, блин, не бросать же!

– Да я в жизни дороги не строил! – говорит Шая Фридман, распространяющий ныне «местное лото». – Я думал как? Соберем народ, комсомолию. Кирки, лопаты добудем. Поскребем малость земельку, уроняем. Асфальтом залили, и пошел!.. А там – гатить, трамбовать, камни укладывать. Да еще во сколько рядов!.. А камень где взять? А возить на чем?.. Сто тысяч народу эти пятьдесят верст мотыжили... Да если б я знал!

А вы думаете, Давид знал, что Голиафа-то враз одолеет...

В 1940 году, – рассказывает министр, – мы в течение летнего сезона построили шоссейную дорогу. Трасса была поделена между городами и районами, а внутри городов и районов – между различными организациями. В результате большой подготовительной работы плотно насыпали в один день.

Вспоминается, с каким энтузиазмом масса народу рано утром вышла на трудовой подвиг. Более ста тысяч с одного конца и более шестидесяти тысяч с другого двинулись навстречу друг другу. А посередине работали жители прилегающих деревень. На помощь прибыли добровольцы-соседи. Людей пришло больше, чем предполагалось.

К исходу этого воскресного дня мы обзревали место работ с самолета. Под нами лежала хорошо профилированная, желтого цвета трасса, как праздничный пирог в 90 километров. Незабываемо! А после того как полотно улежалось, за дело взялись каменщики.

Седьмого ноября дорога была готова!

Намечался, стало быть, «треугольник», перенесенный мною отчасти из жизни. В Нечипляйтиса преобразил я (от противного) прибалта-сокурсника, поскольку прототип (сокурсник) поражал меня физическим и духовным здоровьем, донимая веселыми анекдотами. Из эпохи той же Гражданской войны:

– Если, – спрашивает, – за столом – шесть комиссаров, что под столом? – Пауза. Национальное лицо трехцветно сияет, как Андреевский флаг: кровь с молоком плюс синий горящий взор. – Под столом, – хохочет, – двенадцать колен Израилевых!

Ну и сделал его комиссаром, присобачив фамилию с отрицательной частицей.

Сердобольная Маша-Варя – опять-таки наша студентка, ни разу не глянувшая в мою сторону, и прототип-сокурсник запросто оприходовал девушку..

А кто, извините, поручик? Неужто я?

Зачисленный невзначай после двадцатого съезда из-за начальственной очумелости. Мальчик, легко откликавшийся на псевдоним...

Придумал-то сам, но толстая секретарша Асмик (что устроила Гроссману армянские переводы), она, по собственной инициативе, вписала его (псевдоним) в официальную ведомость. Так что не жалуясь на женское невнимание. И сердобольная Маша-Варя – нынче американская бабушка – не позабыла меня:

– Да-да, – говорит, – есть такой еврейский парень...

Вероятно, в юности, в Лит-институте, мечтал я, как всякий инородец (по неосознанному инстинкту), жениться на России. И с верною Машей-Варей улизнуть черт-те куда, через какую-нибудь полуприкрытую полулегальную щелочку, пусть в кровь ободраются и шкура – ключьями. Никакая иная Родина, oprичь Маши с Варей да русого светлоглазого потомства, мне вроде бы ни к чему.

И вдруг повстречал реального человека с фамилией Нечипляйтис.

Нас лечили в КЦ – кардио-центре. Его – безвозмездно, на средства регионального (Брянского или Смоленского?) бюджета, меня – на деньги заокеанской дочери, что разом с мамашей и щедрым американским отчимом процветает в штате Калифорния.

Был проект разобраться со мною там, в долине компьютеров и программистов, да бывшая Маша-Варя заартачилась. Я (то бишь – она) не Сизиф, чтобы таскать лежащие камни. С твоею (то бишь – моею) упертостью проще переселиться на тот свет, нежели в Новый. Вдобавок у вас (то бишь – у нас) медицинские услуги вчетверо, если не впятеро, дешевле.

Нечипляйтис тоже попал в КЦ (больничная терминология) благодаря дочери. Вернее – падчерице... Но как вообще очутился в Брянском или Смоленском регионе?

Происхождением – ясное дело – прибалт. Сельчанин. Из неимущей семьи. Где отец-батрак приветствовал советскую власть.

А на следующий год – 22 июня... Через два дня сдали Вильнюс, через неделю – Ригу, через два месяца – Таллин. Отец тем не менее успел записаться добровольцем (не то явочным порядком примкнул к красноармейцам?) и вернулся осенью без ноги.

Насчет красноармейцев не совсем точно. Отец участвовал в обороне Таллина бок о бок с моряками, с морской пехотой и заразил сынишку флотскими грезами: кортик, тельняшка, бескозырка...

Прибалтийское чадо стало офицером-подводником.

Нечипляйтис служил на Севере. Женился в Мурманске (ударьте на «а»). Там же, на казенной квартире, внеурочно придя из похода, застукал жену. Любовник развлекал ее прибалтийскими анекдотами, удваивая, учетверяя согласные.

Потоптавшись на кухне, подводник канул. Уволился с флота, развелся с женой. И осел во глубине России, в Брянском, Калужском, Орловском, Смоленском регионе... Трудился на инженерной должности. Отыскал славную одинокую женщину с малышкой. Зарегистрировались. Малышку удочерил.

Девочка Маша (Варя?) – тихая и покорная. А в четырнадцать лет сказала Нечипляйтису: «Вы не отец мне». Оставила школу, поступила в мед-училище, ушла в общежитие. Объяснила матери:

– Я вам мешаю...

Кончила с «красным дипломом», с правом внеконкурсного зачисления, но документы в медицинский не подала. Ни с кем не советуясь, подрядилась в Чечню.

– Там в день, – говорит, – больше платят, чем здесь за месяц!

– Да зачем тебе деньги? – мать спрашивает.

А Варя-Маша:

– Вам помогу... Квартиру куплю...

– Дурочка, – сказал Нечипляйтис, – на войне убивают.

А Варя-Маша:

– Так уж прямо... – И засмеялась.

Извещение (похоронную) принесли из военкомата раньше ликующей телеграммы: «боевые» получила, ждите!..

Нечипляйтис свалился с сердечным приступом. На санитарном вертолете – за государственный счет – доставлен в КЦ. Мы лежим рядом, в одной палате, и готовимся к операциям.

ДИББУК И ПИСАТЕЛЬ

Глава с примечанием

Пришел к писателю черт.

Писатель был никакой, прозябающий. Обитал в поднебесных этажах, на птичьих правах, в опасной близости от кухни, шумы и запахи которой нередко проникали к нему в гнездовье, не говоря уже о творчестве.

За эту последнюю, гастрономическую в сущности, слабость любезные редакторы единодушно отвергли его произведения, а потому, едва учуяв запах пареной заморской тухлятины, он подскочил к дверям, шелкнул замком и, раздосадованный, соответствующим образом помянул черта.

И черт не замедлил явиться.

Между прочим, без всяких намеков на крылья. Серая промасленная куртка, пестрая безрукавка, лощеные лосины типа «облипенц». И все-таки это был черт. Ибо угадывал мысли.

– У тебя, блин, замок французский? – спросил черт.

– Нет, английский.

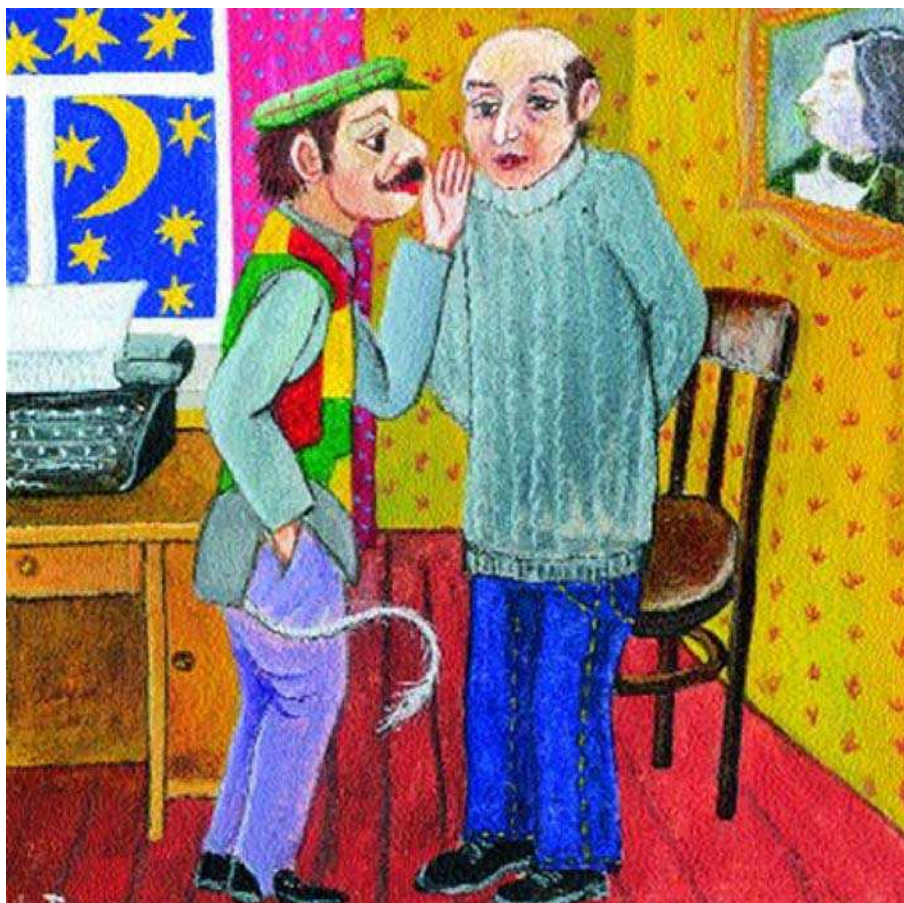
– Ну, а я черт местный. – И улыбнулся, поигрывая блестящей длинной отмычкой. – Мефистофель я. По душу твою пришел.

– Не валяйте дурака! – строго и на «вы» сказал писатель. – Не бывает никаких чертей!

– А у Гоголя? – обиженно выкрикнул черт. – У Шекспира, у Зингера?

– То другое: там вы средство... художественный прием...

– Так ведь и я – средство! Я, друг, такой художественный прием – все желания исполняю... «Фауст» Гёте читал?

Была какая-то особая трогательность, когда очень певуче, по-южному черт выговаривал: Хауст... Мехвистохвель... И писатель подобрел к черту. Подумал о сделке, которую предлагали: продать душу – исполнить желание... Первое, что пришло в голову, – ее невозможность. Ну нет никакой души! А он, чертушка, и не знает...

Писатель сказал: вот если бы черт пострадал на пожаре, понадобилась бы кожа для пересадки... или почка для трансплантации... вообще что-нибудь существенное, осязательное...

Черт не дал ему говорить, – достал из кармана свежий, вчетверо сложенный газетный листок.

– А-а, «Родная словесность»! – обрадовался писатель. – Ну-ка, ну-ка...

Указательным пальцем черт уперся в статью. Палец прямой, жесткий, с широкими, будто резиновыми, заусенцами... Статья называлась: «Творить с душой!»

– Ну, – сказал черт, – ты-то с душой пишешь? – И смотрел голубыми, неожиданными, нечеловечески местными глазами.

И писатель решился. Ладно, он отдаст черту душу – шут с ней! – но взамен...

Глаза у черта потускнели, и он сказал неуверенно:

– Понимаешь, блин, я – ничего, все законно... только почитать надо... ну, произведения твои...

И когда писатель положил перед чертом папку, по комнате расплылась розоватая сладкая пенка, напоминающая чем-то розовые мечты юности. А потом в малиновом мутном сиропе проступили очертания девушки, очень беленькой и очень веселой. С такими же, как у черта, местными небесно-голубыми глазами.

Девушка укоризненно сказала:

– Ну вот, «слепой» экземпляр. Дискету, небось, в «Тот журнал» отдали? А нам и dirty сойдет... грязный ксерокс, да?

Обиды в голосе не было – девушка вежливо отмечала нарушение. Ей-то – один черт! – «Тот журнал», «Другой вестник»... Облизывала багровый сигарообразный фломастер, с веселым хрустом ставила вопросительно-восклицательные знаки, а минутами прямо-таки прыскала со смеху:

– Ух, чертовщина! Ах, нечистая сила!

Но перевернув последнюю страницу, внезапно нахмурилась. Подперла рукой подбородок, закурила, подпалив, как сигару, багровый фломастер. Дым мешался с розовым сиропом, теснил его, поглощал...

– Ну, почему вы, – дымила девушка, – такой бука? Такой еще, блин, молодой – и такой... кха-кха-кха... бука? – И долго кхакала натужливо и сердито.

Писатель не сразу сообразил, что она смеется.

– Ведь наш читатель... кха-кха-кха... он в лучшем случае умеет читать. Дайте нам черного хлеба. Желательно с маслом. Вы же писатель, кха-кха, сочинитель...

– Нет! – взъярился писатель. – Нет, нет, нет!

– Беда с вами! – И девушка погрузилась в багровый дым. – Вас же предупреждали. Вы еще под фамилией Гоголь представились. Помните?.. Фаддей Венедиктович Б виртуально остерегал: «Зачем показывать эти рубища, эти грязные лохмотья, зачем рисовать неприглядную картину заднего двора безо всякой видимой цели?»... Ну, блин, зачем?.. Кха-кха-кха!

И вскочивши на стол, пустилась в отчаянную местную пляску, убивая заветную рукопись твердыми босыми пятками. Листочки постанывали, покряхтывали, извивались...

– Го-галь! – вопила девушка. – Го-галь! – И высунула язык – багровый, точно фломастер.

Сироп развеялся. Сверкали лосины «облипенц».

Черт был на прежнем месте, подле стола. Прозрачные голубые глаза светились, как небо за багровыми тучами.

Писатель молчал.

– Давай, блин, по второму разу? – И захкал, как девушка.

ÀËÀÀÀ ÁÁÇÌÐÈÌ Á×ÀÍÈÈ

Будильник прозвенел над самым ухом, и через минуту, в студенческой расписной фуфаячке (I don't worry be jewish! – Спокойствие, я еврей!), Иван Израилевич выбежал на общую кухню с ковшиком из цветного металла.

Все конфорки были заняты.

– Сарра Абрамовна, не плеснете кипяточку?

Чайник Сарры Абрамовны давно кипел, сама она резала вчерашние лапки, шлепая на шипящую сковородку.

– Наливайте, Иван Израилевич!

Он поблагодарил, и, наскоро, холостяцки завтракая, взглянул на газету, служившую скатертью. Газета свежая, вчера только купленная «Родная словесность», – в скатерти попала случайно.

Иван Израилевич отругал себя за оплошность, смахнул хлебные крошки и прочел:

– Творить с душой!

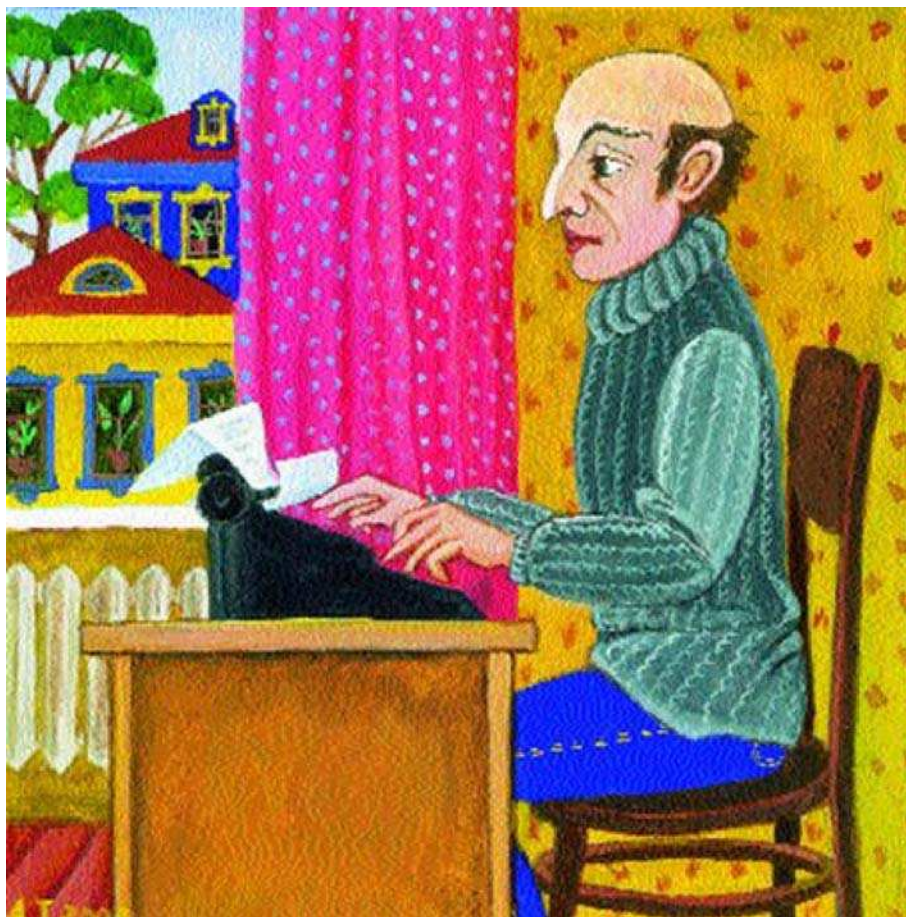
И едва произнес это, что-то кольнуло его, словно шилом притронулись к сердцу. Он обозлился на родную словесность, такую занозистую... Писали бы просто: работать добросовестно.

Боль не уходила. Торопясь на троллейбус, Иван Израилевич высоко задирает ноги, будто старался вышибить, будто доказывал: а я – здоровый... здоровый... вот бегу!

День был солнечный. По троллейбусным проводам бежали наравне с ним две золотые искры. Видел их сотни раз и ничего не испытывал. А сегодня болело.

В троллейбусе тьма народу – «час пик». Ивана Израилевича так сдавили, – всю душу вытряхнули. Боль утихла.

Сперва он обрадовался и, прислушиваясь к себе, не смел шевелиться. Потом затекли ноги. Топтался, дергался, двигал головой, – словом, вел себя как человек, которому жмет воротник рубахи. И тут в глаза ему бросились вздутые давленные пупырышки на потолке. Другие люди тоже заметили их. Кто говорил о жаре, кто – о красителях...

По роду своих занятий Иван Израилевич соприкасался с наукой (сверхштатный консультант ТОО «Ядохимикат»), в красителях толк знал, а потому всегда и с большим удовольствием поддерживал беседу. Но в это утро все слова шли мимо него. Стоял, уставившись в потолок, где – среди яркого, желтого – набухали и лопались белые пузырьки... Не смел отвести взгляд и, сдавленный болтающими пассажирами, чувствовал резь.

На третьей остановке освободилось место. Иван Израилевич плюхнулся в продавленное клеенчатое гнездо, надеясь, что теперь, когда не толкаются, хворь уймется. Мерно и глубоко дышал, и боль – чудилось, – подсохнув и зачерствевав, отваливается кусками, как корка...

Впереди, сшибаясь плечами, раскачивались две спины: старикан с восточной наружностью и парень в бейсболке. Парень показывал красную корочку, а старикан:

– Какой регистрация?.. Паспорт йок... Дач-гараж строим...

– Да это лицензия! – посмеивалась бейсболка. – Агентство недвижимости «Вечный покой»... По случаю юбилея Пушкина обеспечиваем безбедную старость...

Но старикан упрямо отодвигался.

– Зачем Пушкин? Какой регистрация? – И устремился к выходу. – Дач-гараж строим!.. Паспорт йок!

Бейсболка засмеялась, а у Ивана Израилевича заныло в животе. Его так сильно скрутило, что он невольно спросил у соседа: аппендицит – с какой стороны?

– Вроде бы слева, – сказал сосед. – Теще недавно вырезали... да, слева.

– Справа, справа аппендицит! – вмешался грубый досадливый голос. – В правой подвздошной области, если по-медицински уточнять. – Голос приблизился. – Вы уж мне верьте: всю жизнь его боялся – мерзавца этого, слепого этого черта!.. Косточки лишней не заглотал, кожуру с колбасы во-во как чистил, корку сырную на сантиметр отстругивал – жена ругалась... И что ты думаешь? Перитонит!

По троллейбусу покотился смех, проник в кабину водителя, и он последним хохотнул в микрофон, объявляя остановку.

Смеялся и Иван Израилевич, но смеялся в полрта – и не так, как смеялись все... А боль окончательно доконала его, и он подумал: наверное, аппендицит.

Когда пришел в отдел – небольшую комнату, туго набитую сайтами и байтами, глуховатая Валентина Самойловна ахнула:

– Иван Израилевич, на вас лица нет!.. Занедужили?

– Сам не пойму... то тяжесть, то пустота наоборот...

– А вы – клизму, клизму! – заверещала Валентина Самойловна. – Раз, и брысь!

Иван Израилевич работал до вечера. Кормящее ремесло, которым был занят, сводилось вот к чему. Прошлой осенью усовершенствовали автозахват для погрузки битума. Опытный экземпляр испытали в приволжском ОАО и вернули Ивану Израилевичу на доработку. Теперь, учитывая все ценное, он доводит проект.

Боль отступила. Попросту подчинилась работе. Иван Израилевич знал это и боялся уходить. Попросил Валентину Самойловну не запираеть множительную технику: я поработаю.

Глухая крикнула:

– Пожалуйста! Раз, и брысь!

Прочла длинную лекцию, как ухаживать за ветхой аппаратурой, – «да-да, она такая капризная... прямо старая дева», – и внезапно, прервавшись на полуслове, всплеснула руками:

– Иван Израилевич, какая тяжелая судьба у моей тети! Какая тяжелая... Просто раз, и брысь!

Тетя у Валентины Самойловны еще не старая – музейная художница-реставратор, незамужняя. Часто навещает племянницу, греется около семейного.

– ...Вчера сидим за телевизором, а там, знаете, помехи – все сверху вниз перекошило, – и вдруг мой Ленчик как заорет: «Мама, смотри – лицо, как у тети Фаи! Теть, ну, посмотри – прямо раз, и брысь!»... Приятно ей, Иван Израилевич? Нет, вы скажите!

И во всем теле Ивана Израилевича загудела боль. Никогда не встречал он эту некрасивую тетю и никогда, быть может, не встретит. Нет ему до нее никакого дела!.. Но болело так, будто есть дело.

Роясь в папке, обнаружил бумагу с приволжского ОАО – того самого, где испытывали автозахват. Такие хвалебные благодарности (или благодарственные хвалебны) составляют в конторе, а после разносят по установкам, собирая подписи.

Вот на подписи и глядел – разборчивые и невнятные, кривые и по-детски круглые. Долгая виляющая колонка шла сверху вниз, огибая черно-желтое дегтярное пятно...

...И увидел Иван Израилевич огромный каменный сарай – низкая крыша, цементный пол... услышал мерное шарканье... Длинной виляющей колонной шли люди, огибали темную, с желтым солнечным отблеском лужу, а некоторые расплескивали в ней свое отражение.

У каждого – картонный мешок с битумом. Кто волочил, кто прижал к животу...

И лицо за лицом... лицо за лицом... пошли перед Иваном Израилевичем грузчики – согнутые мешками, злые, прибитые к земле... шли и шли, потому что оказалось: он запомнил их всех, до единого.

И ему представился сегодняшний день: те люди, с которыми сталкивался, вещи, что кололи глаза... Утренняя искра на троллейбусных проводах вновь вспыхнула и осветила вдруг маму.

Солнце. Жара далекого года. Девочка-мама – в толпе беженцев. А навстречу – железнодорожные платформы с танками. И в танках, высовываясь из башен, – мальчишки 19 лет. Черные несуразные шлемы падают на глаза, и мальчишки кричат птичьими голосами:

– Куда вы? Не бойтесь! Вот мы им сейчас дадим!

Боль стала невыносимой. И уже ни о чем не думая, Иван Израилевич ударил по клавишам. Выскочила и врезалась буква. Ударил еще раз, потом еще.

Боль поднималась все выше – из подвоздушной области в воздушную. Вытесняла воздух. Не давала дышать. Он бил без устали. Падали черные буквы, и мальчишки в танкистских шлемах ехали умирать.

– Мама! – крикнул Иван Израилевич. – Мама, мама, мама!

× *ÀÒÛÐÀ ÀÂÐÁВ È ÁËÀÑÒÛ*

Ï è í ò ã ñ È ï ö

4(17) июня 1917 года на Съезде Советов выступал Ленин и Будущий Классик, которого в данном контексте удобнее именовать Псевдоним, ибо Классиком так и не сделался, – внешнее ли давление, неготовность ли нутряная, – и к сорока годам, если приходило в голову что-нибудь путное, подмигивал левым глазом и говорил мысленно, опять-таки про себя: это, мол, в тот журнал, – у той, передразнивал в южнорусской манере: родом был из Белой Руси, из города, скажу напрямик, Белостока (после первой мировой отошел к Польше, перед второй – на короткое время – к нам)...

Псевдоним накопил кучу историй, предназначенных в ТОТ ЖУРНАЛ, особенно о земляках.

Например, в 1943 году советский посол в Америке принимает местного жителя. Посол зовется Литвинов (Большая Советская, т. XIV, стр. 506), а житель – Дымов (Краткая Литературная, т. II, стлбц 829), но оба они – с одной улицы: Литвинов – сын старика Вулоха, а Дымов – сынок Перельманши.

– У вас остался кто-нибудь в Городе? – спрашивает Большая Советская.

Ибо все прочие города – с именами, но тот, где мы родились, – просто Город.

– Нет, – говорит Краткая Литературная. – У меня брат в Петербурге... в Ленинграде... младший... Яков Исидорович...

Ë è ò ã è í ã

À ù ï ã

С перельманшиным сыном Яшей встречалась Большая Советская в реальном училище, но как-то не уследила, что он – тот самый Перельман, который «Живая математика», «Занимательная геометрия», «Физика на каждом шагу», выходящие и по сей день черт-те каким изданием... а вот застрял землячок в блокаде... или, может быть, вывезли?

– Уже полтора года – никаких известий, – говорит Краткая Литературная. – Немцы пишут, что Петербург голодает, власти не в силах эвакуировать население... но тут показывали ваше кино: город живет, играют в футбол... И потом, он такой замечательный научный писатель... единственный в своем роде... Вы же помните Яшу!

– Да, да-да-да, – говорит Большая Советская, – да-да-да-да!

И посылает запрос в том IX, на страницу 127-ю, товарищу Жданову Андрею Александровичу. И тот комкает ту бумажку в пухлой руке:

– Чем они только в Америке занимаются? Открывали бы второй фронт!

У Той, у Той журнал... На Пискаревское кладбище!

Или Дзига Вертов (Кинословарь, стр. 72) прибывает ненадолго в родной Город.

1939 год, осень. Немцы воюют с Польшей. Мы протягиваем руку помощи Западной Украине и Белоруссии. И ДВ (Дзига Вертов) участвует в том походе как хроникер. Но что-то ему... м-м-м... мерзко, мрачно, муторно, мутно. Нет интереса к заграничным товарам и местной народной кухне.

– В чем дело? – товарищи негодуют. – Что случилось? Не выпил ли часом воды из отравленного колодца? Не влюбился ли, спаси и помилуй, в прекрасную полячку?

– Ах, товарищи дорогие! – ДВ повинился. – У меня на соседней улице папа с мамой живут, и я двадцать лет их не видел...

А в анкете, извините, проставил: есть, мол, родственники за границей... Или фамилию сменил, и никому я больше не Кауфман?..

Ну да что там! Товарищи попались душевные. Ладно, утешили, не горюй! Пойдем с тобой на соседнюю улицу, и ты вступишь в контакт с буржуазной публикой при свидетелях.

А Кольцов Михаил Ефимович? Он же Фридлянд. Он же Карков в романе Хемингуэя «По ком звонит колокол». И держит ответ перед Сталиным, отчего продули в Испанской войне.

– А что, сеньор Мигель, – тому любопытно, – у вас есть револьвер?

– Есть, товарищ Сталин.

– Но, я надеюсь, сеньор им не воспользуется. Войну-то прошляпили, а некоторые – в стороне... хата с краю... Учтите, сеньор, мы очень вас ценим.

«И так на меня посмотрел, – запершись в ванной, досказывал Псевдониму, – так посмотрел...»

– Как? – И Псевдоним отвернул кран до отказа.

– Так. Вы, говорит, совершенно нас убедили, что в поражении Испанской республики неповинны. А кто виноват? Я? Сталин виноват? – Кольцов перекрыл воду и засмеялся. – Нет, самое время уматывать в Белосток!

И последнее, под завязку.

Снова тридцать девятый год, весна. Литвинова снимают с должности наркоминдела (министра иностранных дел), и Сталин неспешно внушает ему, что вы-де, товарищ Папаша (партийная кличка Литвинова), вы, дескать, Макс (еще одна кличка), вечно вы пыжитесь да чванитесь. А чем, собственно?

Что в революцию пятого года наладили транспортировку оружия? И женились даже на англичанке, чтобы детальнее разобраться во внешних сношениях?..

А надо не с супругой советоваться, товарищ Литвинов, а с Лениным. Да. И почаще. Вот послушайте, что Владимир Ильич пишет... И раскрыл на заветной странице:

Ááðòîá

Êîëüîá

Когда два вора дерутся, от этого может получиться некоторая польза для честных людей.

– Тут не два вора, товарищ Сталин, а вор и бандит. – Или говорил ему «Коба» и «ты»: ведь познакомились черт знает когда, на Лондонском съезде (1907). – Я, действительно, якшался с контрабандистами, но ведь и ты, Коба, экспроприировал двести тысяч в Тифлисском банке.

– И что же?

– А то, что по опыту знаем, какая разница между бандитом и вором.

– Бандит убивает, Папаша.

– Вот именно. И если не вмешаться в драку между германским бандитом и англо-французским вором, то бандит сперва одолеет вора, а потом возьмется за нас.

Пауза, – записал Псевдоним в ТОМ ЖУРНАЛЕ. – Набивается и раскуривается трубка.

– Я слышал, Макс, что вы не слишком высокого мнения обо мне. Сталин-де – восточный человек, маленький султан. Ему бы-де управлять ханством где-нибудь в Дагестане.

– Товарищ Сталин...

– Даже если, – постучал трубкой, – даже если и не высказывались, я вам отвечу. Предположительно осенью ваш родной город станет советским. Надеюсь, население еще не забыло папашу Вулоха и с удовольствием изберет вас городским головой. Вот это, по моему, ваш масштаб: Меер Вулох – мэр Белостока.

Где отец Псевдонима держал книжную лавочку, выучил сына в гимназии, отправил в Санкт-Петербург...

Но мир неожиданно лопнул, точно воздушный шарик. Петербург стал Петроградом (1915), а Белосток захватили немцы (тогда же). И будущий Псевдоним, почитавший себя Классиком, остался без средств. Кинулся в журналистику, обнаружив неукротимую прыть и прочие газетные дарования, и все, что подписано в самых различных изданиях: Стоглаз, Кочевник, Ведун и даже Руальд, – это все он, Псевдоним!

И, по крайней мере, в сто глаз будет сейчас наблюдать за Лениным, как он, словно чертик, выскочит из рядов, выкрикнув с места знаменитую реплику, и зал грохнет хохотом (в ТОТ, в ТОТ ЖУРНАЛ!):

– Предыдущий оратор, господин министр почт и телеграфов, говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: есть! Наша партия от этого не отказывается! Каждую минуту готовы мы взять власть целиком! (Аплодисменты, смех.) Вы можете смеяться сколько угодно...

И Псевдоним увидел, что этот человек ничего не боится, потому что ему нечего терять.

Άέää ääü ääéé-òí íéäéé

Í íäééé ì ù ñ ñäüüééé Äääííé.

Í ó à öäí äüü- í à çääüüéé Äçéé!

×òí ííäääüü, òí é éííäé!

יִיב יֵאֻוֹוֹ

עֵיָא יֵאֻוֹ

СЕСТРА И МАМА

Лагерь далеко в Подмосковье. От станции «Барыбино» топать и топать. Лесом. Полям. Опять лесом.

Маме дали одну путевку, а нас с сестрой – двое. Конечно, досталась Симе, старшей. Мама целую неделю готовилась к посещению. Возвращалась усталая, хмурая. Я приставала:

– А когда я?

– Посмотрим.

– Куда посмотрим?

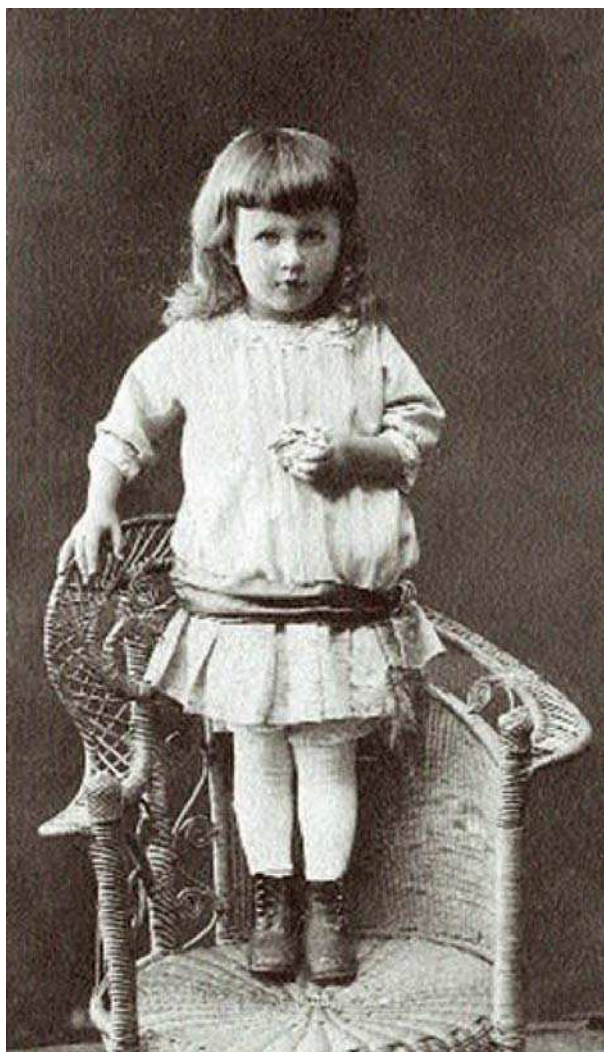
– На твое поведение.

Наверно, мое поведение было плохое – ни в какой лагерь меня не отправили.

Ни в лагерь. Ни в колхоз. Ни на целину...

А в лагере весело. Сима приехала загорелая, довольная... Только очень тощая. Ту буханку, что привозила мама, разрывали в момент на кусочки. Как не было...

А разве была?

І àì à - ääâ - èà

В школе рассказывала Сима про лагерь. И соседка по парте до того иззавидовалась, что вылила всю чернильницу на Симин – зеленого военного сукна – пиджачок. Тогда шутили: хаки цвета хаки. Но фиолетовая клякса не отстиралась.

Любимые предметы у Симы – ботаника, зоология, биология. А учительница пения приставала к маме, чтобы Симу учили музыке.

Мама работала одна.

– Какая, – кричит, – музыка? Зубы на полку, нос в кошелку!.. Идите к дяде Вине, просите денег.

Звоним. Дядя вынес пятьдесят рублей.

– Надо вкладываться, – сказал почти по-украински. – У наступном месяце у вас будет на пятьдесят карбованцев меньше.

Ужимайтесь. Занимать нельзя.

Àdàdùú Ojú è Èàéàà

Комната узкая. Две кровати. Спали в очередь под столом.

Доски на полу белые. Между ними – щель. Мы заглядывали. Ничего нет – одна темнота.

Как-то провалился большой сучок. Закрыли его желтым металлическим болтом – грибом. Когда вытаскивали, шел сквозняк – дуло, точно из преисподней.

На полу возились, замирали, слушали мамины песни, сказки. Пела мама, как Сима, замечательно. И становилась такая красивая, что мне даже не верилось, что я – ее дочка...

Нет, правда! При чем я к этой красоте?

Порой разыгрывали разные сценки. Мама – от автора. Сима – красавица Доля. Я – Смorchок, сгорбленный старичок. В лохмотьях, с мешком за плечами и с палкой в руке. Всхлипываю:

- Èsìfáńòàdàò ìí àíòíçè,

oúì èyòù àdàù ìí íàéíçè.

Ñòàdàò ìèèçáí ùéù èíòòàá

è íà ñèdèíí-òè èààá

À íà qúò ò è: è ç çà æ è ò à

àí è ò è à Áí è ý ã ð í è ò à

- Í á í è à: ù ñ ò à ð: á

í á æ ò ù ñ!

Á ç æ ý í ú í á í á í á

á ç á ñ í è ò à.

Á ó á ý ò à ò, á ó á ý í á í á,

á ó á ò ù è í í è è - í ð è ý ò à,

á ó á ò ù æ è á í ù è á á á ý ò à,

á ó á á ñ ý è á ý ò à í á á

Í í á ñ ò á á è ý è í á ð ù è ò í ð á è í á

Ñ ù í á ò, ñ ù í á ò, ñ ù í á ò.

- Á ó á ý! - Á í è ý í á è ç á è à ñ ù -

Ù í á ò í ð á è í á í á í ð á è à ñ ù

Á í á æ á ý è í ð á ý ò ñ ý,

á ñ ý í ð í á è í, á ñ ý í è í ý ò ñ ý.

- Í è, á ñ è ó á í ú è à, í è á è è ñ ý.

Ò í ð á á ò è è à

Í í ð è ó á í ú è á Í í ñ á è á í ú è á

Ù á á ñ è ó á í ú è à,

ò í: ù æ í á í ú è á

Á í è ý ò è ò í ç à ñ á ý è à ñ ù

Ò í ð á á ò ð ý ñ ù - è ð í ç è ð á è à ñ ù

- Á í è ý í í ý, í á í á í í ý!

Á ð í è ò è í è, á ð í è ò è í ý ò à!

Á ý æ á ù á è è è ñ ù, è á á á á ý ò à?

Ò à í á ð è ý æ ó í á ò í ð á è í á

í á ò í è í á í ó á ñ í í á è í á

Но самое страшное, когда мама тихо и спокойно вспоминает про Украину. Про своего папу, про его брата-провизора. Страшнее, думалось, не бывает.

Мамин папа Шая – верующий. Как шабос, непременно приводил людей. На трапезу. Мастер был «золотые руки». В свободный день ходит по дворам. Кому забор поправит, кому кастрюлю залудит. У кого нужда – каждому помогает.

А тут революция, гражданская война...

Ворвались раз «зеленые», весь дом разворошили и нашли в печке разобранное оружие. Схватили Шаю. Били, били шомполами. Не кожу содрали, а прямо мясо с костей.

Ī ài à è ääá ññò òü.

Пошли бандиты в аптеку к провизору Лейбе (брату Шаи). Вытащили на улицу как был, в белом халате. Вывезли за город. Спешились. Привязали дядю Лейбу к хвостам. Лошади помчались в разные стороны ... Мы застыли на полу, обхватив мамины ноги, прижав щеки к ее коленкам: я – к левому, Сима – к правому. Уставились в синие мамины глаза. Они сделались огромными, черными (белки вдруг пропали). Мама говорила тихо-тихо, ровным голосом...

Мы удивлялись, дивились. Как это курица с отвинченной головой семенит по двору и крыльями машет? А за ней – верзила. Руки врасстопыр, никак не поймают...

Двор усеян пуховыми, нежными перышками от подушек и перин. Многолетний бабушкин труд – под сапогами бандитов...

– Мы, – говорила мама, – через окно... огородами... в лес... Нас там всегда находила соседка-украинка. Крынка молока, краюха хлеба, шаль для меня. Спасибо. Поклон ей до земли.

А с маминной мамой, что утаслаась от бандитов, тоступили в сорок первом году просто. Подвели к яме, толкнули: скачи! – и засыпали. Три дня земля дышала.

Папина мама гнала по полю корову. Летчик дал очередь. И по бабушке, и по корове...

Nāñò òù.

Вот чудеса! Оказывается, в других семьях есть предки. Живые!

Бабули, дедули. Прабабушки, прадедушки. Да еще в двух экземплярах. С маминной стороны, с папиной стороны...

А нас с сестренкою двое. И Сима таскала меня за собой. На концерты, в театры, в кино. В музеи, на танцы. На лыжи, на коньки. В компании...

Сима пела, я подпевала. Звали нас «сестры Бери».

Летом на яхтах. Летим, расправивши паруса, по Клязьминскому водохранилищу...

Сима – культорг у себя в поликлинике. Ходили на Райкина в Зеленый театр.

Парк Культуры был красивый. Много цветов, розарий, фонтаны. Пахнет свежестью, скошенной травой, медом. В раковине, на симфонической эстраде, – классика. Танцы на танцплощадке... И Утесов поет на прощанье:

Áíòñáí ññáé:é,

áíáòé áàí íí:é..

Но однажды мы увидали его въявь – плачущим.

Выступала еврейская артистка – Сиди Таль. В прежние времена острили: «Сиди, Таль!»

В смысле – сиди и не рыпайся.

Она и сидела. По-тихому. И не рыпалась...

Маленькая, кругленькая, славненькая. Вроде в голубеньком, легком, пушистом платьице... И поет, как умеет, на родимом наречии:

Î é, Î ääää, î äöü-Î ääää!

Òäì, î ä Î îäääääí éä

В îäîîäë îò éí òääîîä

Ê îäí îé ääëäòäí éä!

Ñëäë Òäëü

Вдруг из зрительного зала поднялся мужчина. Идет на сцену, прижимает к груди громадную корзину роз.

Белых. Кипенно белых...

Передаёт исполнительнице.

А корзина такая – не обхватить. Бедная певица не в силах ее удержать. Вдвоем кое-как опустили.

И тут мы узнали Утесова. Наклонился, поцеловал Сиди Таль руку и заплакал, лицо прикрывая платком.

А Сиди Таль пела на идише:

*Ááðæ, íàì íáæèòü
áðíáííì äíì ó!
Çáã àèè í àíí
á íðíèëÿòòòò òðÿíèíá
Ááðæ í ú! È òíèüèí ííòíí ó
Èáòÿò íàì íóèè è íðíèëÿòüÿ
áííèíá*

На том концерте были мы трое: мама, Сима и я.

Íðèì á-áíèÿ:

1. Ááðæíèèá í áíí è í áðíáæ ñ èæèòà Í áóí Áðáíí áá

2. Áíèüí úé (è ááííí à íðèáèèèòàéüí úé) í áðáííá óèðáèííèíá ò áéíð à:

*Èááò ñò àðè-íè íí áíðíáí
áéá áíèí-èò í íæ.
Ñéáíí áíðíèèá óò èðááò
ää í á ñèðèíí-éá çí áé, è áðááò.
À óíáí íá èðáÿ í íéÿ
íèèèèááò áá Ñóáííá-Áíèÿ:
- Í á íèá-ü ñò àðè-íè, í á æ àèóéíÿ!
Áéÿíü í á ì áíÿ, í í æ àèóéíð à!
Áóááòü æ èòü óí-áíðüÿ çà í áçóóíé,
èðáè í áéüüáì è ñò áí óò í íèáçíááò ü
èðáí ááò üÿ í á áííòòüó
íðèÿò-èííáé,
í á ðáçáíáí í úò èíðíá-èááááé.
À çà í úíáçíáá í íííóáí éá
áóááò áíÿ-áíèíá óááæáí éá*

Í íáño ááéyé, ñò àdè÷íé, ñù ó

àà íáííéíé ááíí óí ó

Ñùíéàò è ñùíéàò ááí áééá

Í àñùí áàò...

- Í á áíáíéúí í éé, ñò àdè÷íé?

Áéáèòú, éàé íédúáééííí áí÷íé

Éíéè ñùí à ò òáíí àò,

éíí÷èòíí í áòà í áíí ý.

Éíéè ì áóíé í í òáíí òíí,

ñ÷ àñòúá ñ éòò÷éà ñ òáíí òíí.

- xòí òú, Áíéòéà, ÷òí òú?

Í í á áú ò áíé çáíí òú!

Í á éíí í áò ì áóíé í í ó áú..

Ñò íéúéí ááí áééé í áýáó!

Đáíí ò áé, Ñóáííá, ñùí à

í á áíááño ì áí ý ñùí à

Áíéý ò èòí çáíí áýéáíí

Óòýííí! - ñùí à è òáçí òááéáíí

- Áó áú, ááí áééé-ááí íkéàò à!

Áúño òí éòúéú éáááýò à!

Ñáí áé Áíéòò í í ééí óò

ý í á ñ òáéòò Ñóáííéí ó

Í á íño àéííí áíéúéá ñééú...

Áíí éàò óíí éé áí í í áéú?

â êîãî÷êîé ñêîæáí í òþ èããîí ùí

2

Á ì àòðí òàèâéáí í äý äããà
 í à þííòó ñéí èãé æýæèò.
 ×èòàþùèé ñí ðããà í àèããí
 ó àá÷ííã äðããà ñèæèò.
 Í à òðíãé í éá÷íì áãí, çáíýò,
 òú àèæèòúí ìí äðããà èì óçèíì -
 ðãíì óò úããí ìãì ò àðçáí èé
 áãíì àðò í íã áéãã ñí çèíì.
 Çããíì ñéíãí ìí ñò áãéèà í ðýí ì
 ìíã í áãà æèèò í áéó ðéèà,
 è ñí ì ò ðèò ìí ì ò Áããì á
 áã ñò ðããà á èþááé è áéèà

3

Î í è äãã äíì àóí ìá æéíí
 ñéãíçíì àðèþ í ðíòáãéé á ããàóéí.
 Áíðèò ñãã÷à, è ì í á òáì ìí.
 B ì àéáí ùèèé, è ý íãéí.
 Ñ ì áíý ñí í èçèè è ì í è ÷óèèé,
 à ìí ñò ðéèèò ìý è ñãí,
 ìí - ñò àð, áíá ñò áí óò ñò àðèèé,
 è ì ú óí ðãí, èàè áíá, èàè áíá..
 Í ì áãíðèò è óáí÷àò áíèóó
 í áçããò í èá ñéíãà ì í èè òá
 è í éá÷óýí í áíí áãóó.
 ×áíì ñò ó÷àò, ñãã÷à á ñðèò.

Èç öèèèà «Dièèèi »

Í à ñ àðü Èíñè òà Àðí àñéí à

Í í ìò èðí ààò ààíü, ààò ààò ñáíé èóò ò àò,

àáí èè áááò, çàí àò ààò à ñáíé í àñ: è í èè.

Ýòí ÷ àèàý èààò èðà, í í çáíü í à àðáí ý àèèàò.

È í à ààò ò àèàò í í, í í ìñò ìý í í çáíýò èðàò è í èè.

Í áí àè àü ì ðèòí àèò ñáíé, èðáñ í ááúé í íýò,

ñ í èí èàèíé-òí ò ááò ðýé, ù àèè à ð ù èé «í è í í èüò í é».

Í í ì í èí ààò í à ñáçí, ÷ ò í ì í í àààò à áááí,

÷ ò í áýò ì ì áðááò í à áí èüí í.

Á ààçò ñòí óò ò ááò ù, òñò àáò è á í ò í í ò ð í,

è àè à ó áñ áá, í í è ò èè í àð àè è àèü ù ì ò í áí

é ìñò ð í áó í à áñò í é, èóáà ì ò í èü ááò í àð í

ñ áúò ý í óò ù ì í èàò ì ý, ì ð èí áááí í ù ì í áò áñ áí í.

Áñèè á í ò í ò èèü ñ ì ò ð áò ù, í í è í é í ú é - áí àè è í èè è é ì ð á:

è í á á í í è à í á á á, ð í ò ñ è àò ÷ á á ñ: ó ð á è ò á á á í,

*Íí íá áñòááéòá ðÿáíí, òíéíá ááñí ðíááðáò,
áúòòí èòí-òí ñòíééíóé áéáÿí ðþ áíáá
Áíò éáéÿ ííá.. ñíéþùéáøÿ èèòí;
èç íñòúáøáé éðíáé ðíáí íá ááðáéñò áí
áíøéí, éáé íáðòèçáí èç áíéúííéèò éáñíá
÷òíá, ííááíðíáíé çááðáá, íéúòúé áíéíá ááí èòáéñíé.
Ýòá æèçíúé ñí áðòú, ááñíéò ðáçí áð è ááí
ííòñòèèñííé æéáíí óííáíí íáúáí íí ííá ðíááðá,
áíò è òíí èò ááí ÿòá áñòáÿ áçáñíí
Íí íá:éñòí áíí áòáí ííé, íðáð éðíííòééáí ñíáðáí.*

*×áí áú òú íé íáéááéá, áñí íáíí, áóøá,
òú ííòíí íðíéááøúá ááéí òèòí, íáñíáøá
Áíá íá íáñíéè ííí áéáøú, í èéúá áðóáéí ...
Óíðíóí èè òááá á òáéá? áíááðòáí òáíéí ?
ß ááñíñéááÿ íðíáðáá, çíááøú ÷òí éáí þñíí
ááíðèòú òááá «Íá íááí», íííéí áþ áðóíòú
×òí æ, éðííáé ííéúáá áéðøé, áíðí í:é ñáíá
íáéúúú áí óòíÿ... ðó:éá íéøáò... í èéíá æéòúá*

І тєсá Аітєі (ááá).

Наверное, думают обо мне. С годами растет и моя любовь – как чувство неоплатного долга.

На краешке кресла, легко прислонившись к своей маме (тете Мане), присела моя двоюродная сестра – кузина Бася, самая красивая родственница. Я и тогда это понимал и при каждой нечастой встрече как бы заново удивлялся, радовался... Она замужем и, как сказали бы нынче, на ПМЖ в Киеве.

За Басиной мамой – в центре – Басин папа (мой дядя). Старший из родственников, глава клана – Давид Богин.

Бок о бок с ним – мальчик. В бархатной курточке, с выпущенным белым воротничком, с ручонками на груди. Дядя слегка прижимает его, как бы удерживая от шалости. Этот мальчик восьми лет – я.

Äyäv Äádai (áíëúóááë).

Í á íáíðíóá: «Óðái ý éííëþ, í á çááóáúó á íðéæíáë,

òí ÿùééñý á íéííáð äëý çáúéòú íðááú è ðíæíú. Ä.Ä. (Äádai Áíæí). 24.02.1917».

(Çá íááæþ áí Óááðæíííéíé ðááíëþöëë).

А старый дядя – мой друг. Как-то солнечным летним утром с приятелем Мироном – ему предстоит погибнуть на Большой войне – топчемся мы у витрины на главной бобруйской улице, зачарованные рыболовным набором: поплавков, леска, крючки...

И вдруг вижу: прямо на нас шествует дядя Давид. Мощный, высокий, широкоплечий... Стремглав бросаюсь наперерез, и без лишних слов докладывает он недостающие копейки... Не знаю, смог бы я к кому-нибудь так безоглядно броситься...

Даже к родителям. Не потому, что им жалко денег. Мама и папа – они и без удочек не слишком охотно пускали меня на речку...

Плечо в плечо с мальчиком – дядя Наум. Лопухий. С евреями это бывает. Такие же оттопыренные уши достанутся и его сыну, покуда не родившемуся. Обо мне, по первому впечатлению, проблеял дядюшка почти по-козлиному:

– Прока-а-азливый мальчик... – И теребил свои уши.

Был у него большой и красивый велосипед – вещь по тем временам редкая, и дядюшка, видать, не хотел, чтобы я прикасался.

Наклонившись и приобняв дядю Наума, стоит младшая из сестер Богиных – моя тетя Маша. Они с лопушком Немой недавно поженились. Дома у них – годовалая девочка, младшенькая в семье...

Î îé îðáð ñáî-áðîþ, î îáé î éááðáé ñáðððîé (áñéîðá î îñéá áñéíó, 27.09.1945, Áíáððéñé).

На Украине, где после войны осел ленинградский Ося, здравствует его сын – Вадим. А Осин внук Филипп и две внучки – в Израиле... Собирается и Вадим. И фамилия там изменится – станет ивритской...

Жаль. Красивая фамилия. Ее выслужил прадед – кантонист. В награду за верность Царю и Отечеству. И своему еврейскому Б-гу.

Судя по воспоминаниям, мой дед Мойше Богин известен в Бобруйске как добрый, отзывчивый, очень порядочный и набожный человек. В тридцатом году, 80 лет, уехал в Палестину. Его сыновья и внуки – Давид Богин, Абрам Богин, Иосиф Богин – не уронили ни чести, ни достоинства.

Любопытный случай произошел на заре советской власти. Американский дядя Арон, зная не только из газет, как худо в России, послал своему отцу 20 долларов. Как ни странно, денежный перевод вручили. Но дядя Абрам, ставший большевиком в царской армии и еще не убитый на польской войне, распорядился немедленно отправить валюту назад. От буржуев-де подачек не примем!.. Мои родственники в Америке долго смеялись.

А мне грустно...

Еще живет в Германии прежняя ленинградка – тетя Фаня. Ей – 99. А мальчик на фотокарточке – старик. Ему есть что сказать тем, для кого еврейский исход из России – не только статистика.

Нас, Богиных, на давней бобруйской фотографии – десять. Еще двое – вне фотографии. Сейчас – около тридцати. Детей, внуков, правнуков. Трое – в России (ну, в СНГ). Четверо – в Германии. Пятеро – в Америке (США). Пятнадцать – в Израиле.

И я – в Москве.

Ô Î Ô Î Á Ð Á Ô È È È Ç Á Ð Ô È Á Á Á Ô Î Ð Á

ПРОГУЛКИ ПО НОВОДЕВИЧЬЕМУ

Nîëîî îí Êëîîéñ

Í ðîáîéæáíéá Í à-àëî â ¹ 113-118, 123, 126, 128

ТЕХНИКУ ДЕЛА ЗНАЛИ ХОРОШО

В конце 20-х годов по указанию Сталина широко развернулся поход на философию – против «уклонистов».

Завидное усердие в этом стал проявлять мало кому известный слушатель Института Красной профессуры **Митин Марк Борисович** (1901 – 1987).

Будущий Красный профессор сочинил для журнала «Революция и культура» серию обличительных статей против «отступников».

Значился в них и талантливый ученый Ян Эрнестович Стэн, который одно время был не только консультантом вождя по философским вопросам, но и его «домашним учителем» – занимался с ним изучением гегелевской диалектики.

Но это его не спасло. В 1936 году он разделил участь многих и оказался за решеткой.

А в это время отпечатали 57-й том Большой советской энциклопедии, в котором статья Стэна «Философия» занимала около 20 страниц (!). Ситуация сложилась катастрофическая. Что делать? Пускать тираж тома под нож? Сочинять новую статью и вставлять вместо старой?

Выход нашли «оригинальный», и под статьей вместо фамилии Я.Стэн появилось:

Основная работа по статье произведена М.Митиным и Щегловым.

Но и этого показалось недостаточно. Теперь статья заканчивалась руганью в адрес... истинного автора и репрессированных вместе с ним ученых:

«Беспощадным резцом марксистского анализа Сталин вскрыл в 1930 году буржуазно-меньшевистскую природу попыток ревизии марксистской философии... В лице своих руководителей и “идеологов” (Карева, Стэна) и подавляющего большинства своих приверженцев меньшевистствующий идеализм оказался прямой агентурой троцкизма и зиновьевщины на философском фронте, идеологическим прикрытием антипартийной и антисоветской деятельности троцкистско-зиновьевской банды».

Что же произошло дальше?

Стэна расстреляли.

А придворный трубадур Митин продолжал без устали славословить в адрес Сталина, разоблачать неугодных. Особенно преуспел в разгроме генетиков-вейсманистов-морганистов, в прославлении Лысенко. И труды его были вознаграждены.

Вот далеко не все его «достижения».

Академик, главный редактор журнала «Под знаменем марксизма-ленинизма», директор Института марксизма-ленинизма, шеф-редактор газеты «За прочный мир, за народную демократию», председатель правления общества «Знание», главный редактор журнала «Вопросы философии», член ЦК КПСС, лауреат Сталинской премии. (10-4-6)

Справедливость требует отметить, что у Митина по «разоблачительной» деятельности был солидный соавтор: философ, академик Юдин Павел Федорович (1899 – 1968). Преуспел он тоже не мало: директор Института Красной профессуры, Института философии АН СССР, ОГИЗа, зам. главнокомандующего группой советских войск в Германии, посол в Китае, член ЦК КПСС, лауреат Сталинской премии. (6-36-7)

«Два сексота НКВД на философском фронте Митин и Юдин, – написал А.Г. Авторханов в книге “Технология власти”, – сумели лишь одним заявлением посадить в подвал всю Комм. академию при ЦИК СССР...»

«Митин и Юдин звезд с неба не хватают, но технику дела знают хорошо». Такая оценка деятельности этих ученых принадлежит... Сталину.

Кому-кому, а уж вождю в этом вопросе можно верить.

ДЕНЕОБ АЕСІ УР

Директива, которую военный прокурор Особой Краснознаменной Дальневосточной армии полковник юстиции **Малкис Владимир Исаакович** (1899 – 1973) получил от своего высшего начальника – военного прокурора СССР – требовала:

«Пересмотреть прекращенные в 1935 – 36 гг. уголовные дела об авариях, катастрофах и других происшествиях под углом зрения наличия вредительства и диверсий».

Это был открытый призыв-приказ к дополнительному разгулу репрессий, волна которых уже захлестывала страну.

Выполнять преступную директиву Малкис, для которого вся деятельность была направлена на борьбу с беззакониями, отказался.

В те страшные годы сталинских репрессий это был гражданский подвиг. И Малкис его совершил. С риском для собственной жизни он продолжал спасать солдат, офицеров от сфальсифицированных обвинений, игнорируя приказ.

Арест командующего Особой Дальневосточной Краснознаменной армией маршала Советского Союза К.В. Блюхера стал удобным поводом и для расправы со строптивым прокурором.

К 20 годам лишения свободы приговорили Малкиса, квалифицировав его служебные отношения с командующим армией как участие в антисоветском заговоре.

...В 1955-м Малкиса оправдали. ГУЛАГовский ад не сломил его воли, но превратил в инвалида. Доживал на пенсии.

(С 127-7-1)

ΓΑΕΨΑΑΝΟΙ ΨΕ ΕΨΑΑΝΟΙ ΨΕ

ΨαυψαεΨε Βεΐα ΑΐδεΐαεΨε (1914 - 1987), физик-теоретик, академик. В 1949, 1953, 1956 гг. получал Золотые Звезды Героя Социалистического Труда, в 1957 – Ленинскую премию, в 1943, 1949, 1951, 1953 – Сталинские премии...

По количеству этих высочайших наград, да еще полученных за столь короткий отрезок времени, не трудно догадаться, что даны они за какие-то сверхсекретные и архиважные оборонные работы...

Сравните даты наград с двумя историческими событиями, и вам все станет ясно:

1949. Успешное испытание советской атомной бомбы, означавшее конец монополизма США в области владения ядерным оружием.

1953. В СССР создана термоядерная бомба (раньше, чем в США).

Об этом неизвестном Зельдовиче мы узнали совсем недавно.

«Самый крупный вклад в создание советского ядерного оружия вложен Яковом Борисовичем Зельдовичем и Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Это поистине гениальные люди», – сказал научный руководитель разработки и создания отечественного атомного и термоядерного оружия академик Ю.Б. Харитон.

Выше оценки не существует.

И до, и после работы над атомным проектом Зельдович занимался очень многими фундаментальными научными проблемами. Трудно даже перечислить все сделанное им. Косвенным, но весьма убедительным свидетельством того, что «известный» Зельдович был гигантом, корифеем науки, может служить следующий факт.

В середине 80-х изданы биографические справочники ученых: «Физики», «Химики», «Астрономы». И в каждом из них есть статья «Зельдович», рассказывающая о его огромном вкладе именно в данную науку.

Второго такого случая не знаю.

(10-4-17)

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ НОЯБРЯ

1 НОЯБРЯ

75 *עָאָר מִן אִיּוֹ דִּיאֵאַיאִעִי* терапевта, государственного деятеля, академика РАН и РАМН, министра здравоохранения РФ, директора Гематологического центра в Москве, автора трудов по теоретической и клинической гематологии, острой лучевой болезни, дисгормональным кардиопатиям и др., введшего в гематологию понятие опухолевой прогрессии, раскрывшего ее роль в патогенезе гемобластозов (опухолей крови), лауреата Государственной премии СССР **Андрея Ивановича Воробьева** (р. 1928, Москва).

7 НОЯБРЯ

125 *עָאָר מִן אִיּוֹ דִּיאֵאַיאִעִי* физика и радиохимика, профессора Берлинского университета, предложившей (совм. с О. Ганном) ряд методов исследования радиоактивности, открывшей протактиний, начавшей исследования по облучению урана нейтронами, впервые (совм. с О. Фришем) объяснившей опыты Гана и Ф. Штрассмана по расщеплению ядер урана, **Лизе Майтнер** (Meitner; 1878, Вена – 1968, Кембридж).

8 НОЯБРЯ

115 *עֵאֹד תַּיְיטְ דִּיאַיאִיעֵי* виолончелиста, педагога, профессора Ленинградской консерватории **Александра Яковлевича Штримера** (1888, Ростов-на-Дону – 1961, Ленинград).

10 НОЯБРЯ

50 *עֵאֹד תַּיְיטְ תַּיְיטְ אֲדוֹעַ* (15 хешвана) общественного деятеля, одного из ведущих алохических авторитетов своего времени, одного из духовных лидеров в Эрец-Исроэл, автора труда «Хазон Иш» **рабби Авроома-Иешаи Карелица** (Хазон Иш; 1878, Коссово Гродненской губ. – 1953, Бней-Брак).

12 НОЯБРЯ

130 лет со дня рождения политического деятеля, одного из создателей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», одного из лидеров меньшевиков, члена Временного Совета Российской республики (предпарламента), после октября 1917 года выступившего с критикой внутренней политики большевиков (продовольственной диктатуры, «красного террора» и др.), автора трудов по истории социал-демократии в России, мемуаров **Л. Мартова** (наст. имя и фамилия Юлий Осипович Цедербаум; 1873, Стамбул – 1923, Шёмберг, Германия).

13 НОЯБРЯ

85 *éàò ì äü ðæääéÿ* физика, члена-корреспондента РАН, профессора МИФИ, автора трудов по теории ядерных реакций, внутренней конверсии, несохранению чётности в ядерных взаимодействиях, квазиядерным системам, предсказавшего открытие бариония, **Иосифа Соломоновича Шапиро** (1918, Киев – 1999, Москва).

16 НОЯБРЯ

65 ёаò ì äü ðæääéÿ биохимика, академика РАН, директора Института молекулярной генетики РАН, автора работ по строению и функционированию нуклеиновых кислот, создавшего (совм. с сотрудниками) методом генетической инженерии бактериальные штаммы, продуцирующие интерферон и др. биологически активные соединения, лауреата двух Государственных премий СССР **Евгения Давидовича Сврдлова** (р. 1938, Днепропетровск).

17 НОЯБРЯ

95 ёаò ì äü ðæääéÿ скульптора, народного художника СССР, действительного члена АХ СССР, лауреата Государственной премии СССР **Вениамина Борисовича Пинчука** (1908, Горошки Волынской губ. – 1987, Ленинград).

18 НОЯБРЯ

20 ёаò ì ã äü ðæääéü гимнастки, обладательницы золотой (2000 г.) олимпийской медали, чемпионки мира 1998 и 1999 годов **Ирины Александровны Зильбер** (р. 1983, Свердловск).

20 НОЯБРЯ

20 ёаò ì ã äü ðæääéü пианиста, народного артиста СССР, профессора Московской консерватории **Якова Израилевича Зака** (1913, Одесса – 1976, Москва).

23 НОЯБРЯ

30 лет со дня смерти певицы (меццо-сопрано), члена Академии музыки в Иерусалиме, солистки театра «Опера-комик» в Париже, «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке, преподавателя Джульярдской школы в Нью-Йорке **Дженни Турель** (Tourel; псевдоним – анаграмма фамилии педагога А. Эль-Тур; наст. фамилия Давидович; 1899, Петербург – 1973, Нью-Йорк).

26 НОЯБРЯ

75 ёаò ì ãíÿ ðæääíëÿ цитолога, члена-корреспондента РАН, профессора МГУ, проводшего исследования биологии нормальных и опухолевых клеток, в том числе молекулярных механизмов реорганизации цитоскелетов, **Юрия Марковича Васильева** (р. 1928, Москва).

30 НОЯБРЯ

70 ёаò ì ãíÿ ðæääíëÿ химика, члена-корреспондента РАН, профессора РГУНГ им. Губкина, автора исследований в области органического катализа, разработавшего научные основы ряда процессов на основе оксида углерода, **Альберта Львовича Лapidуса** (р. 1933, Никольско-Архангельское Московской обл.).

ИЗ НАШЕЙ НОЯБРЬСКОЙ ПОЧТЫ

יְדַעְתֶּם אֲנִי וְעַלְמַי עֵינֹתַי...

До чего же омерзителен Я. Эльсберг, один из героев очерка В. Кардина «Преданные без лести» («Лехаим», № 8, 2003)!

Да, эпоха родила много приспособленцев и вообще подлых людей всех мастей. Евреев в том числе. Фиговым листком интернационализма прикрывалась националистическая политика советского руководства. И существовавшая квота в отношении лиц с «пятым» пунктом, по-моему, была, вопреки мнению В. Кардина, не только и не столько в гуманитарных областях. Как раз в «оборонке» она была, пожалуй, ощутимей. «Отсев» начинался с вузов, к отдельным специальностям евреев вообще не допускали (возможно, это делалось по устным указаниям и, естественно, документов об этом нет, так что Г. Костырченко и этот факт отнесет к разряду мифов). А если евреи уже учились на «спецфаках», то их, по возможности, переводили на другие факультеты, не готовившие специалистов для работы в «почтовых ящиках».

Так было, например, у нас на радиофаке Горьковского политехнического в 1951 – 52 гг. А приведенный В. Кардиным пример с Арзамасом-16, где под руководством Ю.Б. Харитона создавалась советская атомная бомба, неудачен. В. Кардин утверждает, что там «хватало ученых “нежелательной национальности”». Число их определялось практической надобностью... Отношение к каждому диктовалось осязаемой пользой, им приносимой».

И.В. Курчатовым еще в 1945 г. в помощь Ю.Б. Харитону был привлечен опытный конструктор и технолог Владимир Александрович Турбинер. Когда под руководством В.А. Турбинера были выполнены основные проектно-конструкторские работы по первой отечественной атомной бомбе, Турбинер, по указанию Сталина, был заменен известным танкостроителем генералом Л.Н. Духовым.

Вскоре успешно прошли испытания изделия. Как отмечал Ю.Б. Харитон, большой вклад В.А. Турбинера и его коллектива в разработку первой атомной бомбы несомненен, а то, что заслуги Турбинера остались никак не отмеченными, – это большая несправедливость.

Было бы хорошо, если бы в журнале «Лехаим» о В.А. Турбинере рассказал кто-нибудь, кто его лично знал. Мог бы поделиться воспоминаниями о беседах с Ю.Б. Харитоном и В.А. Турбинером сотрудник нижегородского телевидения А. Цирульников.

И еще реплика о позиции В. Кардина по набившему оскомину спору о готовившейся накануне смерти Сталина депортации евреев («Лехаим», №2, 2003. Дойти до сути. Хотя бы попытаться).

Странно считать знакомством В. Кардина с министром вооруженных сил страны Н.А. Булганиным наблюдение за министром на военных парадах, пусть и, как пишет автор, «отдаленным».

То, что Н.А. Булганина в армии не любили, никакого отношения к его свидетельству о депортации не имеет, а вот то, что рассказывал он, будучи подвыпившим,

о готовившемся переселении евреев, говорит именно в пользу версии о депортации (что у трезвого на уме...). Кроме того, Булганин пользовался доверием Сталина.

Ἄ. Ὀἀεἀἰῆῆῆῆῆ,

Ἰ ἐὰί ἐῆ Ἰ ἰἰἰ ὀἰἰ

А я любил Андрея Андреевича!

Взяться за перо меня заставили статьи Бенедикта Сарнова из цикла «Павел Савлович» в двух последних номерах журнала (№ 9 и 10). Письмо мое обращено именно к уважаемому литературоведу.

Автор подробно пишет о своей статье в «Литгазете», посвященной поэзии Евгения Евтушенко и Андрея Вознесенского и об ответе на нее его коллеги А.Л.Дымшица. Надо сказать, литературоведение, критика (видимо, по невежеству) для меня - весьма загадочная сфера интеллектуальной деятельности: писатель или поэт что-то написал, а после этого сонм специалистов пытается сирому читателю объяснить, что же он хотел сказать...

Б.Сарнов пишет: «Его (Ф.Кузнецова) радовала открывшаяся вдруг возможность макнуть меня в то же дерьмо, в которое... так часто приходилось погружаться ему». Простите, а разве, написав свою статью, Сарнов сам (по собственной инициативе) не очутился в выгребной яме? Отмечаю замечательное чутье критика: «разделяется» (термин Сарнова!) он не с какими-нибудь бездарями, а с людьми талантливыми, это доказало время, впрочем, было это ясно и тогда. Я помню то время - меня, старшеклассника, поразили (и это чувство сохраняется!) ассоциации Андрея Андреевича, многие строчки я помню с тех пор. И вдруг нас, школьников, зовут на собрание, где учителя объясняют нам, какие плохие (и даже вредные!) стихи у Евтушенко и Вознесенского. Честно говоря, не помню, цитировали ли они Сарнова (не думаю, что кто-нибудь помнит его строчки), но какие-то газетные публикации упоминались. Кажется, говорилось и о «синтетичности». Так что, если этот термин ноу-хау Сарнова, то, по крайней мере, отраженным светом он в этой проработке участвовал... Сарнов пишет, что дистанцировался от сонма хулителей талантливых поэтов, расставляя опознавательные знаки «... для тех, кто понимает». А как быть с теми не-литературоведами, которые не понимают?

Мы были достаточно ироничными ребятами, на наше отношение к поэтам эта бредятина не подействовала.

Перейдем к Дымшицу. Наверное, это был очень плохой человек. Не читал (и, наверное, уже не буду) читать его статей. Обиделся на него Сарнов, даже руку при встрече не подал. А что, собственно, так возмутило нашего героя? Включил, негодяй, в перечень хороших поэтов и поэтов, по мнению Сарнова, этого недостойных. Но НИКОГО при этом не поливал, во всяком случае, Сарнов об этом не пишет.

Так чья позиция достойней – того, кто похвалил, возможно, недостойных, или того, кто в соответствующей политической обстановке поливает заведомо достойных?

Ἄ. Ἀῶἰ ὀἰἰἰ,

ὀῶἰ